Жмуров Д. В.

Некриминология

Монография

Д. В. Жмуров

НЕКРИМИНОЛОГИЯ

Монография

Электронное издание
локального распространения

Санкт-Петербург
Наукоемкие технологии
2026

© Жмуров Д. В., 2026
ISBN 978-5-00271-140-6

УДК 343.9
ББК 67.51
Ж77

Автор:
Дмитрий Витальевич Жмуров – кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Байкальского государственного университета

Рецензенты:
Ярослав Владимирович Гармышев – кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии
Байкальского государственного университета;
Андрей Геннадьевич Анисимов – кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Иркутского юридического института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

Ж77 Жмуров Д. В. Некриминология [Электронный ресурс]: монография / Д. В. Жмуров. – Электрон, текстовые дан. (5,5 Мб). – СПб.: Наукоемкие технологии, 2026. – 240 с. – 1 электрон., опт. диск (CD -ROM).

ISBN 978-5-00271-140-6

Книга включает описание основных криминологических проблем современного этапа развития наук уголовно-правового цикла. Для практических работников, преподавателей и обучающихся.

ISBN 978-5-00271-140-6
© Жмуров Д. В., 2026

Научное издание

Жмуров Дмитрий Витальевич

Некриминология

Монография

Электронное издание локального распространения
Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:

- процессор: Intel x86, x64, AMD x86, x64 не менее 1 ГГц;
- оперативная память RAM ОЗУ: не менее 512 МБайт;
- свободное место на жестком диске (HDD): не менее 120 МБайт;
- операционная система: Windows XP и выше;
- Adobe Acrobat Reader;
- дисковод CD-ROM;
- мышь.

Публикуется из оригинал-макета, подготовленного автором
Главный редактор *В. М. Коровин*

Издательство «Наукоемкие технологии»
ООО «Корпорация «Интел Групп»
https://publishing.intelgr.com
E-mail: publishing@intelgr.com
Тел.: +7 (812) 945-50-63
Интернет-магазин издательства
https://shop.intelgr.com/

Подписано к использованию 10.06.2026 г.
Объем издания – 5,5 Мб.
Комплектация издания – 1 CD.
Тираж 300 CD.

Благодарности

Выражаю искреннюю признательность всем, кто оказывал поддержку и содействие во время работы над этой книгой. Особая благодарность моим дорогим родителям, супруге и детям, Диане Степаненко, Александру Протасевичу, Татьяне Судаковой и Людмиле Саниной за помощь и участие. Спасибо Евгению Попову за идею книги.

Автор

Оглавление

Глава I. И все-таки наука 6
Глава II. Криминология под вопросом: причины сомнений 16
Глава III. Si crimen est 26
Глава IV. До и после преступности 36
Глава V. «Часть силы той…». Когда преступность во благо 46
Глава VI. Преступность: векторы развития 59
Глава VII. Преступность: биологический ракурс 73
Глава VIII. Преступность: культурологический ракурс 85
Глава IX. Преступность: психологический ракурс 109
Глава X. Личность преступника? 128
Глава XI. Контроль над преступностью: издержки и ошибки 140
Глава XII. Еще раз о роботах 189
Список литературы 215

Глава I. И все-таки наука

Вопросы: *Криминология как наука. Что изучает? Прогнозы развития.*

В романе Д. Лихэйна «*Остров проклятых*» судебный пристав Тедди Дэниелс с напарником прибывают на остров, где находится тюремная больница для умалишённых. Перед ними стоит задача - расследовать исчезновение одной из пациенток. В результате хитросплетений сюжета детектив обнаруживает, что разыскиваемая особа мертва, а преступление совершил он сам, прежде чем аменизировать эти события.

Как ни странно, но сюжет произведения напоминает эволюцию и развитие современной криминологии. Аналогия выходит за рамки литературного сравнения и вскрывает парадокс, лежащий в основе попыток понять природу преступности.

Общество, как и пристав, отправляется на собственный «остров» - в замкнутую, казалось бы, чуждую систему преступного мира, чтобы расследовать феномен, который сначала кажется аномалией. Чем глубже происходит погружение в расследование, тем более тревожные и неудобные открытия ожидают главного героя, наиболее важное из которых – «зеркало», в котором отражается собственное лицо.

Вначале расследования, как и Тедди Дэниелс, общество действует с позиции силы и мнимой праведности. Оно четко разделяет: «мы» - законопослушные граждане (цивилизованный мир) и «они» - преступники, обитатели «острова проклятых» (изолированные и болезненные элементы). Ран-

няя криминология с её поисками *прирожденного преступника*, замерами черепа и идеей *гена преступности* вполне соответствует данному канону. Как упомянутый пристав, криминология ищет внешнего врага, аномалию, которую можно увидеть, описать и нейтрализовать ради всеобщей безопасности. Остров в романе - идеальная метафора тюрьмы, гетто или другого механизма сегрегации, созданного чтобы отделить «нормальность» от «отклонения».

По мере расследования, стены между главный героем и обитателями острова истончаются. Он обнаруживает ложь, манипуляции, сбои в самой системе, которая должна быть оплотом порядка. Его уверенность в собственной адекватности и правоте тает. Точно так же криминология, эволюционируя, отходит от однозначных теологических или биологических трактовок преступности. Она обращается к более сложным концепциям. Например, теории аномии Р. Мертона, согласно которой общество навязывает единые цели успеха (богатство или статус), не предоставляя равных условий их достижения. Апеллирует к теории стигматизации (клеймения), утверждающей, что ярлык «преступника» навешивается обществом и, зачастую, имеет большее значение для криминальной карьеры человека, чем его изначальный проступок. Сюжет романа неоднократно подчеркивает, что «остров» не просто лечебница, а инкубатор тех болезней, которые там пытаются лечить.

Кульминацией произведения становится шокирующее открытие: пристав Тедди Дэниелс и есть Эндрю Лэддис - пациент, совершивший преступление. Его расследование оказалось лишь терапевтической инсценировкой, попыткой принятия правды. И здесь становится очевидной суть приведённой аналогии, подкрепляемой данными о том, что около 60-90% законопослушных граждан на деле являются

преступниками[1,2]. Эта цифра – своеобразный момент истины. Она свидетельствует о том, что преступность – это не совокупность деяний малой, чуждой группы «монстров». Преступность - неотъемлемая, хотя и скрываемая часть человеческого опыта. Разница между осужденными и среднестатистическими гражданами зачастую состоит не в наличии или отсутствии криминального опыта, а в тяжести содеянного и факторе удачи – быть или не быть пойманным.

Люди создают законы, которые сами нарушают. Многие осуждая коррупцию - дают взятки; требуя справедливости - пользуются лазейками в законах. Насилие порицается, но одновременно тиражируется массовой культурой и скрыто практикуется в семьях и коллективах. Общество, пытаясь понять преступность, на деле ведет мучительный диалог с самим собой. Оно расследует симптомы собственной болезни. Попытка изучить преступность - это акт коллективного самоанализа, который заставляет признать*: мы и есть те, кого мы ищем*. Общество одновременно и детектив, и преступник, и врач, и пациент на этом гигантском «Острове проклятых» под названием цивилизация.

Финал романа ставит перед героем неизбежный выбор: «Жить монстром или умереть человеком?». Приняв правду о себе, Эндрю Лэддис выбирает лоботомию - забвение, отказ от ужасающей реальности. Общество тоже находится перед альтернативой.

---

[1] Валлерстайн И., Вайл К. «Наши законопослушные правонарушители» // Журнал «Probation», 1947.

[2] Jr.; Short, J.F.; Nye, F.I. Extent of Unrecorded Juvenile Delinquency Tentative Conclusions. J. Crim. Law, Criminol. Police Sci. 1958, 49, 296, https://doi.org/10.2307/1141583.

«Жить монстром» - признать коллективную ответственность за существование преступности, отказаться от удобного мифа о «плохих людях», перестать строить новые тюрьмы и начать лечить социальное неравенство, безнадежность и отсутствие возможностей.

Или «умереть человеком» - фактически выбрав социальную лоботомию: игнорировать неудобную правду, усиливать репрессии, культивируя враждебность к отдельным группам людей и создавать иллюзию собственного благообразия.

Какой из этих путей выберет человечество покажет время. В любом случае, криминология останется *инструментом* упомянутого *коллективного самоанализа*. Благодаря ей будут найдены аргументы в пользу первой, второй или какой-нибудь еще позиции.

Сегодня криминология - это *область исследований преступности, её причин и условий, механизмов противодействия, а также личности, совершившей преступление*.

Место криминологии в системе наук неоднозначно. В Европе, России и Китае она считается частью юриспруденции, в Южной Америке входит в состав антропологии и медицины. США и Канада практикуют преподавание криминологии на социологических факультетах[3] (см. таблицу 1).

[3] Crump J. 30 Ominous Facts About Criminology. URL: https://www.factinate.com/things/30-ominous-facts-about-criminology-2 (дата обращения 10.06.2025).

Табл. 1 Сравнение подходов к месту криминологии в системе наук

Регион	Доминирующая дисциплина	Ключевые аспекты
Европа, Россия, Китай	Юриспруденция	Правоприменение, личность преступника, анализ наказаний, ресоциализация.
Южная Америка	Антропология/медицина	Биологические и культурные факторы, психиатрические исследования преступности, криминогенные патологии.
Северная Америка	Социология	Социальные структуры, уголовная статистика, профилактика через социальные программы.

Среди юридических наук криминология держится особняком. Это небезосновательно. Она исследует объективную реальность - *девиантное поведение* как феномен, оцениваемый в контексте уголовно-правовых запретов. Традиционные юридические науки, зачастую, имеют дело с искусственными конструктами (нормами), созданными законодателем.

Криминология использует *методы эмпирических наук* - наблюдение, эксперимент, статистический анализ или опросы. Она стремится объяснить почему люди совершают

преступления, что этому способствуют, как общество реагирует на отклонения и т.п. Юридические науки в большинстве придерживаются герменевтических методов - толкование текстов, логический анализ норм, систематизация правовых положений и т.п.

ЭТО ИНТЕРЕСНО: весьма любопытной специализацией, в рамках которой преподается криминология, является магистерская программа «**Cultural Criminology**» («Культурная криминология») в Лундском университете (Швеция). Она уникальна тем, что объединяет криминологию с культурологическими исследованиями, фокусируясь на влиянии культурных норм, медиа и представлений людей о преступности, девиациях и социальном контроле.

При всей разнице подходов, *криминология* и *юридические науки* образуют *некое единство*.

Криминология нуждается в юриспруденции для фиксации и описания преступности. Юридические науки немыслимы без криминологии, выступающей средством познания той реальности, которую они пытаются конструировать и регулировать. Эта взаимозависимость не устраняет важного различия: криминология остаётся *наукой о сущем* (девиантном поведении), а юридические специальности - *науками о должном* (нормативных конструкциях как инструментах охраны и регламентации).

При всех наколенных в криминологии знаниях, число вопросов к этой науке не уменьшается. Можно указать на некоторые из них:

- *почему наращивание информации о преступности не приводит к ее искоренению?* Это принципиально отличает криминологию, к примеру, от медицины. В медицинской сфере развитие теоретических и эмпирических знаний позволило выработать практические меры по искоренению некоторых заболеваний (оспа, чума, холера, эрготизм, бешенство и т.п.). В случае с криминологией, несмотря на значительный объём данных о природе, причинах и закономерностях преступности, аналогичного эффекта не наблюдается. Имеющиеся знания не трансформируются в меры, способные привести к радикальному снижению преступности. Одной из причин подобного положения дел является сложная, многоаспектная природа преступности, тесная связь криминальных явлений с социально-экономическими, культурными и политическими условиями, а также с особенностями функционирования общества в целом. Это ограничивает возможности прямого применения научных знаний для решения задач, декларируемых как цель криминологии и приводит к сохранению фундаментальных проблем в указанной области;

- *почему профилактические усилия приводят к возникновению новых, более изощрённых форм преступности?* Развитие криминальной среды зачастую идёт на шаг впереди точечных криминологических вмешательств: ужесточение контроля приводит к росту организованной преступности; возникновение технологий сопровождается опережающей цифровизацией криминальной среды; расширение полицейского контроля влечет эффективное изменение типов преступной активности;

- *почему некоторые криминологические теории оказывают обратный эффект, наоборот, порождая преступность?* Имеются примеры, когда криминологические идеи, будучи

неверно истолкованными, вульгарно применёнными или просто ошибочными, приводили к опасным последствиям. Одним из таких примеров является т.н. теория «разбитых окон» (Джеймс Уилсон, Джордж Келлинг) и её агрессивное применение на практике, особенно в США (90-е гг.). Согласно этой концепции, физический беспорядок (разбитые окна, граффити, мусор) и мелкие правонарушения (попрошайничество, пьянство в общественных местах, безбилетный проезд) создают атмосферу безнаказанности и социального упадка. Эти представления были положены в основу стратегии «нулевой терпимости», когда люди массово преследовались за действия, которые ранее редко приводили к арестам. Результатом стала широкая криминализация населения отдельных городов, обусловленная перепроизводством преступников, неизбирательным навешиванием ярлыков и ростом рецидива;

- *почему криминология не может установить прямые причинно-следственные связи между социальными явлениями и преступностью?* Ей не удается сделать это, как происходит в физике или химии, поскольку основным предметом исследования выступают люди, обладающие волей, сознанием и уникальным опытом. Миллионы из них живут в бедности, но не становятся преступниками. Дети из благополучных, полных семей, получившие прекрасное образование, совершают чудовищные и необъяснимые преступления, в то время как множество из тех, кто вырос в условиях насилия и пренебрежения, посвящают свою жизнь помощи другим. В странах с жесточайшими наказаниями, вплоть до смертной казни, преступность не исчезает, а приобретает изощренные и скрытые формы. Люди с высоким интеллектом и блестящими карьерными перспективами идут на совершение экономических преступлений, рискуя всем, хотя

их базовые потребности многократно удовлетворены. Одни и те же факторы в разных контекстах дают прямо противоположные результаты;

- *почему многие знания используются криминологией «задним числом» и с фокусом на реакцию, а не предупреждение?* В отличие от ряда научных дисциплин, криминология не предлагает универсальных инструментов ранней профилактики преступности. Усилия концентрируются на изучении уже совершённых преступлений, работе с рецидивистами, анализе зафиксированных инцидентов. Предупредительная функция криминологии остается декларацией, а не реализованной возможностью, что до некоторой степени обесценивает ее социальную значимость.

Будущее криминологии не определено. Во многом оно зависит от того, какие решения принимает профессиональное сообщество. Речь идет не о разовом выборе, а о совокупности практик - о том, какие вопросы считаются значимыми, какие методы признаются надежными, как выстраивается подготовка специалистов и по каким критериям оцениваются результаты исследований.

Позитивный сценарий - развитие криминологии как самостоятельной междисциплинарной науки, ориентированной на беспристрастное изучение преступности, ее причин, условий и последствий, а также механизмов выявления и контроля. Такой подход предполагает открытость к данным и теориям смежных дисциплин, их интеграцию в единый исследовательский конструкт. Междисциплинарность здесь важна не как декларация, а как способ повысить объяснительную силу исследований.

Альтернативный сценарий - редукция криминологии до узкой прикладной специальности, выполняющей преиму-

щественно сервисные функции. В этом случае исследовательская повестка может сместиться к решению краткосрочных задач отдельных ведомств или организаций, а критерии успеха - к удобству применения полученных знаний, а не научной обоснованности. Риск заключается в том, что дисциплина начнет воспроизводить уже принятые управленческие решения, не задавая неудобных вопросов о границах криминализации, о селективности контроля, побочных эффектах наказания и профилактики. Ослабление связи с фундаментальными исследованиями и методологической рефлексией приведет к сужению научного горизонта.

Следовательно, выбор между криминологией как наукой и криминологией как обслуживающей технологией осуществляется «здесь и сейчас» - через приоритеты исследовательских программ, требования к качеству эмпирических работ, направленность образовательных траекторий, редакционную политику журналов и др. Если сообщество поддержит стандарты прозрачности, воспроизводимости и критической проверки выводов, криминология сохранит относительную независимость. Если станут доминировать ведомственные запросы и закрытые практики, дисциплина рискует утратить научную перспективу и превратиться в набор инструментов для подтверждения заранее принятых решений.

Глава II. Криминология под вопросом: причины сомнений

Вопросы: *Теоретические и эмпирические проблемы современной криминологии.*

В попытке дать ответы на главные вопросы (что такое преступность и как ее контролировать?) криминология сталкивается с массой трудностей. Это происходит на фоне усиления постмодернистских идей об относительности и условности ее предмета. Последнее не всегда улучшает понимание научных проблем, хотя и подчеркивает их глубину и многочисленность.

Идет непрерывная дискуссия: ряд авторов указывают на профанацию криминологии[4]; сомневаются или отказываются от использования ее базовой терминологии; отмечают, что научные результаты нередко искажены влиянием идей «тоталитарного либерализма» и концепции ничем не ограниченных прав человека[5]; привносят в науку элементы религиозного мышления (хотя не исключено, что на нем основаны базовые принципы нравственности, производной которых выступает право); дополняя все это изрядной долей научного пессимизма.

Наличие обозначенных противоречий не свидетельствует о том, что рассматриваемая научная область исчерпала себя. Очевидно, любая модель познания беспрерывна.

[4] Клейменов М.П., Клейменов И.М. Профанация криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - Иркутск: Изд-во БГУЭП. 2010. № 2. С. 13-20

[5] Босхолов С.С., Номоконов В.А. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 2 (18). С. 128-136

Чем больше становится известно, тем сложнее понимать происходящее, а число вопросов умножается кратно. Накопление знаний приводит к новым дилеммам и задачам, растущим в арифметической прогрессии. Прав был философ Т. Маккенна отмечая, что «*чем ярче разгораются костры знания, тем больше тьмы открывается нашим изумленным глазам*». Ситуация научной неопределённости в криминологии свидетельствует о достаточном багаже знаний, который уже накоплен. Задачей исследователей в этих условиях выступает разработка сбалансированных и интегративных моделей криминологического знания, способных гармонизировать разные теории.

Ключевые проблемы криминологии можно сформулировать следующим образом:

1. *проблемы изучаемого объекта - это вопросы научного или практического качества, которые требуют разрешения в процессе проведения исследований преступности, как социального феномена.*

В первую очередь проблема целесообразности и разумности познания преступности. Некоторые авторы указывают на дискуссионность этого понятия, высокую вариативность его содержания и зависимость от культурного или временного контекста. Преступность предлагается считать лишь социальной конструкцией, а не объективной реальностью. Из этого порой делаются неутешительные выводы о ценности криминологии.

Я.И. Гилинский пишет, что главный объект криминологии - преступления, преступность. Но нет деяний, преступных по своему содержанию, констатирует автор. Умышленное причинение смерти другому человеку - убийство, тяжкое преступление (ст. 105 УК РФ). Но это и действия, награждаемые

медалями за заслуги. Это и профессиональная оплачиваемая деятельность палача в тех странах, где, к сожалению, сохранилась смертная казнь. А умышленное причинение смерти другому человеку по его просьбе - легальная эвтаназия в Швейцарии, Нидерландах, Бельгии и тяжкое преступление в России.

То, что считается преступлением, меняется от страны к стране и от эпохи к эпохе, значит, у «преступности» нет устойчивых границ. Криминология не изучает какой-то единый предмет, а лишь набор разнородных практик, которые правовая система в конкретный момент маркирует как запрещенные. Тем самым наука выступает инструментом поддержания определенных социальных норм и иерархий. Критики криминологии отмечают, что у науки «нет собственного предмета»: она лишь отражает интересы власти, которая определяет, какие действия являются наказуемыми в данный момент. Говорить о существовании предмета криминологии в строгом смысле - значит принимать правовую метку за онтологический факт.

Идут дискуссии вокруг «личности преступника». Ее существование вызывает обоснованные сомнения у многих исследователей. Разумеется, можно обсуждать личность убийцы X, грабителя Y или коррупционера Z. Однако криминология нацелена не на это, а на идею существования некой «личности преступника», отличающейся от прочих граждан. Но подобной индивидуальности не существует. Нет таких качеств, черт или особенностей, которые были бы исключительно присущи именно «личности преступника»[6].

[6] Гилинский Я.И. В тупике ли криминология постмодерна? // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 3 (18) С. 227–231.

Против реальности такой «личности» выступили А.М. Яковлев, И.И. Карпец, Ю.Д. Блувштейн и другие авторы. А.З. Рыбак констатирует: «В криминологии (и не только) нужно окончательно, категорически отказаться от учения о личности преступника»[7].

2. *Проблемы используемых методов* касаются *вопросов, определяющих выбор, применение и обоснование исследовательского инструментария в криминологии*.

В науке используются несходные методы и какой из них «правильнее» неизвестно. Из-за этого результаты разных криминологических школ трудно сопоставимы. Исследователи, работая с одним материалом, нередко приходят к противоположным выводам.

Немало криминологических исследований основаны на корреляционных данных, а не на экспериментальных доказательствах, из-за чего причинно-следственные связи остаются предположительными, а не доказанными.

Интеграция знаний из разных наук делает сложным выбор приемов исследования, поскольку каждая специальность может иметь свои предпочтительные методы и подходы. На это наслаивается тенденциозность в использовании методологической базы и несоответствие инструментов познания его объекту, маниакальное упорство в предпочтении социологических методов при изучении сугубо психологических явлений[8] и прочее.

[7] Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении: новая методология / А.З. Рыбак. — Москва: Юрлитинформ, 2020. — 296 с.

[8] Антонян Ю.М. Методологические проблемы криминологии // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. № 2 (19). С. 159-172. doi:10.35427/2073-4522-2024-19-2-antonyan

3. *Проблемы эмпирического материала - трудности и препятствия, связанные со сбором, анализом и интерпретацией данных о преступности.*

Базовый объект криминологии (преступность) плохо наблюдаем. Официальные данные непостоянны во времени и пространстве, потому что меняются правила регистрации, приоритеты полиции, кампании контроля и т.п. Юридическое содержание и квалификация преступлений изменчива, а сравнения между периодами и странами выглядят «склеенными» будто из разных событий. Это дополняется неполнотой данных, низким качеством статистики и сложностями изучения новых видов преступности. Криминологическая информация конструируется институтами контроля (полиция, суд, пенитенциарная система), и потому попытки использования таких данных во многом измеряют деятельность этих институтов, а не наблюдаемое явление.

ЭТО ИНТЕРЕСНО: Рэнди Гонсалес в работе «Criminology as Pseudoscience» (2025) иронично ставит вопрос, является ли криминология наукой или просто сборником предположений, сравнивая ее с астрологией или алхимией. С юмором он отмечает, что в криминалистической лаборатории действительно есть наука, но в остальном — это философские изыскания, основанные на мнениях, слухах и домыслах. Автор подчеркивает отсутствие строгих доказательств во многих криминологических теориях.

Систематические ошибки и предвзятость в отчетности являются следствием неполного учета, различий в методах

сбора данных и несходстве локальных правоприменительных практик. Например, то, что в одной стране считается «нападением», в другой может квалифицироваться как «хулиганство». Где-то учитываются только официально зарегистрированные преступления, а где-то - информация от социальных служб и виктимологические опросы. В одних юрисдикциях сексуальные преступления трактуются максимально широко, включая домогательства, в то время как в других – такие эпизоды в статистике не отображаются. Ряд стран начали учитывать киберпреступления гораздо позже по времени, что привело к несоответствиям в глобальных статистических данных. Все это создает путаницу и непреодолимые сложности.

К эмпирическим проблемам относится «дилемма выборки», когда построение криминологических результатов заведомо основано на изучении лиц, попавших в поле зрения правоохранительной системы, а значит наиболее дезадаптивных индивидах. Исследования, построенные на таких выборках, отражают лишь определённый спектр криминальной активности - ту, что правоохранительная система способна обнаружить. Создается предвзятое представление о преступности. Лица, которые попадают в поле зрения полиции, могут быть не просто преступниками, но и субъектами с более глубокими социальными и психологическими проблемами. Вероятно, это искажает выводы о причинах и характере преступности в целом.

4. *Проблемы вариативности объяснений: существует множество внутреннее противоречивых теорий, интерпретирующих предмет криминологии.*

Имеются как классические взгляды (теории рационального выбора или научения), так и современные подходы в

виде экосоциологических или гендерных моделей, критической криминологии, сосредоточенных на репрессивном характере тюрем и предвзятости системы уголовного правосудия и т.п. Десятки теорий не всегда позволяют ясно понимать откуда «берётся» преступность, нередко противоречат друг другу: налицо конфронтация биологических и социологических теорий; структурных[9] и индивидуальных[10]; теорий рационального[11] и аффективного выбора[12]; теорий стресса[13] и теорий дефицита[14].

Многообразие подходов породило расщепление криминологии на различные направления исследования. Сегодня их насчитывается минимум три[15]:

- *социологическая криминология*. Исследует связь демографических переменных и факторов окружения с преступлением; концентрируется на социальных группах и обществе в целом. Учитываются факторы возраста, расы, пола, социально-экономического статуса, межличностных отношений, этнической и культурной принадлежности и проч.;

- *психологическая криминология* - это наука о поведении и психических процессах преступника. Фокусируется на индивидуальном преступном поведении: каковые механизмы

[9] Влияние социальных структур и экономических условий на уровень преступности (теория аномии Дюркгейма).

[10] Теория личностных черт, сосредотачиваются на характеристиках личности индивида, которые могут приводить к преступному поведению.

[11] Преступники делают осознанный выбор, основываясь на выгоде и рисках, связанном с преступлением.

[12] Многие преступления совершаются под воздействием сильных эмоций, таких как гнев.

[13] Теории о социальном напряжении, подчеркивают, что высокие уровни стресса и давления, особенно в социально-экономической сферы, могут способствовать увеличению преступности.

[14] Отсутствие необходимых ресурсов также может приводить к преступности.

[15] Бартол К. Психология криминального поведения. СПб., 2004. 352 с.

его усвоения, что его вызывает, какие факторы способствуют его поддержанию и изменению, каковы личностные черты преступника и проч.;

- *психиатрическая криминология* – занимается поиском патологических причин преступного поведения.

5. *Эволюционные проблемы, связанные с осознанием будущего преступности, касаются сложностей и изменений динамики криминальной деятельности.*

В условиях глобализации криминология сталкивается с необходимостью осмысления новых форм преступности (нейропреступность, робопреступность, преступность в метавселенных и виртуальных реальностях; биотехнологическая преступность, преступность в космосе и проч.). Поэтому особый интерес вызывает связь преступности будущего с теориями *трансгуманизма* (т.е. концепции техногенного улучшения умственных и физических способностей человека), *проблемами философии сознания и этики* неживых субъектов; *виртуалистикой* как философским подходом, предполагающим существование множественных реальностей и т.п.

6. *Проблемы обратной связи заключаются в сложностях передачи и применения научных данных и выводов в сферу практической деятельности, а также в обратной интеграции опыта и потребностей практиков (общества) в теоретические исследования.* Это приводит к разрыву между теорией и практикой и затрудняет разработку эффективных мер по предупреждению преступности.

7. *Проблемы эффективности, т.е. насколько криминологические знания позволяют продуктивно решать задачи, стоящие перед уголовно-правовыми науками*.

На данном этапе развития науки криминологические методы и рекомендации не всегда приводят к снижению преступности, что ставит под сомнение их практическую ценность. Ключевой вопрос, возникающий перед научным сообществом, заключается в том позволяют ли криминологические решения предупреждать преступность с достаточной степенью эффективности. Разные стратегии могут быть успешны в зависимости от контекста их применения, что делает необходимым глубокое изучение связей между программами профилактики и реальной динамикой преступности.

Криминология сталкивается с большим количеством проблем. Сможет ли она преодолеть их, ясно не до конца. Хотя общие направления развития очевидны.

Во-первых, разнообразие подходов и концепций, которые противоречат друг другу, нивелируется благодаря развитию интегративных моделей, консолидирующих факторы и объяснения преступности на разных уровнях. Для будущего науки как никогда важна *гармонизация знаний*

Во-вторых, эмпирические и методологические проблемы могут быть компенсированы за счет более широкого использования альтернативных источников информации, таких как социологические опросы, самоотчеты, большие данные, исследования неправительственных организаций и проч. Развитие искусственного интеллекта и машинного обучения дает новые возможности для анализа и интерпретации данных.

В-третьих, важную роль в решении проблем, стоящих перед криминологией, играет образование и подготовка специалистов. Поддержание актуальности научных подходов

требует постоянного обновления образовательных программ и развития исследовательских навыков, необходимых для дальнейшего развития науки.

Глава III. Si crimen est

Вопросы: *Подходы к пониманию преступности.*

Есть много определений преступности. Зачастую они тяготеют к юридическому позитивизму и конструктивизму. Право в этих теориях понимается как система установленных или санкционированных государством норм поведения[16], а преступность – как система деяний, запрещённых уголовным законом.

Поэтому традиционно преступность изучается как *совокупность уголовно-наказуемых деяний*, обладающая признаками системности, исторической изменчивости, массовости и проч. Довольно изящный и универсальный подход к ее описанию, хотя не единственный. Преступность - довольно сложная система и юридический ракурс лишь один из фрагментов ее познания.

Преступность недостаточно изучена естественными и точными науками: не востребованы её уместные сравнения с *аберрацией* (отклонением от социальной или биологической нормы); *энтропией* (олицетворением элементов беспорядка в социальной системе); *стохастическими флуктуациями* (суммой случайных отклонений, возникающих с равной вероятностью) и т.п.

Преступность сравнима с механизмом *хаоса*, когда малые возмущения приводят к непредсказуемым последствиям

[16] Шиенок В.П. Криминология vs неокриминология: о сути вопроса с позиций гуманистической методологии юриспруденции // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 6 (18). С. 549–555

или *дефектом* упорядоченной структуры (в данном случае общества), словно изъян в идеальной геометрии кристаллической решётки. Предложенные аналогии, хоть и не гармонизированы с правовым пониманием, не обязательно ошибочны.

Существует ряд подходов к пониманию преступности:

- *токсический* – трактует преступность как *экзогенное, «чужеродное» и вредоносное образование, признак социальной патологии*, свидетельствующий о «болезненности» общественного организма («…Преступность - это зло, с которым мы миримся на слишком высоком уровне», Р. Сунак; «Любая преступность - это своего рода болезнь, и к ней следует относиться соответственно», М. Ганди; «Преступность патологична…», С. Босхолов, В. Номоконов[17] и др.);

- *утилитарный* (функциональный) – рассматривает преступность как *социальный или поведенческий механизм*, например, элемент эволюции; средство удовлетворения потребностей человека; способ решения частью населения собственных проблем[18] или своеобразный инструмент уменьшения деструкции в обществе путем самоустранения наиболее опасных элементов («Зло пожирает само себя», латинская поговорка; «Ведь злым на горе обращаются собственные дела их», А. Августин);

- *нормативный* – исходит из представления о преступности как о внеисторическом, неустранимом проявлении человеческой природы; она признаётся *естественной, необходимой, неизбежной и объективно присущей обществу*

[17] Босхолов С.С., Номоконов В.А. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 2 (18). С. 128–136

[18] Криминология / под ред. А. И. Долговой. М., 1999. 572 с.

(«Преступность - это нормальное явление, потому что общество без преступности совершенно невозможно», Э. Дюркгейм). В контексте естественно-неконвенциональных рассуждений преступность мыслится как некая данность или свойство общества, вне зависимости от «договоренностей о запретах», достигнутых властями[19]. Латинская фраза «*Malum in se*», что значит «неправильное» или «само по себе злое», олицетворяет объективную природу преступности независимо от норм, регулирующих такое поведение;

- *конвенциональный* – понимает преступность как *социальный артефакт* (искусственный конструкт), порождённый общественным согласием относительно того, какие деяния следует считать опасными («Преступность не существует в природе, это выдумка людей», М. Робинсон; «Где нет закона, нет и преступления», Апостол Павел; «Преступление, преступность - социальные конструкты, конструируемые законодателем», Я. И. Гилинский[20]);

- *интеракционистский* – признает преступность *формой социального взаимодействия*, например, конфликтного - преимущественно в марксистских теориях (когда последняя выступает отражением классовых и иных противоречий или культурального - связывающего уголовно-наказуемое поведение с субкультурами, в которых альтернативные нормы противопоставляются доминирующим и т.п. В «безличных теориях» преступность понимается как *совокупность всех связей и отношений*, которые существуют между преступлениями и преступниками[21];

[19] Преступность среди социальных подсистем / под ред. Д. А. Шестакова. СПб., 2003. 351 с.

[20] Гилинский Я.И. В тупике ли криминология постмодерна? // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 3 (18). С. 227–231

[21] Старков О. В. Криминопенология. М., 2004. 478 с.

- *структурный* – изучает преступность как модель, фокусируясь на её внутренней структуре, соотношении различных видов преступлений, распределении их по территориям, временным периодам и социально-демографическим группам. Этот подход позволяет выявлять закономерности и тенденции преступности через ее количественные пока-

ЭТО ИНТЕРЕСНО: Оригинальный подход к пониманию преступности принадлежит Фридриху Ницше. Он писал: «преступник... сильный человек, сделанный больным». В его философии преступность является проявлением свойств сверхчеловека, ослабленного и «заболевшего» под гнетом социального давления, в отличие от классических трактовок, где акцент делается на нарушении норм. Это видение фиксирует суть преступности не столько в фактах запрещенных деяний, сколько в конфликте между индивидуальной волей и общественными ограничениями.

затели («С точки зрения статистики преступность - это сумма преступлений», С.С. Остроумов);

- *реактивный* – усматривает в преступности *реакцию людей* на некие условия. Например, «хроно-девиационная доктрина» считает преступность следствием «временных сдвигов» между скоростью изменения технологий, норм и адаптивными способностями психики. В случае, когда инновации опережают возможность социума адаптироваться, возникает зона «хроно-дискомфорта», в которой возрастают девиантные риски. Опосредованная связь между техническим развитием и ростом преступности действительно

прослеживается[22,23]. Однако то же можно сказать о войнах, болезнях, природных катастрофах, переселении народов и других явлениях («Преступность - это нормальная реакция нормальных людей на ненормальные условия жизни», Э. М. Ремарк).

Не исключено, что наука предложит новые пути осмысления преступности.

Например, благодаря *лиминальному анализу* удастся систематически проследить, что преступления зарождаются в переходных, «пороговых» состояниях людей и пространств (миграция, смена статуса, трансформация среды обитания, изменение технологических или экономических укладов и проч.).

Квантово-вероятностная модель представит преступное поведение как суперпозицию альтернативных вариантов бытия[24], а сам акт правонарушения – в качестве «коллапса волновой функции»[25], вызванного случайным событием или чьим-то вмешательством.

Гипотеза *криминальной энтропии*[26] позволит считать преступность способом системы сбрасывать избыточную социальную упорядоченность. Чем жёстче структурирована

---

[22] Лопатин Р. Трансформация преступности в современных условиях // Право и жизнь. URL: https://zakon.ru/blog/2023/10/25/transformaciya_prestupnosti_v_sovremennyh_usloviyah (дата обращения 25.08.2025).

[23] Койнова Е.С., Юшкова Т.А. Динамика современной преступности (технический аспект) // Экономика и социум. 2016. № 12-3 (31). С. 961-964

[24] Один из возможных нереализованных вариантов развития тех или иных событий.

[25] Пока поступок не реализован, это наложение альтернатив остаётся неопределённым; столкновение с внешними условиями или внутренним выбором играет роль «измерения» и заставляет систему коллапсировать в один конкретный исход.

[26] Мелихов А.И. Энтропийная преступность как угроза национальной безопасности // Юристъ – Правоведъ. 2022. № 2 (101). С. 150-156

среда, тем выше вероятность спонтанных актов хаоса, необходимых для восстановления равновесия.

Мемориальная теория способна обратиться к психологическим особенностям личности, полагая, что часть преступлений являются бессознательной попыткой индивида оставить след в коллективной памяти. Некоторые преступники стремятся к символическому бессмертию через запоминающиеся поступки (терроризм, вандализм, серийные преступления, хайп-преступность и проч.).

Концепция *криминального эскапизма* допускает, что преступность – это один из способов бегства от невыносимой реальности. Человек создаёт «альтернативную вселенную», где обладает властью и контролем, которых лишён в обычной жизни.

Подобных идей немало. Все они, по-своему ценные, позволяют увидеть преступность с интересных сторон.

Проблемой современной криминологии является некритичное использование перечисленных выше классических подходов, например, их необоснованное смешивание или приоритетное использование одного в ущерб другим, что не позволяет сформировать целостную картину восприятия.

Одним из примеров является контрпродуктивное понимание преступности, либо как *системы* (совокупности преступлений и лиц, их совершивших), либо как *способа* удовлетворения потребностей (инструмента реализации потребностей в условиях индивидуальной и общесоциальной дисфункциональности). С одной стороны, прослеживается *структурный подход*, где преступность предстает специфической моделью с собственной архитектурой, иерархией, устойчивыми связями. С другой - очевиден *подход функциональный,* рассматривающий преступность как специфиче-

ский способ социальных действий, направленных на удовлетворение потребностей - от базовых материальных до сложных социально-психологических (признание, власть, самоутверждение).

Оба этих подхода нередко конфликтуют методологически. Структурный тяготеет к статике, выявлению устойчивых схем, картографированию и упорядочиванию преступного мира. Функциональный - фокусируется на процессах выбора, мотивации, оценке рациональности поведения.

Каждый подход порождает собственные теоретические тупики. Структурализм рискует овеществить преступность, превратить её в некую автономную реальность, существующую независимо от людей. Возникает иллюзия, будто преступность - это надстройка, нечто внешнее по отношению к обществу, паразитирующее на нём. Функциональный подход, напротив, может недооценивать степень институционализации криминальных практик и их способность формировать устойчивые социальные миры.

Попытки синтеза этих подходов иногда приводят к путанице. Исследователи механически соединяют структурные и функциональные объяснения. Например, говорят о преступных организациях как о структурах, но объясняют их существование через индивидуальные мотивы участников, не показывая, как из суммы их желаний, стремлений и потребностей возникают надындивидуальные субъекты.

Опора лишь на один теоретический подход, особенно в рамках консервативных научных школ, не позволяет адекватно отразить всю многослойность преступности. К примеру, структурный анализ ромской преступности описывает её организацию, динамику и иерархию, но упускает культурно-символическое содержание. Лишь взаимодействие с

интеракционистским подходом, который анализирует цыганскую этническую преступность как самобытное культурное явление, делает картину наиболее полной: учитываются фольклор, предания и мифы, например, легенды о том, будто Бог разрешил цыганам воровать, поскольку один из них украл гвоздь из тела распятого Христа. Это повествование и по сей день используется для своеобразного оправдания криминальных действий отдельных представителей данного народа.

Изучение преступности в рамках изолированных подходов обречено на ограниченность и односторонность. Это существенно обесценивает ее понимание. Целостная картина познания может быть достигнута при использовании разных взглядов в их разумном единстве. В их многообразии преступность подразумевает немало воплощений: как *совокупность* противоправных деяний; биологический или психологический механизм деятельности (гл. 7, 9), инструмент удовлетворения потребностей; социальная *функция (гл. 5)*; *реакция* индивидов на специфические социальные условия; форма социального *взаимодействия*; *побочный продуктом* прогресса; особая форма *культуры (гл. 8)* и даже специфическое *знание* - о слабостях социальной системы и методах выживания в обществе. Это нестандартная *эстетика,* романтизирующая разбойников и воплощающая образцы криминальной моды. В то же время - специфическое олицетворение *этики*, пусть искажённой, но содержащей представления о справедливости, чести, добре и зле.

Перечисленные измерения не существуют изолированно. Они взаимоопределяют друг друга, делая задачу определения преступности весьма сложной. Попытка учесть данные смыслы позволяет определить *преступность* как *полиморфную метасистему формально-запрещенных форм*

деятельности, выражающую и регулирующую дисфункции общества.

Полиморфия – слово греческого происхождения, означающее «имеющий множество форм». Термин используется в биологии, химии и математике для обозначения способности веществ или организмов существовать в различных формах или модификациях. Применительно к преступности этот термин указывает на высокую вариабельность, пластичность и многообразие проявлений преступности. Она легко адаптируется к социальным, экономическим и политическим условиям, меняется в зависимости от культурных особенностей, технологического прогресса и других факторов.

Метасистема - понятие из философии и математики, обозначающее сложную систему, состоящую из подсистем разного уровня иерархии. Метасистема охватывает множество элементов, взаимодействий и связей, формируя целостную структуру. Для преступности это значит, что последняя не ограничена отдельными действиями или группами, а включает разнообразные компоненты или организации, образуя единый, многослойный и взаимосвязанный механизм.

Деятельность понимается как человеческая активность, направленная на достижение определённой цели. Преступность, будучи деятельностью, предполагает осознанные действия, имеющие определённую стратегию и тактику, использующиеся для удовлетворения потребностей или получения благ.

Дать универсальное, исчерпывающее и вневременное определение термину «преступность» принципиально невозможно, поскольку это явление лишено объективной фи-

зической природы. В отличие от гравитации или температуры, преступность не существует независимо от человеческого восприятия и договоренностей.

Глава IV. До и после преступности

Вопросы: *Продолжительность существования преступности как социального феномена и основные пути развития.*

Немало криминологов считают, что преступность является вечным и надысторическим явлением, сопровождающим человечество на протяжении его развития. Например, в качестве одного из положений диссертации О.Ю. Звизжовой заявляется: «Преступность *вечна*, она существует с первых дней человечества, независимо от того, были ли в глубокой древности классы и деление на богатых и бедных, а также писанные законы»[27]. Немало исследователей повторяют эту мысль: «преступность – вечная спутница человечества»[28,29]; «неизменный спутник людей»[30]; форма деятельности, которая сохранилась ввиду своей эволюционной эффективности[31]; «вечность преступности проявляется в вечности и неизменности освоения личностью архетипов»[32] и т.п. Общей посылкой современной криминологии, ее методологической аксиомой, воспроизводимой на протяжении

[27] Звизжова О. Ю. Эволюция преступности на различных этапах развития общества: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Москва, 2013. 30 с.

[28] Плетенева Д.А. Криминология: курс лекций. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. 192 С.

[29] Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 800 С.

[30] Антонян Ю.М. Преступность: понятие и типология // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 62-70.

[31] Мордовин П.С. Определение и классификация преступности для целей вычисления ее социальных последствий (цены) // Юридические исследования. 2020. № 12.

[32] Антонян Ю.М. и соавт. Причины преступности в России: монография. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История. 2013. 346 С.

всей истории этой науки и зафиксированной в большинстве учебников, является утверждение, что преступность является *органической частью общества*[33].

Любопытно, но признавая непреходящий характер преступности, те, кто считает необходимым противодействовать ей, по сути расписываются в собственной беспомощности. Если преступность непреодолима – идея ее предупреждения становится абсурдной. Более логичными выглядят нарастающие попытки легализации преступного поведения и придания ему контролируемых параметров.

Чтобы понять место преступности в человеческой истории следует задать несколько вопросов: первый - «когда она возникла?» и второй - «сколько будет существовать?».

Отвечая на первый вопрос обнаруживается, что ранние упоминания преступности датируются приблизительно 20 веком до н.э. Одним из первых известных правовых источников считается кодекс царя Ур-Намму (ок. 2100 - ок. 2050 гг. до н. э.), а первым документом, в котором применялось возмездное правосудие, называют Кодекс Хаммурапи (1750-е г. до н. э.). Безусловно, регулирование асоциального поведения происходило и на более ранних стадиях человеческого развития, но оно не носило систематического и институционального характера: нарушения не схематизировались, не воспринимались как самостоятельная система или выражение конфликта частных и публичных интересов.

История существования Homo sapiens насчитывает около 300 тысяч лет. Примитивные предки человека, такие как Homo habilis и Homo erectus, жили раньше: их появление

[33] Московцев А.Ф., Суходолов А.П. Методологические тупики современной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2 (14). С. 177–192.

датируется приблизительно двумя миллионами лет назад. Однако ранние цивилизации, с правовой надстройкой и «артикуляцией» преступности, появились куда позднее в Месопотамии, Египте, долине Инда и Китае в 40-20 вв. до нашей эры. Проведя несложные расчеты убеждаемся, что преступность (как совокупность преступлений, сложившаяся на определенной территории за определенное время) существует не более 6-7 тыс. лет. Для одной человеческой жизни – это вечность, но в исторических масштабах – относительно короткий период. Если отобразить сказанное на временном отрезке, обозначив период существования человека разумного и сопоставив его с «эрой преступности», окажется, что последняя занимает не более 2,5% бытия человечества (рис. 1.):

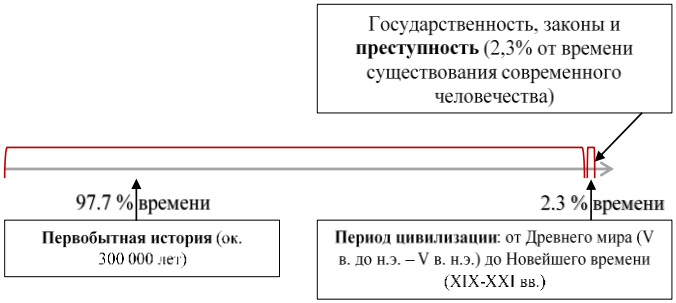

Рис. 1. Время существования преступности в истории человечества

Преступность сопутствует человечеству лишь со времени возникновения устойчивых общественных структур и социальной организации. Иногда это состояние именуется «*ци-*

ЭТО ИНТЕРЕСНО: В зависимости от контекста, понятие «первого преступления на Земле» трактуется по-разному. С археологической и исторической точки зрения, одним из древнейших задокументированных случаев убийства считается смерть Эци (известного как «Ледяной человек»), мумифицированного тела, найденного в Альпах. Он был убит стрелой примерно в 3350–3105 годах до н.э. Это считается одним из первых свидетельств насильственной смерти в человеческой истории.

вилизацией». Преступная деятельность – её неизбежный компаньон, рассматриваемый через оптику социальных институтов и установлений в качестве специфической системы. Это явление сугубо «*цивилизационное*», но не *общеисторическое*. И утверждать о ее вечности, как минимум, поспешно.

Историческая роль преступности далеко неоднозначна. Именно столкновение между дозволенным и запрещённым нередко становилось мотором социальных и правовых изменений.

Осознание опасности антисоциальных поступков подтолкнуло людей к формированию общинных правил, а затем и письменных законов. Кодекс Хаммурапи, древние правовые источники, римское право и др. выросли, в том числе, из необходимости определить, какие действия считать запретными. Преступность стимулировала формирование первых централизованных институтов власти: судов,

блюстителей порядка, общинного самоуправления и т.п. Хотя в «Двенадцати таблицах» не упоминались «преследователи убийц», такие должности появились именно после принятия этого закона[34]. То есть преступность опосредованно стимулировала развитие юридической практики.

Рост числа городов и сопутствующих криминальных рисков для их жителей способствовал созданию профессиональной полиции. Идея регулярного патруля, централизованного учета нарушений и «превентивного» надзора оказалась прямым ответом на требования безопасности со стороны горожан. Преступность тем самым оказала заметное влияние на урбанистику: освещение улиц, планирование кварталов, организацию социального контроля и т.п.

Вера в искоренение преступности заставила общество инвестировать в юридическую науку. Системы дактилоскопии, судебной фотографии и лабораторной диагностики нередко получали практическое применение прежде всего в уголовных расследованиях, многим позже находя отражение в гражданской практике.

Таким образом, преступность как системное, институционально распознаваемое явление существует примерно 6–7 тыс. лет – около 2,5 % истории человеческого рода. Она не «вечный» спутник человека, а продукт цивилизационного этапа, на котором появились формальные нормы и устойчивые социальные структуры.

Столь малый срок существования преступности позволяет усомниться в ее гарантированной будущности. Социальные практики, считавшиеся фундаментальными и не

[34] Мосин О. В. Возникновение правоохранительных органов на Руси. URL: https://clck.ru/3S6DLo (дата обращения 01.09.2025).

подлежащими изменению, не раз становились частью истории (дуэли как способ защиты чести; легальная практика рабства; публичные казни; долговые тюрьмы; процессы над «ведьмами» и «колдунами»; телесные наказания в учебных заведениях и др.).

На этом основании следует обозначить ряд прогностических направлений относительно дальнейшей судьбы преступности. Перечислим их:

- *трансформационное* – предполагает, что преступность продолжит существовать на протяжении длительного времени, меняясь и эволюционируя, поскольку представляет собой неотъемлемую часть развития общества[35].

В ближайшей перспективе человечество ожидает перемещение значительной доли преступлений в цифровое пространство[36]. Технологии не устранят, а скорее преобразуют нарушения закона. В мире с продвинутыми киберсистемами и глобальным цифровым диктатом преступность найдет свою нишу: от традиционных форм кибемошенничества до хакинга центральной нервной системы человека, манипуляций с генетической информацией или преступных актов в метавселенных, где границы между реальным и виртуальным неочевидны. Преступность адаптируется, становясь частью новой действительности, где закон и этика эволюционируют вместе с технологиями;

[35] Антонян Ю.М., Звизжова О.Ю. Преступность в истории человечества. М. Норма. 2022. 208 С.

[36] Серебренникова А.В. Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3 (14). С. 423–430.

- *аннигиляционное* – допускает нейтрализацию преступности за счет использования технологий и инновационного развития[37,38].

В плане предупреждения преступности серьезные надежды возлагаются на системы предиктивного анализа (*Predictive Policing, CommandCentral Predictive, Lynx Sentinel* и др.). Эти относительно точные модели ИИ, обученные на больших массивах данных, позволят выявлять девиации задолго до того, как они перейдут в фазу действий. Речь не о тотальном «доносительстве», а о вероятностном прогнозировании, при котором вмешательство принимает форму ранней поддержки: эмоциональной, психотерапевтической, медицинской или экономической. Таким образом предотвращение подменит карательную реакцию.

С развитием генной инженерии и нейротехнологий станет возможным выявлять и корректировать предрасположенность к антисоциальному поведению на биологическом уровне. Некоторые футурологи пишут о создании систем раннего предупреждения на основе анализа мозговой активности и генетических маркеров[39]. Другие полагают, что на этапе взросления может использоваться индивидуальная калибровка аффективных контуров (агрессии, импульсивности и социопатических черт) без использования принуждения, путем нейромодулирующего обучения. Системы формирования судьбы вполне способны предложить альтернативные маршруты жизни: агрессивный подросток получит

[37] Жданов Ю., Овчинский В. Полиция будущего. М., 2018. 166 С.

[38] Суходолов А. П., Бычкова А.М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6 (12). С. 753–766.

[39] Кравцов Д.А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 108-110.

приглашение на спортивную тренировку; потенциальный кибермошенник - задание на законный фриланс и проч. Рано или поздно общество консолидируется вокруг идеи о том, что свобода воли здесь не нарушается, а деструктивные импульсы переформатируются в созидательные.

В плане пресечения преступности важную роль способны играть системы искусственного интеллекта и повсеместной слежки. Носимые сенсоры, аудиоловушки и средовые камеры обеспечат поток данных, доступный каждому в реальном времени (*Skynet, Умный город, Безопасный город, Оруэлл, Лица России, ShotSpotter* и др.). Попытки тайного насилия потеряют шанс на анонимность. Когда вероятность разоблачения будет абсолютна, то и мотивация к уголовно-наказуемым действиям сведется к нулю, как у игроков в игре без скрытых ходов. Традиционная полиция может быть замещена децентрализованным наблюдением, а вопрос наказания уступит место мгновенной социальной реакции (обратной связи). Обыденностью станут контроль цифровых отпечатков, биометрических маркеров, мгновенная атрибуция действий в сети и в физическом пространстве. По мере роста прозрачности социальных коммуникаций стоимость риска возрастет экспоненциально, тогда как выгода от преступлений окажется сомнительной.

Риск рецидивного поведения будет оцениваться заранее. Например, в США уже используется COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions) – программный комплекс, прогнозирующий факторы и риски рецидива у осуждённых (подсудимых).

Наконец, можно представить реализацию идей симулятивного отвода девиантной энергии. Это предполагает, что потенциально опасные элементы периодически погружа-

ются в иммерсивный мир, где допустимы любые виртуальные эксцессы. Психика проживает агрессию или алчность без ущерба для реальных людей;

- *вестигиальное* – считает возможным минимизацию и снижение преступности по причине кардинальной смены социальных и экономических условий.

Постепенное исчезновение преступности будет происходить через изменение самой природы общества. При достижении пост-дефицитной экономики базовые потребности человека окажутся достаточно удовлетворены: труд, пища, жильё и доступ к информации будут обеспечены безусловно. Предметы роскоши легко можно будет копировать в молекулярных принтерах. Если блага станут неограниченными, то исчезает фундаментальная мотивация ко многим преступлениям. Останутся лишь психологически мотивированные правонарушения, как вопрос медицины и реабилитационных практик;

- *акселерационное* – исходит из идеи дальнейшего роста преступности на планете (т.н. гиперкриминал[40]). Поскольку преступность является достаточно эффективной формой поведения, она будет только масштабироваться. Эту динамику усилят повсеместная цифровизация человечества, особенно если не удастся решить вопрос деанонимизации интернета; свою роль могут сыграть глобальные вызовы вроде климатических кризисов или перенаселения, которые спровоцируют рост конфликтов за иссякающие ресурсы.

[40] Овчинский В.С. Преступность и борьба с ней в цифровом мире // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 1-й Международной конференции (8-9 февраля 2018 г., Москва). — М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2018. С. 136-140. URL: http://keldysh.ru/future/2018/20.pdf doi:10.20948/future-2018-20 (дата обращения 01.09.2025).

Будущее преступности определяется конкуренцией четырёх разнонаправленных векторов. С одной стороны, технологии дают преступному миру новые площадки и инструменты, обеспечивая эволюцию традиционных нарушений закона в сторону кибер- и биопреступлений. С другой - те же технологии предлагают беспрецедентные пути ранней и персонализированной профилактики. Одновременно меняющиеся социально-экономические условия способны снизить или даже устранить часть нарушений, однако глобальные кризисы и ресурсные ограничения, вероятно, подстегнут противоположный тренд, обеспечив рост преступности. Недопустимо исключать из прогностического анализа сценарии типа «чёрных лебедей», допускающих, что под воздействием масштабных стихийных бедствий или катастроф преступность может претерпеть радикальную деградацию, сопряженную с возвратом человеческих сообществ к состояниям, сопоставимым с первобытной дикостью.

Будущее покажет, какой сценарий возьмёт верх, но уже сейчас очевидно одно: преступность будет зависеть не столько от технологий, сколько от того, как общество решит интегрировать их в нормативную и этическую структуру собственной повседневности.

Глава V. «Часть силы той...». Когда преступность во благо

Вопросы: *Позитивные социальные свойства преступности.*

Преступность принято считать *негативным явлением*[41,42,43]. Данное мнение прочно укрепилось в теоретических и житейских представлениях. И это неспроста.

На индивидуальном уровне неприятие преступности происходит по многим причинам: из-за страха оказаться жертвой; ввиду обширного травматического опыта людей уже переживших криминальное воздействие; осознания того, что подобные события неизбежно приводят к моральным и физическим страданиям. Практически никто на собственном опыте не желает становится мишенью чьих-то действий и оценивать насколько преступность негативна. Хотя амплуа нарушителя для некоторых, напротив, весьма привлекательно. Еще Ф.М. Достоевский писал, что «есть минуты, когда люди любят преступление». И по сей день человечество пребывает в состоянии некой двойственности: то со страхом, то с обожанием присматриваясь к преступности.

[41] Грушин Ф.В. Преступность в системе факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 4 (11). С. 688-695

[42] Островских Ж.В. Специально-криминологические стратегии борьбы с бандитизмом: понятие, система, характеристика // Криминологический журнал БГУЭП. 2008. № 3. С. 18-24

[43] Анисимов А.П., Алексеева А.П., Мелихов А.И. Актуальные проблемы противодействия экологической преступности в России // Криминологический журнал БГУЭП. 2013. № 3. С. 80-89.

На общественном уровне - негативные оценки преступности связаны прежде всего с опасными и требующими постоянного внимания последствиями, которые она влечет за собой.

Похоже, что негативизм по отношению к преступности – это своего рода «комильфо» т.е. приличное, соответствующее правилам хорошего тона убеждение. Оно не может не влиять на ученых, призванных создавать непредвзятую «картину мира».

Человеческий, слишком человеческий подход (по Ф. Ницше) сделал преступность объектом эмоционально-отрицательных оценок. Она выступает воплощением многочисленных «пороков»: в спектре от абсолютного зла[44,45] и социальной патологии[46] до умеренно-негативных оценок[47]. Утверждать, что эти точки зрения неверны, по меньшей мере наивно. Преступная деятельность и неспособность ее контролировать доставили человечеству немало хлопот. Классическая криминология разумно исходит из этого довода и по-своему права.

---

[44] Ромашов Р.А. Преступность - правовое воплощение человеческого зла (рецензия на монографию А. И. Александрова "философия зла и философия преступления (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) // Правоведение. 2016. № 1 (324). С. 210-219.

[45] Клейменов М.П. Уголовная политика в сфере противодействия экономической организованной преступности / Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Новосибирск-Новокузнецк, 2022

[46] Побегайло Э.Ф. Отзыв на диссертацию: Агапов П. В. Основы противодействия организованной преступной деятельности // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 1. С. 44-49

[47] Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В. Преступность и ее основные характеристики на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4 (68). С. 158-164.

Наряду с этим в науке почти нет исследований, которые формулировали бы тему «положительных» свойств преступности. Есть ли они? Как влияют на общество? Существует ли связь между положительными и негативными эффектами преступности?

Похоже, что многие исследователи упрощают проблему преступности. Это связано с т.н. дихотомическим мышлением. Его иногда именуют «черно-белым». Характеризуется крайностями, когда отсутствуют промежуточные варианты и всё делится на абсолютно «хорошее» или безотносительно «плохое».

В криминологии дихотомическое мышление проявляется в склонности воспринимать преступность через крайние, упрощённые категории, такие как «добро и зло», «законопослушные граждане и преступники», «позитивное и негативное» и т.п. Это виденье игнорирует сложность социальных, экономических и иных процессов, влияющих на поведение людей. Преступники воспринимаются исключительно как «аморальные личности», а законопослушные граждане олицетворяют «добродетель».

Отход от дихотомического мышления требует изучить *положительные (условно-положительные) функции преступности*.

Их целесообразно определить, как *социальные или структурные аспекты преступной деятельности, которые, несмотря на ее негативный характер, могут в определенных контекстах способствовать укреплению или адаптации социума*.

Исходя из сказанного попытаемся определить некоторые такие функции:

- *мобилизационная (антистагнационная)* обеспечивает социум необходимым уровнем стресса, предотвращая деградацию институтов.

Эту функцию легко проиллюстрировать на примере эксперимента Джона Кэлхуна «*Вселенная 25*»[48]. Автор показал, что идеальные физические условия, созданные в загоне для мышей (безграничный доступ к еде и воде, отсутствие хищников и болезней) в итоге приводят к социальному коллапсу и вымиранию популяции. Лишенные необходимости бороться за выживание, мыши столкнулись с перенаселением, потерей социальных ролей и разрушением иерархии. Это привело к всплеску девиантного поведения (немотивированной агрессии, извращениям) и, в конечном счете, появлению поколения «красивых» особей, которые отказались от социального взаимодействия, размножения и борьбы, сосредоточившись на еде и чистке шерсти, что и стало концом колонии. Из 2200 существ на 4 год эксперимента в загоне осталось 122 мыши, которые вышли из репродуктивного возраста.

Если позволить себе проекцию этой модели на человеческое общество (например, опираясь на идеи Эмиля Дюркгейма о нормальности девиации), преступность можно рассматривать не только как разрушительное явление, но и как механизм социального самосохранения. В контексте

[48] При желании можно отыскать пусть и непрямые аналогии с человеческим обществом - государством *Науру*, где всеобщее благополучие и материальный достаток, по существу, привели к деградации локального сообщества.

«мышиного рая» условно-положительное влияние преступности заключается в предотвращении фатальной стагнации социума.

В обществе, приближающемся к состоянию пресыщенного застоя, преступность выступает в роли необходимого стресс-фактора. Когда базовые потребности удовлетворены, а социальные лифты или жизненные смыслы исчезают (как у мышей, которым больше не нужно добывать ресурсы или защищать территорию), общество рискует деградировать до состояния тех самых «красивых». В этом случае именно девиантное, преступное поведение нарушает гибельное равновесие.

Конфликт и криминальные угрозы заставляют здоровые элементы общества мобилизоваться. Необходимость защищаться от преступности стимулирует поддержание социальных связей, развитие технологий, укрепление институтов правопорядка и взаимопомощи. Общество сохраняет тонус, который «мышиный рай» утратил из-за абсолютной безопасности. Преступность в данном случае играет роль раздражителя и не дает обществу потерять навыки самосохранения;

- *эволюционная* или *каталитическая* функция отвечает за пересмотр устаревших норм и обновление правовых институтов. Преступность опосредует легализацию изначально осуждаемых в обществе практик, аккумулируя их и выступая частью сложного механизма нормирования.

Это происходит во множестве стран, где имела место декриминализация тех или иных социальных явлений (реализации алкоголя, проституции, употребления некоторых видов наркотиков, нетрадиционных половых отношений, абортов и проч.).

Первоначально эти события вызывали острую социальную реакцию. Их пытались отменить или запретить. Преступность, напротив, как бы воплощает подобные явления, показывая обществу альтернативную реальность, где эти практики существуют и развиваются. Наличие запретных форм поведения в условиях криминализации может постепенно смягчать общественное восприятие через привыкание и нормализацию. С течением времени ситуация нередко меняется, приводя к признанию пользы или безвредности отдельных «девиаций». Их морально-этическая или религиозная оценка может быть какой угодно, но онтогенетическая роль преступности в этих процессах несомненна. Она играет роль социального катализатора, способствуя адаптации и изменению общественных норм.

Так известно, что в США деятельность преступных группировок и расовая сегрегация подтолкнули к массовым движениям в защиту гражданских прав. Проблемы насилия и дискриминации привели к принятию важных законодательных норм («Закон о гражданских правах», 1964 г.). Распространение марихуаны и связанные с этим запреты стали катализаторами переосмысления законов о наркотиках в ряде стран. Это способствовало процессам легализации в государствах Америки, Европы и Азии. Упоминая декриминализацию проституции в странах вроде Нидерландов или Новой Зеландии, нельзя не сказать, что подпольные сети существовали веками, несмотря на запреты. Эти практики, часто ассоциированные с преступностью (эксплуатацией, торговлей людьми), со временем вызвали дебаты о правах работников и общественном здоровье. Преступность выступила социальным катализатором, подчеркивая неэффективность запретов и необходимость регулирования. Легализа-

ция позволила ввести меры защиты, повысила налогообложение и минимизировала насилие. Можно предположить, что такие процессы опираются на механизм десенсибилизации - постоянное столкновение с «запретным» через криминальные проявления снижает эмоциональную остроту реакции, открывая путь для рационального анализа и правовых реформ.

Несмотря на то, что отдельные нормы институционализируются проходя через «горнило» преступности, это не означает что абсолютно все преступления пройдут этот путь. Не следует забывать, что преступность, помимо прочего, воплощает практики, с которыми человечество никогда не сможет примириться;

- *индикативная функция* подразумевает, что уровень и динамика преступности указывают на социальные проблемы и деструктивные процессы, происходящие в обществе. Подобно тому как течение болезни оценивается по ее симптоматике (в частности, температуре тела), преступность указывает на назревшие общественные противоречия.

Увеличение уровня криминала зачастую связано с экономическими кризисами, безработицей и бедностью, тогда как его снижение может свидетельствовать об улучшении экономической ситуации. Рост показателей преступности сигнализирует о росте социального и экономического неравенства населения; выступает критерием неэффективности правоохранительной и политической системы; а также барометром общественных реформ.

Преступность неразрывно сопровождала процессы эволюционного развития общества, увеличиваясь в период смут (революций, переворотов и т.д.) и снижаясь в спокойные и мирные времена. По результатам исследования Г.И. Пещерова выявлено, что основные всплески преступности

приходятся на периоды социально-политических трансформаций (глубокие реформы, революции, периоды социально-политических преобразований и др.)[49].

Таким образом, преступность и изменение ее показателей - это адаптивный сигнал к действию, результат социальной рефлексии, указывающий на очередной кризис развития.

Так, в начале 1800-х годов в Лондоне наблюдался резкий всплеск уличной преступности. Это подстегнуло создание современной полиции под руководством Р. Пиля в 1829 г. Новая полиция оказалась достаточно эффективным инструментом и послужила рабочей моделью для других государств[50]. Бразильский опыт создания «полиции умиротворения» так же был ответом на высокий уровень девиантности в бедных районах. Эти начинания помогли снизить уровень преступности и улучшить жизненные условия в фавелах, демонстрируя, что внимание к социальным проблемам может иметь антикриминогенный эффект. Одним из показателей успешности «полиции умиротворения» стал рост цен на недвижимость в фавелах. С 2008 г. цены на жилье в трущобах выросли в несколько раз[51].

Важно отметить, что индикативной функцией обладает не только количественный рост (уровень) преступности, но и ее качественная трансформация. Появление и увеличение новых видов преступлений указывают на уязвимости

[49] Пещеров Г. И. Взаимосвязь преступности и социально-политических условий в обществе: российский опыт // Власть. 2022. Том. 30. № 1. С. 203-210.

[50] Важенина И. В. Полицейская реформа Роберта Пиля: причины и особенности // Академическая мысль. 2020. № 2 (11). С 99-101.

[51] Шитихин А., Вдовин А. 500 дней до футбольного лета. URL: https://www.mn.ru/sports/football/85712 (дата обращения 16.09.2024).

быстро меняющегося уклада жизни. Например, стремительный рост киберпреступности и дистанционного мошенничества в XXI веке стал четким индикатором недостаточной цифровой грамотности населения, а также серьезного отставания правовой и банковской систем от темпов цифровизации. Это вынудило финансовый сектор и государства экстренно перестраивать алгоритмы безопасности и вводить новые программы просвещения.

Индикативная функция превращает преступность в своеобразную «обратную связь» государства и общества. Закрывая глаза на эту статистику или пытаясь ее искусственно занизить, социальные институты уподобляются врачу, который игнорирует данные анализов пациента, рискуя довести скрытое заболевание (социальное неравенство, институциональный кризис) до терминальной, разрушительной стадии;

- *аффилиативная* функция предполагает, что отдельные преступления, особенно резонансные, могут способствовать объединению и мобилизации общества.

Нередко это происходит в локализованных группах (небольших городах, сельской местности), когда люди начинают более активно взаимодействовать друг с другом, чтобы обсудить произошедшее, выразить солидарность и поддержать жертв, параллельно принимая меры по профилактике подобных событий[52]. Эта деятельность находит вы-

[52] Бицадзе Г.Э. Профилактика преступности в малых городах // Научный портал МВД России. 2014. № 3 (27). С. 76-79.

ражение в различных формах активизма, таких как волонтёрское движение по охране общественного порядка[53], создание молодёжных общественных объединений; участие граждан в контроле правоохранительной сферы[54] и проч.;

- *идентификационная* функция обозначает процесс, когда наличие и осуждение преступлений в обществе помогает гражданам определять свою социальную идентичность в границах «нормальности» и «законопослушности».

С одной стороны, преступность выступает контрастным фоном, за счёт которого общество подчеркивает границы приемлемого и порицаемого. Наблюдая за тем, как некоторые нарушают установленные нормы, большинство людей укрепляет собственное понимание того, что морально приемлемо и допустимо. Это помогает обозначать им этические и правовые границы. Сравнивая свое поведение с девиантами, люди видят себя как более правильных, полезных и эффективных, что подкрепляет их идентичность как «нормальных» членов общества.

С другой стороны, принадлежность к «преступности» также может помогать некоторым индивидам определить свою идентичность в кругу таких же отклоняющихся личностей, как они сами. Хотя, скорее всего, это негативное явление, но многие члены общества нашли в преступности форму самовыражения или солидарности. Об этом свидетельствует существование криминальных корпораций, от-

[53] Сатюков А.Г. Добровольные народные дружины: история и современность // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4(6). С. 12-17

[54] Кузьменко Н.И. Реализация общественных инициатив в правоохранительной сфере: правовые вопросы // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 1. С. 93-99

ношения в которых выходят далеко за пределы противозаконной деятельности (Якудза, Коза Ностра, Ндрангета и проч.);

- *экономическая* функция позволяет констатировать, что в ряде случаев преступность оказывает существенное влияние на процессы создания и распределения общественного продукта.

Например, в некоторых странах, особенно в периоды экономического кризиса или войн, преступные организации обеспечивают население товарами и услугами, которые недоступны легально. Это позволяет создавать рабочие места и удовлетворять потребительский спрос.

Преступность активно участвует в нелегальной миграции, что влияет на процессы переселения людей и позволяет некоторым беженцам улучшать условия жизни; кроме того, она меняет рынки рабочей силы, обеспечивая ее приток или отток. Для части регионов эта ситуация выглядит позитивно, для иных – оценивается отрицательно.

В крупнейших странах-поставщиках наркотиков, таких как Колумбия и Мексика, картели зачастую становятся одним из основных работодателей, предлагая заработок в экономически депрессивных регионах и вкладывая деньги в местную инфраструктуру.

В работах Akcay S. обсуждается идея, согласно которой коррупция может иметь положительное влияние на экономический рост в странах со слабо развитой рыночной экономикой, позволяя обходить неэффективные законы и бюрократические препятствия[55];

[55] Akcay S. Corruption and Human Development // Cato Journal. 2006. Vol. 26. № 1. P. 29–46 (29.05.12).

- *утилитарная* функция тесно связана с тем, что преступность имеет потенциально положительные побочные эффекты, приводящие к достижению практических целей, из-

ЭТО ИНТЕРЕСНО: есть примеры, когда преступная деятельность приводила к позитивным изменениям в обществе.
Классический случай - бутлегерство во время сухого закона в США (1919–1933 годы). Контрабандисты (бутлегеры) модифицировали обычные автомобили, делая их быстрее и манёвреннее, чтобы уходить от погонь полиции. Эти усовершенствования - от усиленных двигателей до улучшенной подвески - легли в основу культуры сток-кар рейсинга. В итоге это привело к созданию NASCAR в 1948 году, которая превратилась в массовый спорт и индустрию, стимулирующую автомобильные инновации и безопасность на дорогах. Сегодня NASCAR — это глобальный феномен с миллионами фанатов и технологиями, которые перешли в гражданский автопром.
Другой пример - онлайн-пиратство фильмов и музыки в конце 1990-х - начале 2000-х. Сервисы вроде Napster и торренты позволяли бесплатно скачивать контент, что подорвало традиционные модели его распространения. В ответ индустрия развлечений инвестировала в легальные альтернативы: iTunes (2003) конкурировал с пиратством через удобные покупки, а Netflix эволюционировал из почтовой рассылки DVD к стримингу (2007), чтобы предложить мгновенный доступ без скачивания. Это привело к массовому распространению стриминговых платформ (Spotify, YouTube Music, VK Play Live и т.д.), которые стали нормой для потребления медиа, сделав контент доступнее и стимулируя цифровые технологии доставки.

влечению некоторой пользы. Например, совершение преступлений способствует инновациям и развитию общества,

поскольку стимулирует развитие систем защиты и безопасности, поддерживает адекватный уровень развития уголовно-правовой науки и проч.

Одной из иллюстраций утилитарных идей может стать мнение о том, что «зло уничтожает само себя»[56] через преступность, которая участвует в сложных процессах социального гомеостаза. Порой преступники искореняют себе подобных, что выглядит как некий процесс самоочищения общества. Это неизбежно связано с конкуренцией за ресурсы и влияние. Криминальные личности могут бороться друг с другом за власть и контроль, что ведет к внутренним конфликтам и самоликвидации. Девиантные и маргинализированные лица становятся жертвами насилия со стороны схожих по своим характеристикам субъектов и т.п.

Таким образом, несмотря на распространённое восприятие преступности исключительно как негативного явления, такой подход страдает от излишнего упрощения и игнорирования множества факторов.

Дихотомическое мышление в рамках криминологии вульгаризирует понимание предмета ее исследования. Сосредоточенность на отрицательном аспекте преступности ведет к односторонности восприятия последней. В то время как сбалансированное понимание этого явления может привести к переосмыслению стратегий её контроля. При этом забывать, что преступность все же является одной из главных угроз современности[57] непростительно и чревато серьезными последствиями.

---

[56] Аристотель. Никомахова этика. Москва; Берлин: Директ-Медиа. 2020. 222 с.

[57] Лунеев В.В. Преступность и теневая экономика. 2003. URL: http://www.igpran.ru/public/articles/luneev_prestupnost_econom.pdf (дата обращения 18.09.2024).

Глава VI. Преступность: векторы развития

Вопросы: *Тренды развития преступности на фоне глобальных проблем человечества.*

Криминологическая футурология - область исследований, которая прогнозирует тенденции и возможные состояния преступности. Она стремится понять, как разные факторы влияют на нее в будущем, меняя формы и методики совершения криминальных деяний, а также подходы к их профилактике. Заглядывая в будущее, мы ищем ответы на вопросы, связанные с настоящим. И от этого зависит содержание разрабатываемых стратегий контроля над преступностью.

В представленной области исследований достаточно неплохо сформулированы идеи влияния глобализации[58], миграции[59], биотехнологического прогресса[60] и развития цифровых устройств[61] на грядущие состояния преступности. Ряд авторов описывают свой взгляд на вероятностную перспективу: высказываются идеи уголовно-правовой футурологии

[58] Лунеев В.В. Криминальная глобализация// Государство и право. 2004. С.26.

[59] Захарченко А.В. Глобализация как мировая тенденция. Правовой аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13. С. 76-79.

[60] Как изменится криминальный мир в ближайшем будущем // Научпоп. Наука для всех. URL: https://dzen.ru/a/X9cu4JSA7HjcQr1e (дата обращения 19.10.24).

[61] Овчинский В. Преступность: футурологический взгляд // «Завтра». 28.01.2016 URL: https://izborsk-club.ru/8813 (дата обращения 19.10.24)

и отраслевого предвидения[62,63,64], обсуждается место и роль уголовной репрессии в карательных практиках будущего[65], обобщаются мнения касательно путей развития криминологии[66] и т.п.

Дополнением к этим ценным мыслям может выступить системное осмысление векторов развития преступности в соответствии с номенклатурой глобальных проблем человечества. Она представляет собой продукт рефлексии, обычно формулируемый на уровне международных организаций (ООН[67], Всемирный экономический форум[68]), и включает перечень наиболее актуальных опасностей по мнению ряда ученых и практиков. Убрав идеологические и пропагандистские нюансы, можно с некоторой долей уверенности рассмотреть эти гипотезы и использовать их для предсказания преступности. Это позволит расширить спектр прогнозов, взглянув на изучаемую проблему комплексно, не ограничи-

[62] Новичков В.Е. Уголовно-политическая футурология в сфере борьбы с преступностью (понятийная и предметная область) // Крымский научный вестник. 2015. № 6 (6). С. 323-344.

[63] Лунеев В. В. Наука криминального цикла и криминологические реалии // Всероссийский криминологический журнал. 2007. № 1-2. С. 6-24.

[64] Буров В.Ю., Атанов Н.И., Андриянов В.Н., Судакова Т.М. Теневая экономика и коррупция как формы проявления экономической преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2014 № 4. С. 65-74

[65] Жестеров П.В. Место уголовной репрессии в современной уголовно-правовой футурологии // Юридическое образование и наука. 2020. № 10. С. 35-40.

[66] Судакова Т.М., Номоконов В.А. Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4(12). С. 531-540.

[67] Global Issues // United Nations. URL: https://www.un.org/en/global-issues (дата обращения 19.10.24).

[68] Hutt R. What are the 10 biggest global challenges? // World Economic forum. URL: https://clck.ru/3S8any (дата обращения 19.10.24).

ваясь односторонними ожиданиями цифровизации преступности в качестве чуть ли не единственного сценария её развития.

Рассматривать будущее преступного мира в свете глобальных вызовов целесообразно, ведь это позволит избежать тенденциозности в прогнозировании, когда один или два сценария видятся приоритетными, а остальные – обсуждаются попутно.

Анализ глобальных проблем человечества позволяет утверждать, что трансформация социальных процессов (в т.ч. преступности) будет связана со следующими издержками (выделены условно):

1. *проблемы, касающиеся нехватки ресурсов* - это социальные и экономические трудности, возникающие из-за острого дефицита средств удовлетворения базовых потребностей (масштабируемые бедность и социальное неравенство; дефицит продовольствия и вызванный им голод, нехватка воды, недостаток рабочих мест, расширяющийся разрыв между бедными и богатыми государствами и т.п.).

В этих условиях возникают риски глобального расширения *депривационной преступности.* Это совокупность уголовно-наказуемых деяний, связанная с сокращением либо лишением возможности значительных масс населения удовлетворять основные психофизиологические или социальные потребности[69]. На уровне статистических наблюдений

[69] Котельникова О.А. Депривация как причина преступности в России // Научный портал МВД России. 2019. № 2 (46). С. 55-60

установлено, что депривация и преступность тесно связаны[70,71].

В истории обнаруживается немало примеров, подтверждающих указанную связь. Социально-экономические условия, препятствующие возможности удовлетворять потребности, как правило, опосредуют рост депривационной преступности.

Так, Ирландский картофельный голод (1845-1852) вызвал массовое недоедание и нищету, что в свою очередь способствовало росту преступности, поскольку люди были вынуждены воровать ради выживания[72].

Великая депрессия в США (1930-е гг.) привела к безработице, бедности и закрытию предприятий, что стало причиной роста криминальной активности[73]. В 1933 г. общенациональный уровень смертности от убийств достиг максимума за столетие - 9,7 на 100 тыс. человек. Однако в 1934–1937 гг., когда экономика начала демонстрировать признаки восстановления, уровень убийств снизился почти на 20%[74].

Великий подвиг советского народа по защите блокадного Ленинграда сопровождался ростом локальной преступности[75]. Действовали многочисленные и неустойчивые

[70] Chester C. R. Perceived Relative Deprivation as a Cause of Property Crime // Crime and Delinquency Volume: 22 Issue: 1. P. 17-30

[71] Smith, Tom & Noble, Michael & Noble, Stefan & Wright, Gemma & Mclennan, David & Plunkett, Emma. (2015). The English Indices of Deprivation 2015: Research Report.

[72] Кораблева В. Ирландский картофельный голод: губительная эпидемия урожая 1845 года // Техинсайдер. URL: https://clck.ru/3S8amY

[73] Цегоев В. Крах американской мечты: 90 лет назад в США началась Великая депрессия // RT на русском. URL: https://clck.su/YhKlb (дата обращения 22.10.24)

[74] Crime in the Great Depression // History.com editors. URL: https://clck.ru/3S8amj (дата обращения 22.10.24)

[75] Банокина Е. Вытравить крыс. Как в блокадном Ленинграде боролись с преступностью // Еженедельник «Аргументы и Факты». № 48. Аргументы и факты - Петербург 29/11/2023

банды. Наибольшее распространение получили кражи продуктов питания и продуктовых карточек[76]. Имели место эпизоды мародерства, когда с умерших снимали одежду, обувь и нижнее белье[77].

Кризис воды в Кейптауне (ЮАР) в 2018 г. привел к тому, что город оказался на грани «Дня ноль» (период времени, в течение которого регион не сможет обеспечить население пресной водой). Это привело к панике, росту краж воды из резервуаров и конфликтам между жителями, усиливая социальную напряженность.

Таким образом, недостаток ресурсов, необходимых для выживания может существенно влиять на уровень и характер преступности в планетарном масштабе, особенно если подразумевается, что ресурсы эти иссякнут повсеместно (питьевая вода – к 2050 г., редкоземельные металлы – на горизонте 3-4 десятилетий; гелий и фосфор – на историческом отрезке в 60 лет). Их дефицит спровоцирует ожесточение внутривидовой борьбы; обострит конкуренцию преступных групп за ресурсные остатки; вызовет социальные противоречия и послужит почвой для интенсификации «черных рынков». Не обойдется без усиления миграционных потоков из так называемых «регионов истощения»;

2. *проблемы, касающиеся деградации окружающей среды* (опустынивание, обезлесение, углеродный след, загрязнение планеты, увеличение уровня мирового океана, непредвиденные катастрофы – землетрясения, извержения супервулканов, столкновение с космическим телом).

[76] Какие банды были в блокадном Ленинграде // "Рамблер". URL: https://clck.ru/3S8amx

[77] Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2014. 320 с. ISBN 978-5-235-03763-2.

Нарастание криминальной активности на фоне этих процессов можно обозначить термином *экогенная преступность*. Она подразумевает совокупность уголовно-наказуемых деяний, вызванных экологическими бедствиями и катаклизмами. Не следует отожествлять с категорией экологической преступности, когда вред причиняется окружающей среде.

Глобальное изменения климата, если таковое состоится может повлечь рост криминального насилия и ухудшение состояния правопорядка[78,79]: оно будет способствовать неконтролируемому переселению людей из зон затопления, отразится на расширении коррупционных практик при распределении воды и продовольствия; спровоцирует возникновение различных противоправных схем с миграцией, торговлей людьми, возобновляемыми источниками энергии или углеродными кредитами. От солёной морской воды могут пострадать источники питьевого водоснабжения и сельское хозяйство, что вызовет массовый голод[80] и сопутствующие последствия.

Экогенная преступность не раз становилась предметом научных исследований. Считается установленным, что стихийные бедствия, особенно в условиях неэффективности государственного управления, сопровождаются ростом как

[78] Lynch, Michael J.; Stretesky, Paul B.; Long, Michael A.; Barrett, Kimberly L. (2020-11-05). "The Climate Change-Temperature-Crime Hypothesis: Evidence from a Sample of 15 Large US Cities, 2002 to 2015". International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 66 (4): 430–450.

[79] Овчинский В.С. Глобальные изменения климата и преступность // Журнал российского права. 2008. № 3 (135). С. 106-116.

[80] Аниськов А. Почему уровень Мирового океана продолжает расти? / РБК-тренды. URL: https://trends.rbc.ru/trends/green/60e6d9089a7947f14fbd4eab?from=copy

абсолютных, так и относительных показателей преступности[81]. Из примеров достаточно указать на Спитакское землетрясение в Армении или «Пыльный котел» (Dust Bowl, 1930) в США, когда пыльные бури уничтожили урожаи в сельских районах. Фермеры потеряли всё, что привело к миграции, нищете и росту преступлений;

3. *военные конфликты и сопутствующие проблемы* (локальные, региональные, общемировые вооруженные столкновения, использование атомной энергии в милитаристских целях, глобальный терроризм, незаконный оборот оружия и проч.).

Эта группа проблем тесно связана с *военно-индуцированной преступностью*, когда возникновение и развитие криминальных практик напрямую связано с влиянием военных конфликтов. Причинами этого выступают ослабление государственных институтов, растущая бедность, перемещение населения, получение доступа к оружию, массовые психические расстройства и т.п.

Благоприятные условия для развития преступности являются спутником почти всех заметных вооруженных конфликтов. Так, *Афганистан*, разорённый десятилетиями войн, стал ключевым игроком опийной наркоторговли. Ослабленная государственная структура и перманентное насилие способствовали росту организованной преступности и наркокартелей. Более 8% населения страдают наркотической зависимостью[82], 80% - подвержены расстройствам

[81] Туманян А.Э. Проблемы предупреждения преступности в условиях стихийного бедствия: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08. Москва, 1997. 25 с.

[82] Кассем Х. Наркотики, проституция и бача-бази: как живёт Афганистан при талибах / News.ru. URL: https://clck.ru/3S8aeh

психики из-за затяжной и бесперспективной войны[83]. В *Колумбии* гражданская война и конфликт с партизанскими группировками (ФАРК и ELN) привели к всплеску торговли наркотиками и многочисленным похищениям людей, якобы необходимых для финансирования революции. Гражданская война в *Сирии* привела к существенному увеличению уровня преступности в стране[84] (в т.ч. незаконной торговли нефтью и историческими артефактами, контрабанды оружия и т.п.). После американского вторжения в *Ирак* в 2003 г. криминальная ситуация там ухудшилась, выросла численность вооруженных банд и радикальных групп, активизировались торговля оружием и человеческий трафик[85]. Вторая конголезская война стала причиной серьезного ухудшения криминальной обстановки в р. *Конго*, приведя к распространению практик незаконной добычи полезных ископаемых, вооруженного грабежа и насилия против мирного населения[86].

Даже поверхностная оценка современного состояния человечества говорит о том, что планета стремительно милитаризуется. Происходит всемирная эскалация конфликтов. Согласно данным Junge Welt в 2025 году зафиксировано 1450 конфликтов различной интенсивности по всему миру[87]. Кроме того, наблюдается усиление их интенсивности: число

---

[83] Саводян Б. Все против всех: как гражданская война влияет на Афганистан / ИА «Регнум». URL: https://regnum.ru/article/1955641 (дата обращения 19.10.24).

[84] Башар А. Роль организованной преступности в сирийском конфликте // Theories and Problems of Political Studies. 2023, Vol. 12, Is. 10A

[85] Iraq War // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Iraq_War (дата обращения 19.10.24).

[86] Немтырев М. Война и залежи. Кто с кем воюет в Демократической Республике Конго // Журнал "Коммерсантъ Власть" №39 от 03.10.2016. С. 30

[87] Война и войны. Рост вооруженных конфликтов в мире: эпоха перемен. URL: https://inosmi.ru/20251227/voyna-276403304.html (дата обращения 28.02.26).

погибших возросло на 14%, а количество актов вооруженного насилия увеличилось на 28%[88]. По сведениям ООН, четверть мирового населения проживает в регионах, затронутых вооруженными конфликтами или их последствиями[89], а значит находятся в зоне повышенного риска, связанного с военно-индуцированной преступностью;

4. *проблемы, касающиеся изменения численности и структуры населения* (вырождение наций, миграция, старение, демографический переход, депопуляция или перенаселение отдельных территорий).

Из всех глобальных проблем, волнующих человечество, вопрос роста народонаселения представляется одним из ключевых[90]. К сопутствующим проблемам упоминаемого процесса можно отнести *популяционную преступность*. Это явление связывает уровень и характер криминальных изменений с демографическими переменами в обществе.

Очевидно, что данный фактор не может быть недооценен. Глобальное движение населения не единожды меняло картину человеческой истории. В каком-то смысле оно демонстрирует и криминальные эффекты. Начиная с Лондона 18 в., когда на фоне промышленной революции произошла урбанизация, способствовавшая росту уличной преступности, воровства, насильственных преступлений. И заканчивая интенсивной миграцией в Индии 21 в., когда в поисках ра-

[88] Bloomberg сообщил о рекордном за 30 лет количестве конфликтов в мире // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/10/12/2023/6576136e9a7947540f2964c1 (дата обращения 19.10.24).

[89] Бовт Г. Покой нам только снится: сейчас в мире насчитывается 27 неразрешенных крупных конфликтов // Вечерняя Москва. URL: https://clck.ru/3S8agQ (дата обращения 19.10.24).

[90] Капица С. Рост населения земли и его математическая модель // Наука и жизнь. №3. 1998

бочих мест население устремилось в крупные города, создав там перенаселенные трущобы с вытекающими негативными последствиями. Особую тревогу вызывает то, что динамика миграции населения в мире только усиливается. По данным Доклада о мировой миграции за 2024 г. этот показатель продолжает устойчиво расти. Сегодня насчитывается около 281 млн. международных мигрантов, а число перемещённых лиц в результате конфликтов, насилия, стихийных бедствий и по иным причинам достигло самого высокого уровня за всю историю наблюдений – 117 млн. человек[91];

5. *проблемы, касающиеся распространения заболеваний* (утрата контроля над ВИЧ, COVID, возникновение новых эпидемий) стимулируют *эпидемиологическую преступность*. Она напрямую зависит от инфекционных и неинфекционных (психических, соматических) расстройств, влияющих на поведение человека. Это преступления, совершённые людьми с медицинскими или психиатрическими диагнозами (или в их отношении). На повестку дня вынесены вопросы криминализации и систематизации эпидемических преступлений, включающих неосторожное или умышленное заражение инфекционными заболеваниями[92].

Естественно, в некоторых случаях патологии антикриминогенны, как во времена пандемии испанского гриппа в 1918-1919 гг., когда потенциальные преступники понимали

[91] Доклад о мировой миграции за 2024 год – Глобальные тенденции и проблемы в области мобильности людей // New Central Asia. URL: https://clck.ru/3S8ahq / (дата обращения 19.10.24).

[92] Хажбатиров А. Отчет IOM раскрыл рекордную статистику глобальной миграции за 2024 год / ИА «Islam News». URL: https://clck.ru/3S8aie (дата обращения 19.10.24).

риск заражения и старались меньше контактировать с окружающими[93].

Но есть и обратные примеры. Бактерия Yersinia pestis, вызвавшая чуму в средневековой Европе, помимо самой эпидемии, стала причиной серьезных социальных конфликтов. Заболевание привело к вспышкам анархии и мародерства. Женщин подвергали насилию по причине религиозных предубеждений, считая их виновными в первородном грехе и связях с библейской Евой. Евреи становились жертвами погромов, спровоцированных обвинениями в распространении болезни[94].

Эпидемия ВИЧ/СПИД в Южной Африке в 1990-2000-х также имела криминогенное влияние. Рост числа ВИЧ-инфицированных привел к социально-экономической нестабильности, поддержке наркопотребления и проч. Высокая смертность среди взрослого населения спровоцировала появление массового сиротства, что значительно повысило риск вовлечения молодежи в преступные группировки и отразилось на уровне преступности. Учеными признано, что распространение ВИЧ-инфекции является значимым криминологическим показателем и мощным криминогенным фактором[95].

Из свежих примеров следует упомянуть пандемию COVID-19, когда в ряде стран наблюдался рост домашнего насилия, мошенничества в интернете и киберпреступности

---

[93] Безверхов А.Г., Норвартян Ю.С. «Эпидемические» преступления: вопросы криминализации и систематизации // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3(11). С. 562-568.

[94] Влияние эпидемии чумы "Черной смерти" на Европу // Изян. URL: https://dzen.ru/a/ZJC_Ekj2LCqnFMbL (дата обращения 19.10.24).

[95] Кнорре А., Кудрявцев В. Стоит ли бояться разгула преступности во время пандемии // Ведомости. URL: https://clck.ru/3S8akE (дата обращения 19.10.24).

в целом. Эти тенденции были связаны с противоэпидемическими мероприятиями и тотальным карантином. Стресс, перестройка экономики, вызванные заболеванием, способствовали усилению определённых форм преступной деятельности.

Будет ли преступность расти из-за эпидемий и болезней, однозначно утверждать невозможно. С одной стороны, самоизоляция и карантин уменьшают количество коммуникативных контактов, что снижает вероятность совершения преступлений[96]. Люди реже выходят из дома и виктимологические риски существенно ниже[97]. С другой стороны, при продолжительном течении эпидемий и особенно неблагоприятных сценариях развития, связанных с высокой смертностью и снижением управляемости в регионах и странах, вероятно повышение показателей организованной преступности и спроса на незаконные товары и услуги[98];

6. *проблемы в области информации и цифрового развития* (тотальное применение ИИ, ИКТ для устойчивого развития, погружение человечества в гиперреальность, накопление больших данных и возникающие угрозы их приватности, ошибочное применение био- и нанотехнологий, создание сверхинтеллекта с заложенными в нем ошибками и проч.). Этот сценарий отражает идею цифровизации и дальнейшего масштабирования *киберпреступности*. Данная тема достаточно широко освещена в современной научной литературе и поэтому в особых пояснениях не нуждается.

---

[96] Никитин Д. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых ВИЧ-инфицированными: автореферат дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Рязань, 2010. 24 с.

[97] Петров И. Затишье перед бурей: как COVID-2019 повлияет на преступность // Известия. URL: https://clck.ru/3S8akp (дата обращения 19.10.24).

[98] Овчинский В. Преступность во время пандемии // Петровка 38. № 13 (9710) от 14 апреля 2020 г.

Выше указан далеко не полный перечень проблем, стоящих перед человечеством. Уместно упомянуть проблемы, *связанные с управлением и властью* (расширяющаяся практика дискриминации и неравенства по признаку расы, пола, религии, нарушение прав человека, деструктивная политическая конкуренция, нестабильность правительств, возникновение глобальных репрессивных режимов и т.п.). Коррелирующая им преступность может получить название *политически мотивированной*. Она включает в себя действия, возникающие вследствие политической нестабильности, коррупции или борьбы за власть. Политические проблемы не раз создавали вакуум власти, что отражалось на криминальной динамике.

Выявление глобальных проблем человечества и анализ преступности в их контексте открывают новые возможности для прогнозирования. Данное обстоятельство представляет необходимое условие эффективности криминологической футурологии и исследований в этой области.

Одновременно спектр вызовов (продовольственная нестабильность, рост заболеваемости, масштабные миграционные потоки, социально-экономическая поляризация и иные стрессоры) переводит проблематику профилактики преступности на иной, более высокий уровень постановки. В этих условиях предупреждение преступности не может рассматриваться преимущественно в рамках традиционных юридико-догматических подходов. Оно требует междисциплинарного анализа и комплексных мер, сочетающих правовые инструменты с социальными, экономическими, управленческими и гуманитарными интервенциями.

Криминологически значимые риски все чаще формируются вне правовой системы как таковой - в сфере доступа к

базовым ресурсам, качества институтов, устойчивости инфраструктур, эффективности социальной поддержки и доверия к государству. Следовательно, центр тяжести смещается от реактивной модели (выявление, пресечение, наказание) к превентивной модели, ориентированной на снижение структурных причин преступности и воспроизводства девиантного поведения. Такая модель предполагает не только совершенствование законодательства и правоприменения, но и адресную социальную политику, снижение неравенства, развитие образования и здравоохранения, повышение справедливости социальной жизни, укрепление механизмов общественного участия и т.п.

Контроль над преступностью, таким образом, выступает не узкопрофессиональной задачей юридического корпуса, а системной функцией общества и его институтов. Юристы и правоохранительные органы сохранят роль в обеспечении формальной регуляции и гарантий прав, однако устойчивый профилактический эффект будет достигнут лишь при условии интеграции правовых мер в более широкую конфигурацию социальной политики.

Глава VII. Преступность: биологический ракурс

Вопросы: *Преступность как биологическое явление. Слабость социально-правовых трактовок преступности.*

Животные и преступления – интересная тема, которая на первый взгляд не имеет отношения к криминальным наукам. Этот вопрос в большей степени адресован любителям отвлеченных рассуждений, любопытных аналогий или серьезных исследований в области биосоциальной криминологии[99].

История знает немало примеров, когда живые существа преследовались как преступники: начиная от средневековых процессов над пиявками и заканчивая уголовным наказанием собак в 20 веке[100].

Несмотря на это, юридическое сообщество вполне адекватно оценивает взаимосвязь животного и криминального мира. Действительно, кое-где они пересекаются. Это касается этнозоологического насилия, т.е. использования животных для совершения преступлений (в качестве орудий)[101], защиты живой природы от жестокости или незаконной добычи, а также допущения, что животное может выступать

[99] Бахарев Д.В. Криминальная антропология вчера — биосоциальная криминология сегодня? // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 3 (16). С. 298-310.
[100] Дать на лапу: 9 самых громких судебных процессов над животными // Журнал «Правила жизни». – URL: https://www.pravilamag.ru/articles/6547-animal-court/ (дата обращения 30.10.2023).
[101] Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Этнозоологическое насилие как модель для совершения преступления // Государство и право. 2023. № 1. С. 48-58.

объектом или предметом преступной деятельности[102,103,104]. Еще гоголевский персонаж Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин признавался, что берет взятки борзыми щенками.

Об оценке преступного потенциала животных и рассмотрении их в качестве нарушителей академическая наука речи не ведет. Эта верная позиция, к сожалению, предполагает расширительное толкование и игнорирование биологических начал отдельных юридических явлений. К одному из таких относится преступность. Отказ признавать животных субъектами преступления отождествляется с отказом анализировать биологические предпосылки криминального поведения человека.

Проблема заключается в том, что в современной науке преступность воспринимается исключительно как *социально-правовой феномен*. Аналогии из животного мира, напротив, позволят посмотреть на проблему под другим углом зрения, расширив горизонт научного виденья.

В криминологии и социологии доминирует антропоцентрическая парадигма. Преступность воспринимается исключительно в социо-правовой плоскости, как свойственная исключительно человеку. Такой подход продуктивен, но имеет недостатки. Он игнорирует природные предпосылки поведения, лежащие под юридическими конструкциями мотивации, агрессии, иерархии, воли, вреда и санкций.

---

[102] Безверхов А.Г., Норвартян Ю.С. «Эпидемические» преступления: вопросы криминализации и систематизации // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3 (11). С. 562-568.

[103] Китаева В.Н. Некоторые аспекты противодействия жестокому обращению с животными / Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3 (10). С. 568-578

[104] Семенов К.П. Животные как предмет и средство преступления: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2016. 23 с.

Разумным выглядит признание того, что преступность как юридически оформленная категория - социальна, но ее поведенческая основа может иметь природное происхождение и проявляться как социально-биологический комплекс.

В сущностном плане преступность представлена *совокупностью деяний, которые оцениваются сообществом как нежелательные и подлежат отреагированию*, т.е. санкциям. Такой каркас или схема «преступности», если отбросить сложную организационно-правовую основу, известна и в царстве животных. Зачастую эти явления возникают на высших уровнях развития у коллективных организмов.

Для уточнения обсуждаемого предмета уместно рассмотреть формы поведения животных, которые ошибочно отождествляются с «криминальным». Лучше всего это иллюстрирует работа выдающего ученого Ч. Ломброзо «Женщина, преступница или проститутка», где в одной из глав автор изучает преступность самок в царстве животных, приводя 8 категорий различных «злодеяний»: от разбоя и грабежа в пчелином сообществе до преступлений против материнства у ангорской кошки. Подобная постановка вопроса некорректна. В дикой природе, где животные борются за выживание, не существует предпосылок преступности в том смысле, в каком мы понимаем это явление. Животные ведут себя в соответствии с естественными инстинктами, выживая и размножаясь. Поэтому хищничество, каннибализм, убийство потомства от другого самца – всего лишь типы взаимоотношений между организмами. В силу присущего человеку антропоцентризма таким событиям может выставляться ошибочная моральная или даже правовая оценка.

С другой стороны, известно, что животным присущи т.н. *аномальные формы поведения*[105], изучаемые этологией. Их насчитывается более сорока, среди которых отмечаются гиперагрессия, родительская жестокость и проч. Быть может – это и есть пресловутые «преступления» живых существ? Приходится констатировать, что указанное поведение, хоть и похоже на девиации, но зачастую не встречает ответа в форме санкций со стороны сородичей. А значит проводить аналогии с преступностью опять не приходится.

Для обнаружения нужных аналогий необходимо выявление связки «*девиация + санкция*», которая обнаруживается только у социальных животных, в т.ч. человекообразных. Схематично, это напоминает преступность в нашем социуме, но поскольку данное явление иного порядка, то для его описания разумно использовать другой термин.

Чтобы не смешивать право и биологию, вводится уровневое разделение:

Преступность (антропологический уровень) - социально-правовая конструкция, множество индивидуальных противоправных актов, которые в сумме образуют негативное социальное явление со статистическими показателями и закономерностями.

Протопреступность (этологический уровень) - повторяющиеся поведенческие акты, которые внутри группы индивидов воспринимаются как нежелательные и вызывают ответные меры воздействия (пресечение, вытеснение, изоляция, ограничение доступа к ресурсам, «наказующее» поведение).

[105] List of abnormal behaviours in animals. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_abnormal_behaviours_in_animals (дата обращения 30.10.2023).

Иными словами, протопреступность – это своего рода «криминальное поведение» или его прообраз в биосферном измерении: именно та форма деятельности, которая в человеческом обществе усложнилась и формализовалась до уголовно-правового уровня.

Протопреступность нельзя назвать правонарушением (нет субъекта права, вины и юридической ответственности), но можно рассматривать как естественную матрицу для понимания того, почему в человеческом обществе возникают нарушения, запреты и санкции. Более того, преступность людей есть результат межличностного сотрудничества, не наблюдаемого у животных, поскольку те лишены сложной культуры и таких особенностей, как институализированное наказание и социально санкционированное возмездие[106].

В философии и этике права описываемое явление получило название «*прообраза права*», являющего собой гипотетическую предпосылку правового регулирования в сообществах ближайших к человеку обезьян (шимпанзе обыкновенного и бонобо)[107].

Сравнение с животными в данном случае используется не для приписывания им статуса правонарушителей, а с целью самопознания. Важно исключить эгоцентризм и антропоцентризм в понимании преступности, усомниться в том, что это явление целиком «изобретено» человеком. *Наличие протопреступности указывает на естественные механизмы нормообразования и санкционирования в системах коллективной жизни.* Человеческая преступность выступает фор-

[106] Лаленд К. Что делает человека человеком? // Журнал «Project Syndicate». URL: https://inosmi.ru/20170808/239998771.html (дата обращения 30.10.2023).

[107] Шалютин Б. О некоторых прообразах права у высших обезьян. Գիտական Արցախ / Научный Арцах / Scientific Artsakh. 2019. № 1 (2). С. 27-44.

мой проявления этого природного механизма, регулирующего внутригрупповую кооперацию через нормы и санкции. Иначе говоря, право не «создаёт» поведенческий материал из ничего, а институционализирует *древние социальные механизмы поддержания порядка в группах:* охрану иерархий, распределение ресурсов, защиту потомства, территориальность, подавление паразитирующих стратегий, выведение из группы опасных или дестабилизирующих участников и т.д.

В качестве примера уместно привести поведение некоторых приматов, у которых коалиции самцов периодически подвергают остракизму слишком агрессивных соплеменников или проблемных особей, угрожающих функционированию сообщества[108].

Грузинский этолог Я. Баридзе, проведя два года в волчьей стае (Canis lupus), обнаружил множество особенностей поведения этих животных. Одна из наиболее заметных заключалась в том, что слишком агрессивные и несоциальные волки изгонялись из группы[109], что само по себе является санкцией в ответ на отклоняющееся поведение.

Очевидно, что остракизм представляющий собой игнорирование, исключение, или отвержение, встречается повсеместно как среди людей, так и некоторых социальных животных[110]. Эти формы репрессий распространены и

[108] Benenson, J. F., Hodgson, L., Heath, S., & Welch, P. J. (2008). Human sexual differences in the use of social ostracism as a competitive tactic. International Journal of Primatology, 29, 1019–1035.

[109] Карелин В. «Волки научили меня искренности» Интервью с Ясоном Бадридзе // Журнал «Человек без границ». URL: https://www.bez-granic.ru/main/vnutrennij-mir/yason-badridze.html (дата обращения 30.10.2023).

[110] Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 152–164.

весьма значимы: они являются условием выживания сообществ[111]. Помимо волков и приматов схожие стратегии поведения наблюдаются у львов, буйволов, пчел[112]. В человеческом обществе данный механизм воплощен уголовными санкциями и тюремной изоляцией.

Социальные животные в дикой природе могут применять различные формы «наказания» или дисциплинарные меры в отношении отклоняющихся особей. Укажем несколько типов:

1. физическая агрессия. У некоторых видов приматов (таких как шимпанзе, павианы и гориллы), агрессия используется для установления и поддержания социального порядка и усиления иерархии доминирования внутри сообществ[113]. Например, одной из форм наказания для горилл (Gorilla Geoffroy) является агрессия со стороны старших сородичей. Когда молодая особь или подчиненный самец преступает границы своего положения в иерархии, он может быть атакован или изгнан из группы со стороны доминантных особей. Подобные нападения могут привести к серьезным повреждениям или смерти.

Применение санкций наблюдается у макак (Macaca Lacépède). Особи, которые находят еду, но не подают сигнал (не зовут других), чаще подвергаются физическим атакам со стороны сородичей, что интерпретируется как наказание за

[111] Williams K.D. Ostracism // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425-452.

[112] Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 127–140.

[113] Hagerman K. Aggressiveness. URL: https://clck.ru/36GiLe (дата обращения 30.10.2023).

дефекцию (в данном эпизоде нарушение в виде несообщения жизненно важной информации)[114].

В кооперативных группах, у птиц или млекопитающих с совместным уходом за потомством, «ленивые помощники» (те, кто уклоняется от помощи или обманывает доминантных членов группы) подвергаются физическому преследованию или изгнанию[115].

При аллогруминге (взаимном уходе) или делёжке пищи у

ЭТО ИНТЕРЕСНО: в исследованиях социальных насекомых, например, бумажных ос, наблюдается использование социальных наказаний за «нечестность». Так, осы с несоответствующими лицевыми узорами (которые сигнализируют об их силе и агрессивности) и демонстрирующие несоответствующее этим идентификаторам поведение, больше страдают от социальных издержек и нападений сородичей (Elizabeth A. Tibbetts, Amanda Izzo, 2010)

приматов и летучих мышей (Chiroptera) т.н. «*дефекторы*» (те, кто получает пользу, но не отвечает взаимностью) сталкиваются с физическим преследованием[116];

2. изоляция (игнорирование). В книге Франса де Валя «Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов» описан процесс смены альфа самца в группе обезьян (Pan), а одним из возможных несиловых наказаний бывшего альфы по

[114] Stevens J.R., Cushman F.A., Hauser M.D. Evolving the psychological mechanisms for cooperation // Annu. Rev. Ecol. Syst. 2005. No. 36. Pp 499–518

[115] Riehl C., Frederickson M.E. Cheating and punishment in cooperative animal societies // Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci. 2016 Feb 5;371(1687):20150090. doi: 10.1098/rstb.2015.0090. PMID: 26729930; PMCID: PMC4760192.

[116] Там же.

мнению автора становится его изоляция[117]. В группах приматов это может приводить к полному игнорированию, что нередко заканчивается смертью изолированного существа, поскольку оно лишается защиты и ресурсов[118]. Имеются сведения о том, что в стаях волков и койотов существуют игры, где сильные особи уступают слабым и позволяют им «побеждать» во время схватки, меняясь на время игры ролями. В этих играх есть одно правило: не наносить слишком сильные укусы своему сопернику. Если какой-либо член стаи нарушает этот запрет, он сталкивается с последствиями: другие члены стаи могут прекратить с ним общение[119];

3. *ограничение ресурсов*. Некоторые обезьяны, могут ограничивать доступ одного из своих членов к ресурсам во время конфликтов, хищений или агрессивного поведения со стороны «нарушителя»[120,121];

4. *изгнание*, как форма социального взаимодействия известна разным животным. Социальные насекомые, такие как муравьи (Formicidae) и пчелы (Anthophila), имеют строго организованные социальные структуры. В некоторых случаях, особи, которые нарушают правила или не выполняют обязанности, могут быть изгнаны или исключены из колонии.

---

[117] Палонин В. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов. URL: https://dtf.ru/read/1486595-politika-u-shimpanze-vlast-i-seks-u-primatov (дата обращения 30.10.2023).

[118] Kipling D. Williams. Ostracism: The Power of Silence. Guilford Publications. 2001. 282 p.

[119] Изгнание // Центр психологической безопасности (АНО "ЦПБ"). – URL: https://vk.com/wall-62262331_5336 (дата обращения 01.11.2023).

[120] M. Suchak,T.M. Eppley,M.W. Campbell,R.A. Feldman,L.F. Quarles, & F.B.M. de Waal, How chimpanzees cooperate in a competitive world, Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 113 (36) 10215-10220.

[121] Clutton-Brock, Tim & Parker, Geoff. (1995). Punishment in Animal Societies. Nature. 373. 209-16.

У коралловых бычков (Gobiidae) группа поддерживает социальную иерархию на основе размера тела. Если член группы нарушает очередь (например, пытается доминировать без соответствующего права), доминирующие особи наказывают его изгнанием[122].

Среди шимпанзе (Pan) наблюдались коллективные атаки на «невоспитанных» членов группы, приводящие к временному изгнанию. Например, в одном случае группа нападала на самца за нарушение правил поведения, что привело к его исключению на несколько месяцев[123].

Наказания и дисциплинарные меры варьируются в зависимости от вида, общественной структуры и поведенческих норм конкретной стаи или группы существ.

Весьма любопытный взгляд на наказание у животных представлен в работе Кристины Риль и Мегана Э. Фредриксона[124] в которой авторы связывают наступление санкций с различными формами «обмана» в животном мире. Примером такого «обмана» авторы с оговорками считают размножение вместо того, чтобы помогать выращивать потомство доминирующего заводчика. Хорошо изученным образцом подобного поведения является размножение рабочих в колониях насекомых. У эусоциальных перепончатокрылых рабочие обычно выращивают потомство своей матери, королевы, вместо собственных детенышей. Тем не менее, нередко они сами откладывают яйца, которые могут развиться

[122] Raihani N., Thornton A., Bshary R. Punishment and Cooperation in Nature. Trends in ecology & evolution. 2012. No 27. Pp. 288-95. 10.1016/j.tree.2011.12.004.

[123] Nishida, T., Hosaka, K., Nakamura, M. et al. A within-group gang attack on a young adult male chimpanzee: Ostracism of an ill-mannered member? Primates 36, 207–211 (1995). https://doi.org/10.1007/BF02381346

[124] Riehl C, Frederickson ME. Cheating and punishment in cooperative animal societies. Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci. 2016 Feb 5; 371(1687):20150090. doi: 10.1098/rstb.2015.0090. PMID: 26729930; PMCID: PMC4760192

в самцов или иногда в самок. Авторы вводят понятие «*полицейской деятельности животных*», направленной на минимизацию последствий подобных событий.

Таким образом, можно утверждать, что отдельные живые существа демонстрируют наличие условных отклонений (девиаций, дефекций) и реакции на них путем применения социальных санкций. Это может происходить в форме автоматических действий (у насекомых) или в виде ритуализованного поведения (у млекопитающих).

Применяемые санкции обычно выполняют функцию поддержания порядка, обучения и сохранения безопасности, как, впрочем, и в человеческом сообществе.

Инстинктивная природа поведения животных не позволяет говорить о преступлениях и наказаниях, как отдельном социальном институте. Это лишь зачатки контролирующей и дисциплинарной деятельности. Уникальной особенностью человеческих наказаний является то, что в отличие от животных люди наказывают нарушителя, даже если сами персонально от него не пострадали[125].

Наличие протопреступности в животном мире является напоминанием о биосоциальной природе девиантности, поскольку человек такая же часть живого мира, как и любое другое существо. Вдобавок, антисоциальная активность не является чем-то уникальным и присущим только людям. При объяснении криминального поведения необходимо

[125] Crime, punishment and chimpanzees // Los Angeles Times. – URL: https://www.latimes.com/science/la-xpm-2012-aug-29-la-sci-sn-chimp-punishment-20120828-story.html (дата обращения 01.11.23).

учитывать и его биологический аспект. Использование исключительно культуральных и социальных трактовок, как это принято в большинстве криминологических теорий, недостаточно для объективного понимания опасных поступков, в т.ч. преступных. Представленная концепция предлагает переход от замкнутой социолого-правовой модели к междисциплинарной эволюционной схеме. Она доказывает, что человеческое право и преступность - это *не искусственный конструкт, а высшая, формализованная стадия развития природных механизмов саморегуляции*, присущих сложным биосоциальным системам.

Глава VIII. Преступность: культурологический ракурс

Вопросы: *Преступность как воплощение криминального культа. Антикримногенные культуры.*

Культ в латинском языке означает почитание или поклонение. В отечественной науке, применительно к анализу явлений криминального характера, указанная категория, почти не используется. В зарубежных источниках термин получил немало вариаций: от осмысления преступных культов, инспирирующих массовые преступления («Ветвь Давидова», «Аум Синрике», «Небесные врата»)[126] до культа личности руководителей нелегальных структур, например, Silk Road[127].

Н. П. Барабанов упоминает *криминальные культы*, которые, по его мнению, сводятся к двум составляющим: *культу личности* и *культу оружия*[128]. Однако уточняющих определений автор не предлагает.

Криминальный культ тесно связан с *криминальной субкультурой*, порой отождествляясь с ней[129]. Но идентичны ли данные категории? По мнению автора - эти два концепта

[126] Criminal cult crime. URL: https://www.lawyersnjurists.com/article/criminal-cult-crime/ (дата обращения 19.12.24)

[127] Ormsby E. The outlaw cult // The Sydney morning Herald. URL: https://www.smh.com.au/technology/the-outlaw-cult-20130709-2po5j.html (дата обращения 19.12.24)

[128] Барабанов Н.П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // Человек: преступление и наказание. 2017. № 2 (25), С. 177-182.

[129] Mikheeva S.V., Mikhailov V.S. Криминальная субкультура: понятие, структура, значение // Глава книги «Криминальная общность в местах лишения свободы». Самара. 2016. С. 14-33

связаны с преступной деятельностью, но имеют некоторые различия. Если культ – это нерелигиозное или псевдорелигиозное преклонение[130], то субкультура – исторически сложившийся образ жизни криминализированных групп.

Следовательно, *криминальный культ* – это случаи, когда *антисоциальные практики или отдельные преступные личности становятся объектом фетишизации, идеализации и массового поклонения*.

Криминальная субкультура, напротив, представляет *набор норм, ценностей и моделей поведения, присущих сообществам, вовлечённым в преступную деятельность*. Она подразумевает специфический жаргон, традиции, символы, коммуникативные стили и проч. Лица, принадлежащие к таким группам, могут не иметь строгой иерархии или идейного вождя, но характеризуются личностными деформациями[131]; определенным уровнем криминализации, стремлением следовать законам преступного мира[132] и т.п.

Криминальный культ фокусируется на почитании и идеализации преступников или образа их поведения. Криминальная субкультура являет набор норм, ценностей и традиций, определяющий поведение групп у которых преступная деятельность является частью повседневности.

Желательно отличать криминальный культ от мистических верований, принятых в преступном мире, хотя эта грань

---

[130] Культ // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Культ (дата обращения 19.12.24)

[131] Яковлева Е.О, Серенко Р.С. Современные закономерности делинквентного поведения и криминогенные факторы в системе предупреждения преступности несовершеннолетних // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 6 (18). С. 614–623

[132] Тигунцева Г.Н. Генезис научного знания о личности подростка-делинквента в отечественной психологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 1 (9). С. 47-56.

порой неочевидна. К проявлениям последней относят почитание «*Санта Муэрте*» или «*Святой смерти*». В Мексике, например, она считается покровительницей преступников, бедняков, проституток и наркоманов[133]. Божество изображается в виде скелета женщины в свадебном платье[134]. Утверждать о криминальном культе в данном случае проблематично. Скорее, это традиционные дохристианские вероисповедания, перенесенные в маргинальную среду.

Реальность криминальных культов затрагивает важную проблему ограниченности чисто юридического подхода к пониманию преступности. Концептуальное соотношение между культом (как системой почитания, веры и преданности) и преступностью (как совокупностью формальных деяний) становится очевидным, если посмотреть на криминал как на специфическую форму социальной жизни или образа мыслей.

Любая системная, профессиональная или организованная преступность неизбежно формирует собственные ценности, идеалы и неписаные законы. Возникает специфическая идеология, в которой объектами почитания становятся сила, власть, легкое обогащение или иные ценности. Это необходимо для понимания почему преступность воспроизводится из поколения в поколение, формирует объекты почитания, меняя людское мировоззрение.

Признаки криминального культа:

- *идеализация и романтизация преступной личности*, которая выступает героем или антигероем, достойным

[133] Абдусаламова К. В поисках святой смерти // Батенька. URL: https://batenka.ru/unity/faith/santa-muerte/

[134] 10 культов и религий, которые и сегодня существуют в преступном мире. URL: https://kulturologia.ru/blogs/100615/24825/ (дата обращения 19.12.24)

всеобщего внимания: в фокусе – ее облик, противоречивый портрет, а также неоднозначный жизненный путь и т.п.;

- *фетишизация преступных деяний,* особенно если те совершены с дерзостью или расчетливостью, выраженная в форме восхваления и оправдания, вне зависимости от моральной оценки;

- с*имволизм и атрибутика,* сопряженные с использованием знаков или декоративных элементов, связанных с преступниками, например, в одежде или искусстве;

- *широкая огласка*, выраженная в чрезмерной демонстрации и обсуждении действий преступников в СМИ, политической и новостной повестке, фильмах, книгах и т.п.;

- *псевдорелигиозные элементы* (поклонение или ритуалы, связанные с преступниками, например, «почитание» дат, событий или мест, связанных с их деяниями).

Содержание криминальных культов может быть разнообразным и не обязательно сводится к личности конкретного преступника. Поклоняются не только историческим фигурам, но и собирательному образу «героя эпохи», антиобщественному стилю жизни или криминальной модели поведения.

Среди криминальных культов выделяются:

1. персонализированные культы – почитание индивидуализированного или коллективного криминального субъекта.

Подразумевает мифологизацию лидеров преступных организаций, возвышение серийных убийц, почитание отдельных групп преступников, будь то клановые предки или банды 90-х, идеализацию преступников прошлого, грабителей банков или разбойников (культ мафиозных боссов; культ преступных групп; культ наркобаронов; культ маньяков, культ социального бандита по Э. Хобсбауму и проч.).

В традиционных культурах обнаруживается немало примеров: от Дисмаса - «благоразумного разбойника», распятого вместе с Иисусом Христом или Моисея Мурина - разбойничьего атамана, раскаявшегося и принявшего монашество до Кудеяра - убийцы, который, согласно преданию, искупил вину через смерть преступника, совершившего ещё более тяжкие злодеяния[135]. Однако более современные примеры, подчас не связаны с идеями покаяния и искупления.

Среди новых героев, например, мексиканский разбойник *Хесус Мальверде*, который стал предметом синкретического культа, героем фольклора в мексиканском штате Синалоа. Его называют «щедрый бандит», «ангел-покровитель бедных» или «нарко-святой». В его честь устраивают вечеринки, праздники и строят часовни[136]. В Австралии одним из национальных героев и символов сопротивления коррумпированной власти считается известный грабитель *Нед Келли*. Легенда о нем окутана аурой романтики, особенно после боя в бронекостюме, который он сам сконструировал, чтобы противостоять полиции[137]. Невольно возникает образ «Железного человека»[138], являющегося значимым элементом современной массовой культуры. В российской криминальной среде сформировался культ «Соньки золотой ручки» (*Софьи Блювштейн*), которая является покровительницей и заступницей преступников. Её аферы и хитроумные

[135] Богданова О.В., Талашов Г.П. Легенда о разбойнике Кудеяре и ее интерпретация Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на руси жить хорошо» // Научный диалог. 2021. № 4. С. 198-210.

[136] Религия и криминал. Как наркобарон создал свою религию. URL: https://dzen.ru/a/ZYpeQ3dbgEs38n-C (дата обращения 22.12.24).

[137] Человек в железном костюме. История Неда Келли - австралийского Робина Гуда. URL: https://dzen.ru/a/Y1MDtXh631dEQS3R (дата обращения 18.02.2025).

[138] англ. Iron Man - супергерой, действующий в комиксах Marvel Comics

схемы, по рассказам, поражали изобретательностью, что превратило эту фигуру в почти мифологическую. К ее могиле на Ваганьковском кладбище приходят просители богатства и удачи, помощи в опасных делах и т.п.

Похожих примеров немало: *Виргулино Феррейра да Силва*, известный как Лампиао – в Бразилии; *Панчо Вилья* (Хосе Доротео Аранго Арамбула) – в Мексике; *Олекса Васильевич Довбуш* (легендарный гуцульский атаман и украинский Робин Гуд), Куси Мунисвами Вираппан – в Индии и другие.

Ответвлением персонализированных культов в России стала своеобразная *погребальная практика,* связанная с захоронениями наиболее одиозных криминальных авторитетов 90-х годов. Эта тема самостоятельного криминологического исследования.

В течении нескольких десятилетий в конце 20 в. сложилась специфическая обрядность и культура захоронения преступников. Они были превращены в фигуры, окружённые ореолом почитания, а их смерть сопровождалась роскошными ритуалами. Могилы лидеров преступного мира отличались помпезностью и обилием символики. Надгробные памятники зачастую представляли собой масштабные монументы - статуи в полный рост из чёрного мрамора или гранита, изображения погибшего в прижизненной одежде, массивные золотые или серебряные вставки, изображения автомобилей (часто Mercedes или BMW — атрибутов успеха тех времён), изображения крестов, икон или церквей. Смерть людей из криминальной среды становилась заметным событием. Похороны проходили в сопровождении огромных кортежей, состоящих из дорогих автомобилей, сотен участников, среди которых были как соратники уби-

того, так и члены его «семьи», местные жители и др. Некоторые кладбища превращались в «пантеоны» преступного мира: в Москве - Ваганьковское и Кузьминское, в Екатеринбурге - Широкореченское (ОПГ «Центр»); в Санкт-Петербурге – Южное и т.п. В Самарской области, есть так называемая бандитская аллея на Баныкинском кладбище. К могилам представителей «жигулевской братвы» идет паломничество, фотографии этих мест пользуются популярностью в интернете[139]. Местные жители вспоминают об этих людях как о своеобразных «героях». Особенно это касается историй, когда преступные авторитеты финансировали школы, больницы, спортивные площадки, помогали обездоленным, создавая имидж «защитников бедных». Их могилы посещают не только друзья и подельники, но и незнакомые люди, которые приносят цветы, «подарки» в виде алкоголя, сигарет или денег.

В Венесуэле существует коллективные культовые фигуры, известные как *Santos Malandros* (*Святые бандиты*), которые олицетворяют преступников, снискавших уважение среди широких слоёв населения[140,141].

К персонализированным культам относятся примеры почитания крупных мафиози. Фигуры криминального мира, такие как *Аль Капоне*, *Джон Готти*, *Мишка-Япончик* часто воспеваются в фильмах и художественной литературе. Подобные персонажи представлены с изрядной долей гламура и

[139] Романов А. Тайна криминального культа // ИА «Вести». URL: https://www.vesti.ru/article/3601225 (дата обращения 22.12.24).

[140] Saint thugs of Venezuela. URL: https://www.joya.life/en/blog/los-santos-malandros-de-venezuela/ (дата обращения 22.12.24).

[141] Sumitra. Los Santos Malandros – The Thug Saints of Venezuela. URL: https://clck.ru/3SCYns (дата обращения 22.12.24).

романтики, отражая тягу общества к силе и власти, скрытых за занавесом преступности.

Некоторые из лидеров преступных групп объявляли себя святыми еще при жизни. Например, *Назарио Морено Гонсалес*, возглавлявший религиозный наркокартель «Ла Фамилиа Мичоакана», почитался местным населения как «мессия»[142]. В странах Латинской Америки одиозные фигуры *Пабло Эскобара*, *Карлоса Ледера*, *Грисельды Бланко*, стали символами возвеличивания и падения наркоимперий. Их жизнь и деятельность историзируются и легендируются.

Широкое признание в массовой культуре приобрел культ серийных убийц. Многие из них (*А. Чикатило*, *М. Попков*, *Т. Банди* или Ч. *Мэнсон*) стали почти легендарными личностями, о которых пишут книги, снимают фильмы и даже создают фан-клубы. Их образ поэтизируется, приобретая чуть ли не героический оттенок. Серийные убийцы трансформировались в культурные иконы, чьи зверства потребляются обществом в качестве формы развлечения. Вместе с тем, подобная ситуация не может не вызывать тревоги, поскольку героика, связанная с подобными личностями, означает прежде всего «плевок в лицо» их жертв. Создается впечатление, что общество иногда забывает на чьей оно стороне;

2. *поведенческие культы* – выборочное почитание и восхваление определённой модели или стиля поведения, например, криминального насилия[143], массовых расправ в

[142] Nazario Moreno González // Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Nazario_Moreno_González (дата обращения 22.12.24).

[143] Давыдов Д.Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 106–121. DOI: 10.17759/psylaw.2017070109

стиле «колумбайн»[144], тотальной мстительности, цифрового пиратства, «истинной криминальности» и проч.

Этот феномен характеризуется акцентом на ценностях и нормах, которые данное поведение воплощают и формирует восприятие обозначенных моделей как желательных или необходимых («культ агрессивного поведения», «АУЕ»[145], «культ мести», «культ безнаказанности», «культ анархии и противостояния закону», «культ хакерства и цифрового пиратства», «культ наркоторговли» и т.п.).

К слову, «культ мести» в кинематографе, литературе и компьютерных играх часто эстетизируется; создавая архетип «героя-одиночки», который «берёт» правосудие в свои руки. Этому посвящен целый пласт массовой культуры и популярной медиапродукции (кинофильмы «*Законопослушный гражданин*», «*Джон Уик*», «*Убить Билла*», «*Олдбой*», «*Макс Пейн*», «*Граф Монте-Кристо*», «*Расплата*», «*Возмездие*», «*Слон*», «*Нулевой день*», «*Класс*» и т.п.). Не исключено, что поведение школьных стрелков и массовых убийц, в чьих манифестах иногда просматриваются мотивы мести, испытывало влияние перечисленных культурных образов.

Имеются варианты поведенческих *культов,* в которых криминальная активность становится объектом подражательного упоения, осмысливается как начало пути к богатству или достижению положения в обществе. Это происходит в разных сферах: от *культа уличных гонщиков*, который стал популярным благодаря франшизе «*Форсаж*» до *нарко-гламура*, превратившегося в молодежный тренд Латинской

[144] Диденко К.В., Бочарникова Л.Н. "Колумбайнеры" - новый тип личности несовершеннолетнего преступника // Современный ученый. 2020. № 5. С. 267-273.
[145] *Идеология запрещена в Российской Федерации.*

Америки последних лет[146]. Так, благодаря своему влиянию наркоторговцы становятся людьми, которыми восхищаются и кому хотят подражать. Их рискованный и захватывающий образ жизни кажется привлекательным для многих, особенно в условиях социального неравенства и тотальной бедности;

3. *предметные (фетишистские) культы* сосредоточены на почитании определённых материальных объектов, ценностей или символов, вступающих в противоречие с идеями правопослушности и законности («культ оружия», «культ личной выгоды любой ценой», «культ тру-крайм и криминальных сериалов» и проч.).

Эти культы формируются вокруг материальных или нематериальных ценностей (деньги, власть, предметы роскоши, информационные продукты и проч.). Адепты предметных культов нередко придают указанным «артефактам» столь высокую значимость, что это побуждает их к действиям, вступающим в противоречие с правовыми предписаниями и моральными нормами. В результате может формироваться опасная динамика, при которой культовые ценности оказываются приоритетнее общественной безопасности, принципов законности и этических установок.

К примеру, «*культ оружия*» как явление, характеризующееся почитанием поражающих устройств или предметов в качестве символа власти, статуса и силы. В южноафриканской криминальной культуре нож получил особое значение. Эта значимость проявляется во всём: «*культ ножа*» присут-

[146] На что тратят деньги наркобароны Латинской Америки? // Вконтакте. URL: https://clck.ru/3SCYnN (дата обращения 24.12.2024).

ствует повсеместно от ритуалов вступления в банды до способов заработка на жизнь[147]. Во многих культурах оружие занимает особое место, поскольку связано с историческими традициями и мифологией (от западноамериканского культа стрелков до традиций самураев). Владение оружием выступает частью личностной идентичности, и такая практика повсеместно одобряется. Романтизация оружия делает насилие «нормой» и снижает порог приемлемости его применения.

Приведенная выше классификация криминальных культов не является исчерпывающей. Не исключено, что существуют другие типы культов, например, *эскапистские* (связанные с бегством от реальности в преступность, романтизацией жизни вне закона как способа избегания социального или экономического давления); *технологические* (возникающие вокруг киберпреступлений и цифровой криминальности, когда превозносятся умение обходить системы безопасности и похищать данные) и т.п.

Криминальные культы оказывают отрицательное воздействие на общество и способствуют популяризации опасного поведения. Понимание природы этого феномена позволяет объяснить, почему некоторые люди начинают воспринимать преступников как героев. Ореол бунтарства или преодолеваемой несправедливости позволяет игнорировать их реальные преступления и аморальность. А фетишизация преступлений способна трансформировать культурные нормы, ослабляя общепринятые моральные предписания.

[147] Мальцев О. Исследование применения оружия криминальными традициями как источник религиозно-философской, исторической, криминологической и этнокультурной научной информации // Криминологический исследовательский центр. URL: https://clck.ru/3SCYmq (дата обращения 25.12.2024).

Изучать криминальные культы важно по нескольким причинам. Во-первых, они угрожают обществу, продвигая насилие и радикальные идеи. Во-вторых, они органически встроены в процесс формирования (детерминации) преступности, а их познание помогает разработать меры профилактики не только на уровне правоохранительных структур, но и через образование, культурное влияние, укрепление солидарного общества.

Анализ содержания криминальных культов помогает обществу выявить скрытые социальные проблемы. Ведь зачастую причиной подобной идеализации становятся разочарование в институтах государственного управления, катастрофическая социальная несправедливость или дефицит возможностей. Пути преодоления этих явлений вполне способны оказаться важными антикриминогенными факторами и попыткой еще раз разобраться в самих себе. Ведь, в конечном счёте, криминальные культы - это напоминание о силе человеческой веры и слабости человеческой морали.

Антикриминальные культуры

Общественные науки достаточно подробно изучают криминальные ценности, нормы и обычаи. Иногда они именуются собирательным понятием «криминальная» или «криминогенная культура» (субкультура). Данная проблема исследована немалым числом авторов.

Вместе с тем ученые редко прибегают к исследованиям «от обратного» и практически не упоминают противоположный «антикриминогенный» полюс рассматриваемого явления. Так, в современной науке почти не изучена тема «*антикриминогенной* или *антикриминальной культуры*» (субкультуры). Этот термин упоминается в ряде источников,

в частности, А.В. Брылевским[148], А.В. Петровским[149], Ю.С. Ивановым и соавторами[150]. О «*криминальной антикультуре*» в своих работах пишет Е. Бочкарева[151]. Понятие «антикриминогенный потенциал культуры» формулирует в диссертационном исследовании Н.И. Минкина[152]. Американский социолог Э. Сазерленд, в рамках выдвигаемой теории дифференциальной ассоциации, анализирует *социальные практики контркриминальных групп*, которые, по его мнению, являются основой антикриминальной культуры[153].

Разработка доктринального понятия «*антикриминальной культуры*» и описание некоторых ее признаков актуальны по ряду причин:

во-первых, осмысление данного явления позволяет выявить социокультурные факторы, способствующие снижению преступности или позволяющие удерживать ее на приемлемом уровне;

---

[148] Брылевский А.В. Антикриминальная культура как основной элемент профилактики противоправного поведения / Уголовная политика и культура противодействия преступности. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том I. 2018. С. 189-194

[149] Петровский А.В. Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: диссертация доктора юридических наук. Краснодар, 2023. 597 с.

[150] Иванов, Ю. С. Формирование антикриминальной культуры детей и подростков в образовательном центре безопасности МЧС Республики Беларусь / Ю. С. Иванов, В. К. Емельянов, А. Э. Набатова, Д. В. Крюк // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов IV Международной научно-практической конференции. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2016. Ч. 1. С. 358–360.

[151] Bochkareva E. Propagation of criminal anti-culture among youth // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. №41-2.

[152] Минкина Н.И. Криминологический анализ культуры современного общества: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Байкал. гос. ун-т экономики и права. - Иркутск, 2003. - 25 с.

[153] The Origins of American Criminology. Edited ByFrancis T. Cullen, Cheryl Lero Jonson, Andrew J. Myer, Freda Adler. 1st Edition. 2011. New York. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315133683

во-вторых, изучение антикриминальной культуры позволяет глубже понять природу уголовно-наказуемой активности. Анализируя мотивацию и контекст в рамках которых возникают данные явления, исследователи могут выявить факторы, толкающие людей на нарушение закона;

в-третьих, антикриминальная культура способна выступить источником инновационных подходов и улучшений в области общественной безопасности.

Итак, *антикриминальная культура* представляет *совокупность социальных норм, установок и правил, направленных на устранение преступного поведения, а также минимизацию его последствий*.

Это явление проявляется по-разному и обладает уникальными характеристиками. Надо полагать, что антикриминальная культура является частью цивилизационной надстройки и одновременно фрагментом морально-этических представлений (суперэго, совесть или коллективное сознание), регулирующих поведение людей и сдерживающих от вредоносных поступков.

Если пользоваться медицинской терминологией, то антикриминальная культура близка к идеям превентивной медицины, направленной на предотвращение заболеваний задолго до их возникновения. Подобно профилактическим мерам (вакцинация, здоровый образ жизни), уменьшающим риск заболеваний, антикриминальная культура фокусируется на недопущении преступности через социализацию, просвещение и создание благоприятной среды. Уместна аналогия с иммунной системой человека, защищающей его от патогенов. Антикриминальная культура в обществе выполняет сходную функцию. Также ее можно сравнить с реабилитацией в медицинской практике цель которой - восстановление функций организма после болезни

или травмы. Подобно тому, как реабилитация помогает пациентам вернуться к нормальной жизни, антикриминальная культура способствует возвращению правонарушителей в общество через их принятие и поддержку.

Вероятно, антикриминальную культуру характеризуют следующие компоненты:

- *законопослушание*, т.е. понимание важности соблюдения законов и норм поведения. Проявляется в уважении к формально установленным правилам и стремлении к их соблюдению[154].

Иногда эта установка может быть шире узких правовых рамок, например, даосизм с неодобрительным отношением к писанным законам, которые по словам его последователей множат «число воров и разбойников», по сути антикриминален. Многие культуры не заостряют внимание на законопослушании. Предполагается, что существуют некие «метазаконы», фундаментальные принципы на основе которых зиждется все сущее, в том числе и право. Уместно упомянуть «*Аша*» - зороастрийское понятие, означающее истину, праведность, космический порядок и закон; «*Дао*» как естественный порядок вселенной или «путь вещей», «*Дхарму*» - обозначающую моральный долг, обязанности человека и путь благочестия в целом[155]; «*Карму*» воплощающую идею влияния поступков человека на его последующую жизнь и перерождение. Традиционные культуры помогают осозна-

[154] Керимов А.А., Шебзухова Ф. А. Идейные основания и особенности западной правовой культуры // Социально-политические науки. 2022. № 6(12). С. 15-21.
[155] Буддизм. Словарь. М.: Республика. Н. Л. Жуковская, В. И. Корнев. 1992.

вать суть криминальных явлений, нейтрализовать их причины и условия, а также формируют правопослушность в самом широком смысле слова[156].

По мнению Ю.И. Рубинского для европейцев уважение к праву сводится к чисто практическим соображениям: «…соблюдение закона выгодно во всех отношениях – и материально, и морально». В восточной традиции уважение к правовым нормам в первую очередь связано с пиететом перед

ЭТО ИНТЕРЕСНО: Среди индивидуальных антикриминогенных качеств выделяются т.н. просоциальных атрибуты. Это чувства благодарности, прощения, надежды, эмпатии и альтруизма как компоненты просоциального функционирования. Исследования молодежи (A. T. Schmidt и др., 2023) показали, что наиболее высокий уровень указанных атрибутов (измеряемый специально разработанной шкалой PSI) значимо коррелирует с меньшим количеством повторных правонарушений и более низкой частотой рецидива в течение года у состоявшихся нарушителей. Высокие баллы по PSI предсказывали как меньшую вероятность рецидива, так и меньшее число новых проступков среди тех, кто так и не исправился.

высшими силами. Религиозные нормы и традиции занимают доминирующее положение, а законы построены в со-

[156] Петровский А.В. Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: диссертация доктора юридических наук. Краснодар, 2023. 597 с.

ответствии с ними. Например, в таких странах, как Объединённые Арабские Эмираты, Саудовская Аравия, Иран, нормы шариата занимают главенствующее положение, и любой должен подчиняться прежде всего им[157];

- *социальная ответственность* – осознание долга перед обществом. Представляет осмысленное обязательство действовать в коллективных интересах. Подразумевает, что члены общества отвечают за сохранение установившегося порядка взаимоотношений и содействуют профилактике опасного с точки зрения общественной морали поведения.

Социальная ответственность включает следование моральным и этическим стандартам, избранным на данном историческом отрезке. Это способствует формированию гражданской ответственности и готовности противостоять девиациям (преступности в том числе). Выполнение религиозных и нравственных предписаний в христианстве тяготеет к категориям «*Благочестия*»[158], в мусульманской традиции обозначается термином «*Фард*»[159]. *Фард аль-кифайя* может также означать социальную ответственность перед нуждающимися[160].

Из философско-религиозных воззрений буддизма японские педагоги перенесли в школы идеи самодисциплины,

[157] Антонова Н. А., Байтимерова Э. И. Правовая культура в восточных и западных государствах // Контентус. 2023. №6. С. 34-42.

[158] Благочестие // Православная энциклопедия. URL: https://www.pravenc.ru/text/благочестия.html (дата обращения 13.12.2024)

[159] Фард // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фард (дата обращения 13.12.2024)

[160] Fard al-Ayn Архивная копия от 21 июня 2019 на Wayback Machine // The Oxford Dictionary of Islam (дата обращения 13.12.2024)

настойчивости, целеустремлённости и ограничения желаний[161]. Конфуцианство послужило основой разработки систем этического воспитания «*Дотоку*» («воспитание добродетелей») и «программы формирования человека» («*Хитодзукури*»), проникнутых духом социальной ответственности. Идеи Конфуция об уважении родителей и старших, долге, вежливости, почтительности нашли официальное закрепление в нормативно-правовых актах Японии[162]. Таким образом, основным принципом нравственного сознания японского народа является концепция «*долга*». Эта категория выступает в качестве ментальной парадигмы, на которой зиждется система общественных ценностей[163];

- *антропоцентричность* как гуманистическая идея заключена в особом отношении к человеку, осознании его значения, роли и потенциала.

Так, концепция «*Убунту*» (одна из ведущих философских идей Африки) подразумевает сострадание, уважение, взаимопонимание и щедрость. Она прославляет жизнь и благополучие ближнего[164]. В конфуцианстве ценности человеколюбия выражаются понятием «*Жэнь*» (人), что означает «гуманность» или «любовь к людям». Подразумевает заботу о других, выполнение обязанностей перед семьей и обществом. Значимость этих идей отражается в *неприятии наси-*

[161] Кочкина А.В. Формирование нравственных качеств личности в традиционной системе воспитания: На примере Японии: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Карачаево-Черкес. гос. ун-т. - Карачаевск, 2005. - 21 с.
[162] Там же
[163] Сосновская Е.А. Специфика морального сознания японцев // Этическая мысль. 2009. № 9. С. 146-164
[164] Береговая О. А., Ерохин А. К. Концепция убунту как ответ африканской философии образования на вызовы глобальных изменений // Век глобализации. 2024. № 2. С. 141–150. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.11.

лия как проявления антикриминальной культуры. Эта позиция выступает ключом к разрешению конфликтов, когда диалог и понимание используются в качестве основных инструментов согласия. Кроме того, антропоцентричность заключается в *отказе* от *стигматизации преступников*, восприятии их равными себе и отказе видеть в них людей второго сорта. Это существенный момент, влияющий на повторное принятие делинквентов;

- *ограничение эгоизма* - ряд социальных ценностей и практик, направленных на минимизацию индивидуального интереса в пользу коллективного блага. Данная норма исходит из того, что эгоизм в определенной степени является катализатором преступности. Особенности национального менталитета (культ индивидуализма) могут детерминировать массовые негативные явления и преступность в том числе.

Когда в обществе преобладает культура ограничения эгоизма, то вырабатываются нормы и правила, осуждающие асоциальное поведение. Например, в странах с высоким уровнем социальной сплоченности, уровень преступности, как правило, ниже. Сегодня известно, что сплочённость населения, а также участие в экономической, социальной и гражданско-политической жизни снижают риски антисоциального поведения и индивидуального отчуждения[165]. Отдельные исследования демонстрируют, что уровень наси-

[165] Укрепление социальной сплоченности. Определение концептуальных рамок и основные выводы для разработки программ. URL: https://clck.ru/3SHcT9 (дата обращения 13.12.2024)

лия в городских кварталах, где проживают люди, объединенные чувством общности и совместными ценностями, существенно ниже, чем в других локациях[166].

Концепция «*Ва*» (гармонии) в японской культуре хоть и не связана напрямую с правопослушностью, тем не менее влияет на подавление эгоистических тенденций в обществе. «*Ва*» обозначает мирное единство и согласие в социальной группе, совместное гармоничное существование[167]. Этот принцип лежит в основе формальных и неформальных взаимодействий. Он подчёркивает взаимозависимость над независимостью, сотрудничество над несогласием и терпение над сопротивлением[168].

Существует немало культур, подавляющих эгоизм, например, «*культуры сотрудничества*», *религиозные и альтруистические учения*, *социализм* и проч. Вероятно, что в купе с ненавязчивым социальным контролем, относительным экономическим благополучием и другими факторами, они способны оказывать антикриминогенное воздействие.

- *взаимопомощь и поддержка* как элементы антикриминальной культуры представляют организованные усилия членов общества, направленные на предотвращение криминальности, обеспечение безопасной и гармоничной среды, в том числе возврат и принятие преступников в социальную сферу (насколько это возможно).

[166] Butterfield F. Study links violence rate to cohesion in community. NYTimes. August 17, 1997, Section 1, Page 27 https://clck.ru/3SHcTT (дата обращения 13.12.2024)
[167] Ва // Википедия. https://en.wikipedia.org/wiki/Wa_(Japanese_culture) (дата обращения 13.12.2024)
[168] Exploring The Japanese culture of wa and harmony. URL: https://clck.ru/3SHcTo (дата обращения 13.12.2024)

С одной стороны, взаимопомощь способствует укреплению доверия между членами общества. Когда люди ощущают поддержку, они более склонны действовать в групповых интересах. С другой стороны, взаимное содействие позволяет получать необходимую помощь и защиту в сложных ситуациях, что также не допускает вовлечения в преступную активность.

Согласованность идей взаимопомощи и профилактики преступности иллюстрируется примером китайской концепции *Гуаньси*. Это связи между людьми, в ходе которых они оказывают друг другу услуги и поддержку. Результаты исследований китайских ученых показали, что уровень социального капитала в городском районе Тяньцзинь является предиктором страха его жителей перед преступностью. Те, у кого имелись обширные социальные связи в своём районе, с меньшей вероятностью ощущали различные фобии перед преступностью и преступникам. Таким образом, Гуаньси, как категория взаимопомощи и поддержки, может играть роль в профилактике преступности в китайском обществе: чем «сильнее» Гуаньси, тем меньше жители опасаются преступлений[169].

- *прямые запреты на совершение опасных деяний*. Сформулированы в образцах морального поведения и закреплены в нормах, этических принципах, заповедях, кодексах чести, добродетелях и проч. В христианстве существует за-

[169] Zhang, Lening & Messner, Steven & Liu, Jianhong & Zhuo, Yue. (2009). Guanxi and Fear of Crime in Contemporary Urban China. British Journal of Criminology - BRIT J CRIMINOL. 49. 472-490. 10.1093/bjc/azp016.

прет на совершение «*Греха*». Библия излагает десять заповедей, включая такие запреты на убийство, кражи, лжесвидетельствование. В исламе имеется понятие «*Зульм*» (араб. ظلم), которое обозначает несправедливость, притеснение, угнетение, тиранию, беззаконие[170]. К видам *зульма* относятся: убийство правоверного, незаконное присвоение чужого имущества, злоупотребление своими полномочиями в отношении подчинённых и др. В буддизме запрет на обман и воровство заключен во втором правиле базового кодекса буддийской этики *Панча-шила*[171]. В индуизме социальные запреты связаны с принципом *Ахимсы* - ненасилия. Сюда, в частности, относятся запрет на участие в финансовых махинациях, мошеннических схемах, а также любой обман[172].

- *критика антисоциальных норм* направлена на выявление и пересмотр опасных социальных практик и убеждений с целью формирования филантропического менталитета.

В русле антикриминальной культуры активно подвергаются сомнению нормы, способствующие антиобщественному поведению. Среди них: осуждение и нетерпимость к насилию, коррупции, иным формам преступности. Например, важной просоциальной тенденцией является развенчание «*культа материального достатка*». Он может иметь связь с преступностью поскольку некоторые люди рассматривают противозаконную деятельность как альтернативный

[170] Зульм // Азбука Ислама. URL: https://azbykaislama.com/zulm/ (дата обращения 13.12.2024)

[171] Дорофеева Т.Г. Заповедь отказа от воровства в буддизме // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. № 2А (12). С. 70-75

[172] 4 регулирующих принципа кришнаитов URL: https://www.krishna.ru/interesting/on-the-topic-of-the-day/53716_4-reguliruemykh-principle-of-krishna-consciousness.php (дата обращения 13.12.2024)

способ обогащения[173]. Стремление к наживе в определённых ситуациях способно побуждать к получению незаконных доходов. Ответом на данную тенденцию в разных культурах стал потребительский ретретизм, например, культурные инициативы «*Добровольная простота*» (voluntary simplicity), «*Простая жизнь*» (simple living) или «*Дауншифтинг*»[174] на Западе. В индийской традиции сформировалась концепция отречения (*Саньясы*), когда индивид отказывается от материальных привязанностей, чтобы достичь высших духовных знаний и свободы. Этот подход подчёркивает, что истинная удовлетворённость и смысл жизни находятся за пределами материального пространства.

Отказ от растиражированного «*культа серийных убийц*» также является важной частью антикриминальной культуры. Такая позиция демонстрирует уважение к людям пострадавшим от их рук, препятствует героизации и романтизации преступников, снижает привлекательность их образов и поддерживает убеждения, осуждающие подобное поведение.

Таким образом, антисоциальная активность индивида подлежит сдерживанию благодаря интеграции и взаимодействию различных культурных констант, совокупность которых именуются «антикриминальной культурой». Схематически она может быть представлена следующим образом (см. рис. 2.)

[173] Гофман М. Преступность – бизнес другим путем // Культурная эволюция. 21 июля 2020. URL: https://clck.ru/3SHcUv (дата обращения 13.12.2024)

[174] Яковлева А.А. Потребительский ретретизм: альтернативный стиль жизни в обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5 (14). С. 192-201.

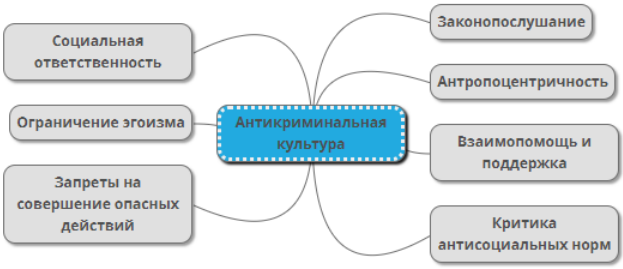

Рис. 2. Компоненты антикриминальной культуры

Указанные компоненты способствуют развитию комплекса ценностей личности ориентированных на соблюдение законов и норм. Комбинация перечисленных элементов и их интеграция в сознание формируют многослойную и устойчивую *антикриминальную личностную позицию*. Безусловно, это не отменяет проблем, сопровождающих современное человечество. Речь о популяризации криминогенных культур, укоренившейся социальной несправедливости, дискриминации и всепроникающем насилии, которые уже стали частью повседневной жизни. Антикриминальные и криминогенные смыслы существуют в диалектическом единстве и противоречии, находясь в извечной борьбе. И будущее человечества во многом будет определено выбором той или иной культурной ориентации.

Глава IX. Преступность: психологический ракурс

Вопросы: *Криминальное поведение как форма аффилиации. Психологическая взаимосвязь жертв и преступников.*

Преступное поведение, как и любое другое, представляет сложный объект исследования[175,176,177]. Юридическая наука упрощает понимание криминального акта, воспринимая его дихотомично и схематизировано. Учитывается лишь антагонистическое противостояние сторон уголовно-наказуемой деятельности на уровне поведения, тогда как социально-психологическая реальность более сложна и многогранна. Преступность – это не только хорошо изученная форма причинения вреда (отношения между жертвой и преступником), но и проявление *аффилиации* (для случаев коллективной криминальной активности).

Подобная многозначность - результат двойственного подхода к трактовке преступности, включающего поверхностный (юридический) и углубленный (психолого-криминологический) уровни анализа.

В поверхностном плане преступность видится преимущественно через призму механистического детерминизма в качестве совокупности актов деструктивного воздействия

[175] Фадеев В.Н. Замыслы и намерения как новый предмет внимания в криминологии и юриспруденции // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 3(15). С. 306-320

[176] Московцев А.Ф., Суходолов А.П. Методологические тупики современной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2 (14). С. 177-192

[177] Номоконов В.А. Парадигмы современной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 3 (17). С. 213-224

субъекта на объект посягательства. Данное воздействие может носить кинетический (применение насилия), психологический (угрозы), экономический (изъятие собственности) или иной характер.

Глубинный анализ позволяет рассматривать преступность в качестве системы социальных интеракций, выходящей за рамки модели «преступник-жертва». В таком понимании противоправная деятельность представляет собой манифестацию комплексных социальных связей, формирующихся на микро-, мезо- и макроуровнях. На микроуровне – это сложные межличностные взаимодействия в криминальных группах или уголовных парах (преступник-жертва[178]); на мезоуровне – связи между различными преступными сообществами и субкультурами, а на макроуровне – взаимоотношения криминального мира с легальными социальными институтами. В такой проекции преступность трактуется не столько как совокупность формально-запрещенных деяний, совершенных на определённой территории за определенное время, сколько как специфическая форма *социальной коммуникации, инструмент установления аффилиативных и иных психологических связей*.

Аффилиация понимается как *стремление человека к взаимодействию с другими людьми и приобщению к социальной группе*[179,180]. Если пренебречь позитивным значением этого термина, допускаемым некоторыми авторами, то желание устанавливать и поддерживать социальные отноше-

[178] *Смотреть подробно в параграфе ниже*

[179] Карпов А. Психология менеджмента. М. Гардарики. 2005.

[180] Психология общения: энциклопедический словарь / Учреждение Российской акад. образования Психологический ин-т; под общ. ред. А. А. Бодалева. - М.: Когито-Центр, 2011. 598 С.

ния, является общечеловеческим стремлением. Криминальный акт, рассмотренный с точки зрения указанной потребности, может быть представлен не только как вредоносный поступок, но способ взаимодействия личности с социальной средой.

Преступная деятельность перестает быть просто нарушением закона: она трансформируется в форму социального бытия, выступая способом поддержания отношений, удовлетворяющих базовые потребности принадлежности и социального принятия. Аффилиация выступает одним из ключевых механизмов формирования и поддержания криминального поведения. Благодаря ей некоторые люди решают социально-психологические дилеммы и вопросы личностного роста.

Преступность, следовательно, может быть порождена разными типами аффилиативных связей. Постараемся обозначить некоторые из них:

- *потребность в родственных отношениях*. Для людей с дефицитарной потребностью в родственных связях (например, тех, кто воспитывался в дисфункциональных семьях или сиротских учреждениях) преступные группировки могут выполнять функцию «суррогатной семьи».

Банды, криминальные структуры и прочие антисоциальные объединения часто воспроизводят семейную иерархию и дают своим членам чувство принадлежности, защиты и лояльности, которых им не хватало в реальной семье.

Несмотря на культурные и иные различия преступных практик, подобные отношения весьма распространены. Так, иерархическая структура «Арийского братства» (Aryan Brotherhood) в США маркирует членов организации как

«родню», которая объединяется в «семьи»[181]. В русской тюремной традиции существуют неформальные объединения взаимопомощи и поддержки заключённых, которые также именуются «семьями». Различные вариации идей семейственности прослеживаются в многообразных криминальных структурах: от объединений кровных родственников (кланы «Ндрина» у Калабрийской ндрангеты, индийская мафия D-Company, Ирландские ОПГ в Бостоне и Нью-Йорке, китайские Тонги) до квазисемейных структур имитирующих распределение ролей по типу «отец-дети» или «старшие-младшие братья» (японская Якудза)[182]. Китайские преступные группы, известные как триады, эксплуатируют идею родственных отношений, где глава клана является ритуальным родителем («Горный мастер» или «Дракон»), а его последователи – символическими детьми («братьями» или «монахами»)[183];

- *потребность в интимных отношениях,* опосредованная желанием иметь рядом близкого и любимого человека, способна влиять на преступность

С одной стороны, стремление привлечь или удержать партнера провоцирует людей на противоправные деяния (для обеспечения материальных потребностей, необходимых развитию отношений или укреплению семьи; ради расширения обоюдных интимных связей и повышения созависимости; с целью произвести впечатление на потенциального партнёра).

[181] Aryan Brotherhood. URL: https/en.wikipedia.org/wiki/Aryan_Brotherhood (дата обращения 03.04.2025).

[182] Якудза - кто они? URL: Источник: https://viewout.ru/news/yakuza/2012-02-18-44 (дата обращения 03.04.2025).

[183] Константинов А. Триады: миф или реальность? // Гудок. URL: https://gudok.ru/newspaper/?ID=752397 (дата обращения 03.04.2025).

С другой стороны, патологическая ревность, страх потери близкого и нездоровые способы контроля нередко приводят к криминальному насилию. Непринятие отказа или прекращения отношений не раз побуждало людей к преследованию и шантажу.

Иногда совместное участие в криминальной деятельности может расцениваться как форма интимной близости. *Романтический соучастник* (romantic co-offending) - термин, который описывает ситуации, когда сексуальные партнеры вместе реализуют преступные намерения[184]. Это может быть следствием *гибристофилии*, т.е. влечении к лицам, нарушающим социальные нормы со стороны одного из соучастников. При этом человек нередко испытывает сексуальное влечение к тем, кто совершил тяжкие или резонансные преступления. Некоторые психологи и биологи считают, что главная причина гибристофилии – присущая женщинам биологическая тяга к доминантным мужчинам[185]. Серийные убийцы Рамирез, Банди и Дамер буквально купались в женской любви и обожании. «Я получила твое письмо и перечитывала его раз за разом. Целовала и прижимала к груди. Плакала. Я просто не могу больше это переносить - так сильно я люблю тебя». «Мне так жаль твои кудряшки! Они такие милые. Мне так нравится твоя внешность! Ты красавец. У тебя такие руки, такие глаза». «Я люблю тебя… и никогда не забуду душевную щедрость, с которой ты ответил на мое письмо. Я буду любить тебя вечно». Это цитаты из

[184] Barlow C., Weare S. Women as co-offenders: Pathways into crime and offending motivations. The Howard journal of criminal justice. 2019 No, 58 (1). pp. 86-103

[185] Гранатштейн М. Мама, я жулика люблю: эволюционные корни тяги к рисковым парням, преступникам, социопатам и донжуанам // Журнал «Нож». URL: https://knife.media/hybristophilia/ (дата обращения 03.04.2025).

писем, отправленных Теду Банди (более 30 убитых и изнасилованных женщин)[186];

- *потребность в дружеской и эмоциональной привязанности* в купе с дефектными способами ее удовлетворения способны стимулировать криминальную активность.

Человек, испытывающий острую необходимость в принятии и принадлежности, становится особенно уязвимым перед групповым давлением. В стремлении обрести эмоциональную связь он может соглашаться на совершение противоправных действий ради одобрения со стороны группы или демонстрации собственной лояльности.

Нарушение закона иногда может расцениваться как специфический способ укрепления групповой сплоченности, например, ритуал, фиксирующий групповую идентичность или опыт, создающий особую эмоциональную связь между участниками («кровь на руках»).

Проявления конформизма в криминальном поведении (совершение уголовно-наказуемых деяний «за компанию», «по примеру других») часто строятся на принципах удовлетворения данной потребности. Общеизвестным считается факт, что в малых преступных группах (численностью до 4 человек), как правило, доминируют межличностные отношения. В таких образованиях отмечается высокий уровень эмоциональных контактов, при которых более откровенно осуществляется обмен мнениями, предложениями, сомнениями, чувствами и сокровенными мыслями[187];

[186] Гранатштейн М. Мама, я жулика люблю: эволюционные корни тяги к рисковым парням, преступникам, социопатам и донжуанам // Журнал «Нож». URL: https://knife.media/hybristophilia/ (дата обращения 03.04.2025).

[187] Пастушеня А.Н. Криминальная психология. Учебно-методическое пособие. Мн., 2007.

- *потребность в групповой идентичности и принадлежности к культурной общности* с совместной историей, традициями и ценностями (этнические, идеологические или террористические преступные группы). Необходимость принадлежать к большим группам или культурной общности - фундаментальная характеристика человека, которая при определенных условиях может быть катализатором преступного поведения. Стремление быть принятым такой группой вынуждает индивида подчиняться групповым нормам, даже если они противоречат закону. Классические эксперименты С. Аша и С. Милгрэма убедительно продемонстрировали, что люди часто действуют вопреки собственным ценностям, если того требует группа (олицетворяющий ее авторитет).

Этническая идентичность, отражённая в тождественности культурных особенностей индивидов, может быть фактором объединения людей, в том числе реализующих противоправное поведение. Это вызвано общими ценностями, приоритетами, взглядами и жизненными позициями[188]. Потребность в идейной идентичности нередко способствует совершению преступлений, например, через формирование т.н. *идеологической мотивации*. В этом случае преступление становится не просто средством реализации идеи, а своего рода «миссией», осуществляемой от имени определённой общности[189]. Вспоминая геноцид в Руанде (1994), ставший причиной смерти более чем 80 тысяч человек,

[188] Арутюнов А. С., Касьяненко М. А. Особенности возникновения преступности по признаку этнической идентичности / // Современное право. 2008. № 5. С. 80-81

[189] Специфика мотивации личности экстремиста, террориста. URL: https://alldetectives.ru/ort/transformatsiya-lichnosti-ot-radikala-do-terrorista/spetsifika-motivatsii-lichnosti-ekstremista-terrorista.html (дата обращения 03.04.2025).

можно отметить, что в этом событии представители народности хуту, составлявшие большинство населения, систематически истребляли представителей народности тутси. Пропаганда, разжигавшая межэтническую ненависть, представляла тутси как угрозу для хуту, призывая к их уничтожению. Многие хуту, движимые страхом, чувством коллективной ответственности и желанием защитить свою идентичность, участвовали в убийствах, даже если до этого не испытывали к тутси никакой вражды. Принадлежность к группе хуту и давление со стороны других членов общины стали решающими факторами, заставившими людей преступить моральные границы[190].

- *потребность во взаимной поддержке* не раз становилось элементом криминальной мотивации. Отмечается, что участники преступных групп оказывают психологическую помощь друг другу, благодаря чему они чувствуют себя более уверенно и комфортно[191,192,193]. Следовательно, соучастие помимо взаимной выгоды и прагматизма (получение прибыли, контроль территории или доступ к ресурсам, объединение усилий соучастников) решает вопросы взаимной терапевтической поддержки, основанной на коллективной деятельности.

[190] Элез А.Й. К вопросу об оценке геноцида 1994 г. в Руанде // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2021. № 1 (30). С. 35-43

[191] Юшкова Т.А., Терехова К.А. Психологические особенности современной групповой преступности // Экономика и социум. 2016. № 12-3 (31). С. 1095-1099.

[192] Кен С.К. Экспертиза социально-психологических особенностей членов преступной группы и их роли в преступлении // «Организация работы с молодежью». 2019. № 1. С. 6.

[193] Психология групповой и организованной преступности. URL: https://psy-era.ru/psihologiya-gruppovoy-i-organizovannoy-prestupnosti_12137.htm (дата обращения 03.04.2025).

Желательно понимать, что вышеперечисленные типы аффилиативных отношений не являются взаимоисключающими. В реальной жизни они переплетаются и дополняют друг друга, создавая сложную и динамичную систему связей в таких группах.

Как это ни парадоксально, но именно благородные человеческие стремления - быть принятым, найти себя, принадлежать к культурному множеству - могут в определенных обстоятельствах становиться мотивационной основой для преступной деятельности, особенно когда групповая принадлежность формируется вокруг девиантных или антисоциальных ценностей. Это подчеркивает мысль о том, что преступность и преступное поведение решают для личности ряд куда более сложных задач, помимо поверхностного обогащения или удовлетворения желаний. Криминальность как феномен оказывается включённой в круг реализации социально-психологических потребностей личности. В этом смысле устойчивость, рецидивность и неисправимость многих преступников демонстрирует более глубокие психологические предпосылки, не объясняясь через рациональные категории или идеи прагматизма.

Целесообразно указать на существование специфического явления *криминальной аффилиации*. Это устойчивая связь индивида с одной или несколькими криминальными группами (организациями), независимо от его непосредственного участия в конкретных преступных деяниях. Она проявляется в наличии общих целей, интересов, взаимодействии, поддержке или содействии деятельности таких групп. Эта связь может быть формальной (членство в организации) или неформальной (регулярные контакты, финансовая поддержка), но всегда выходит за рамки случайных или поверхностных взаимоотношений. Происходит это

неспроста. Реализация аффилиативных потребностей решает для личности несколько важных задач: преодоление чувства одиночества и социальной изоляции; снижение тревожности; формирование позитивной самооценки и уверенности в себе через принятие и одобрение со стороны значимых других.

Взаимозависимость жертв и преступников

Личность преступника изучают давно[194,195,196]. Одним из перспективных направлений этой работы может стать переосмысление традиционной парадигмы криминологического анализа, базирующейся на бинарной оппозиции «преступник-жертва». Феноменология криминального поведения демонстрирует более разнообразные типы взаимоотношений сторон преступного акта, нежели модель антагонистического или линейного противостояния.

Эта мысль ставит под сомнение догматичность превалирующего в юриспруденции подхода, сводящего многомерность криминального взаимодействия к упрощенной схеме «причинитель вреда - адресат вреда».

Особую значимость приобретают исследования природы виктимно-криминальных отношений, характеризующихся сложной соотносимостью. Традиционная юридическая презумпция однонаправленного причинения вреда и, соответственно, необходимости односторонней защиты

[194] Гармышев Я.В., Корягина С.А., Лавыгина И.В. Нравственно-психологическая характеристика личности преступника // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9, № 4

[195] Нежкина Л.Ю. К вопросу акцентуаций характера в структуре комплексного изучения личности преступника // Baikal Research Journal 2022. Т. 13, № 2

[196] Бавсун М.В., Стебенева Е.В. Трансформация личности преступника в постиндустриальном обществе // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 4. С. 340–351.

«потерпевшей стороны», представляется методологически ограниченной и требующей ревизии.

Криминологическая наука требует разработки более нюансированного категориального аппарата и инструментов познания, способных адекватно отразить суть взаимоотношений преступника и жертвы, порой выходящих за рамки поверхностных бинарных схем. Этот подход является важным условием углубленного понимания природы преступности.

ЭТО ИНТЕРЕСНО: В психоаналитической криминологии преступное поведение научно интерпретируется как искаженная форма поиска привязанности и любви. Делинквентность здесь рассматривается как бессознательная попытка восполнить эмоциональный дефицит, вызванный ранней депривацией. Психоаналитик Август Айхорн в классическом труде «Трудный подросток» констатирует, что нарушения поведения в этом возрасте являются результатом неудовлетворенной потребности в любви... А правонарушение выступает лишь симптомом, скрывающий отчаянный поиск принятия.
Дополняя эту мысль, Дональд Винникотт называл антисоциальный акт «выражением надежды» на возвращение утраченной заботы. Таким образом, агрессия и девиантность понимаются как сигнал о глубокой душевной боли, что открывает путь к терапевтическому исцелению через эмпатию.

Проблема изучения отношений «преступник-жертва» в русле признания их взаимозависимого характера, заслуживает особого внимания. Указанное явление желательно обозначить как *криминально-виктимную конвергенцию*, т.е.

комплекс взаимосвязей преступника и жертвы в конфигурации системы социально-психологических отношений, удовлетворяющей обоих партнеров.

Современные исследования, посвящённые анализу связей между жертвой и преступником, чаше всего трактуют их как отдельные и независимые социальные системы, где одна является источником противоправной активности, а другая - мишенью[197]. Однако такой взгляд не всегда отражает сложность возникающих в ходе подобной коммуникации межличностных взаимодействий.

Иногда между жертвой и преступником наблюдается особая форма согласованности, некая системная целостность. Несмотря на то, что такие случаи относительно редки и не являются типичными для большинства противоправных инцидентов, их изучение представляет особый научный интерес.

В рассматриваемых ситуациях обе стороны формируют своеобразное *сообщество*, в котором каждый участник играет определенную роль, поддерживая гармоничное равновесие. Такое единство характеризуется взаимным удовлетворением потребностей сторон, что создает устойчивую социальную конструкцию. Преступник и его жертва могут пониматься как *общность* или *социальный организм,* благодаря которому участники достигают гомеостатического состояния.

[197] Аведян А.А. Взаимоотношения жертвы и преступника на стадии предкриминальной ситуации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 153-156.

Нельзя однозначно утверждать, что подобное понимание чуждо современной науке. Ряд авторов высказывает сходные интеграционные идеи, предлагая, к примеру, рассматривать отношения преступника и жертвы в рамках *схемы соответствия*, когда ситуативные факторы почти не имеют значения, а на первый план выходит стабильная психологическая взаимосвязь и дополняемость личностных особенностей участников криминального акта[198]. В других источниках преступник и жертва трактуются как *единая и подвижная криминальная система*[199].

Исходя из высказанных идей можно описать несколько типов подобного симбиоза:

1. *созависимые отношения* между жертвой и преступником заключаются в том, что стороны на фоне противоправной деятельности привязываются друг к другу в эмоциональном (аффективном) плане. Например, длительная ситуация тотального контроля и дискриминации в случаях семейного насилия (травматическая связь, созависимость) может формировать у жертвы эмоциональную привязанность[200], тогда как преступник, получая удовлетворение от власти над партнером, становится, в свою очередь, психо-

[198] Ахмедшина Н. В. Механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 172-176.

[199] Приходько Е.В. Виктимология: тексты лекций для студентов второго курса факультета «Психология» специальности «Социальная педагогика. Педагогическая психология». Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. 116 с.

[200] Травматическая связь // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Травматическая_связь (дата обращения: 07.04.25).

логически зависимым от последнего. Созависимые отношения нередко длятся годами и приобретают систематический характер[201].

Подобное можно наблюдать в случаях длительных похищений. Например, прецедент Н. Кампуш, которая провела 8 лет в плену и после самоубийства похитителя, связанного с ее побегом, выражала сложные чувства горя и сострадания к нему. Она унаследовала его дом и машину, демонстрируя психологическую связь с человеком, лишившим её свободы[202].

В деструктивных религиозных группах лидеры культа (преступники) и последователи (жертвы) формируют сложную систему взаимозависимости. Лидер получает власть, финансовую выгоду и психологическое удовлетворение, в то время как последователи – обретают чувство принадлежности и смысла существования.

Примером служит история секты «Храм народов» под руководством Д. Джонса, где последователи были настолько зависимы от лидера, что более 900 человек совершили массовое самоубийство по его указанию. При этом зависимость была взаимной – Д. Джонс нуждался в последователях для подтверждения своего статуса и поддержания иллюзии всемогущества.

Примеры взаимозависимости обнаруживаются в практике романтических мошенников, когда не только их

[201] Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Анализ судебных решений как источник статистики семейного насилия в России // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21. № 2 (143). С. 140-147

[202] Harding N. «When it's quiet, the flashbacks come» A decade after escaping, Natascha Kampusch talks about overcoming the horror of being raped and imprisoned for eight years // The Sun. URL: https://clc.li/fMhal (дата обращения 15.04.2025)

жертвы становится эмоционально привязанными к преступнику, отрицая очевидные признаки обмана, но и делинквенты, вживаясь в роль, начинают испытывать привязанность к тем, кого обманывают[203].

Терминологическое поле взаимозависимых отношений весьма обширно (Стокгольмский синдром, Лимский синдром, синдром идентификации с агрессором, синдром избиваемой женщины, синдром заложника в браке и т.п.);

2. *взаимовыгодные отношения* предполагают, что обе стороны криминального акта извлекают пользу из имеющихся связей.

Несмотря на то, что это утверждение далеко неоднозначно, в некоторых случаях можно отметить сложную динамику «удовлетворения» потребностей обеими сторонами криминальной ситуации. Так, если целью преступника является получение власти и контроля, материальной выгоды, снятие эмоционального напряжения или подтверждение собственной значимости, то у жертвы могут быть свои расчеты. У одних они связаны с материальными соображениями; у других - с внутренней склонностью к саморазрушению, когда отношения с преступником становятся своеобразной формой аутодеструкции и проч.

Есть термин *вторичные выгоды жертв* обозначающий некие преимущества от приобретаемого статуса. Это позволяет получить внимание и сочувствие, избежать ответственности за действия (собственную жизнь) или манипулировать окружающими (в том числе причинителем вреда)[204]. Так,

[203] Greep M. Ghanaian scammer who's posing as a woman online to con a US man out of more than $10,000 admits he's grown to «love» his «kind-hearted» victim // Dailymail. URL: https://clc.li/aSaYJ (дата обращения: 07.04.25).

[204] Ахмедова Н. Вторичные выгоды жертвы // Сайт психологов B17. URL: https://www.b17.ru/article/447134/ (дата обращения: 07.04.25).

жертва, используя собственное положение может стремится к получению эмоционального контроля над агрессором, вызывая у него чувство вины, жалость или стремление компенсировать причиненный ущерб.

Взаимовыгодные, хотя и с негативными последствиями, отношения между жертвой и преступником ярко проявляются в таком явлении, как *дропперство*. В отличие от классического представления о жертве как о лице, страдающем от преступных действий, дропы занимают особое положение. Они осознанно и добровольно позволяют вовлекать себя в преступную деятельность, мотивированные финансовой выгодой (т.н. «неразводные дропы»). Это формирует ситуацию, где жертва вовлечения сама становится соучастником преступления, получая за это определённое вознаграждение. Такая «выгода» строится на манипуляциях со стороны преступников, эксплуатирующих финансовую уязвимость или жажду быстрой наживы. Преступники получают возможность анонимизировать свои действия, используя таких лиц в качестве посредников для отмывания денег, проведения незаконных денежных операций и проч. Вместе с тем, несмотря на кажущуюся выгоду, дропы в долгосрочной перспективе сами оказываются жертвами. Они подвергаются рискам уголовного преследования, финансовых и репутационных потерь и проч.

Другим примером взаимовыгодных отношений преступников и жертв являют собой финансовые пирамиды. Хотя такие схемы неизбежно приводят к потерям для большинства вкладчиков, временная динамика этих отношений заслуживает детального рассмотрения. Организаторы пирамид создают видимость взаимовыгодного сотрудничества: они предлагают участникам возможность заработать «лег-

кие деньги» через высокие проценты или бонусы за привлечение новичков. В обмен организаторы получают приток капитала и расширение схемы. На начальном этапе эти отношения действительно могут казаться взаимовыгодными. Ранние участники получают реальные выплаты (из средств вновь привлеченных вкладчиков), статус «успешных инвесторов» в глазах окружающих, ощущение принадлежности к «элитарному клубу посвященных» и проч. Активные участники становятся неформальными «евангелистами» пирамид, искренне верящими в их легитимность и агрессивно защищающими от критики. Образуется многоуровневая структура, где каждый уровень имеет свою мотивацию;

3. *кооперационные отношения* (объединение усилий для достижения общей цели) требуют особой правовой и моральной оценки, поскольку в таких ситуациях не всегда очевидны границы между волей жертв и стремлением нарушить закон со стороны преступников. К подобным примерам относятся: эвтаназия (умышленное убийство по просьбе больного); нанесение увечий в интересах жертвы (заражение или травматизация по просьбе лица в исправительных учреждениях, с целью уклонения от военной службы; избегания профессиональной деятельности или получения страховых выплат и т.п.).

Совершение действий сексуального характера с участием несовершеннолетнего, несмотря на его явное согласие, в уголовном законодательстве, квалифицируются как преступление (например, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста). В указанной ситуации правовая оценка не зависит от положительной воли или осознанности поведения несовершеннолетнего, хотя внешне такие действия нередко выглядят как добровольные.

Другим примером является взаимное причинение вреда (нападение) по обоюдной договоренности, которое может быть причислено к кооперационным отношениям. Например, участие в дуэлях и боях, запрещённых законом. Или взаимные драки, происходящие хоть и по добровольному согласию сторон, но с опасными физическими увечьями.

Таким образом, отношения преступника и жертвы могут выходить за пределы очевидного «противостояния», обретая более сложный и неоднозначный контекст. Эти связи продиктованы общими интересами, страхом, манипуляциями или чем-либо еще. Например, в ситуациях с организованной преступностью наблюдается симбиоз между преступником и жертвой, когда последняя находится в зависимости от криминальной группы. Бандитские формирования могут «защищать» сообщества предпринимателей или предоставлять им услуги, в то время как члены этих сообществ, понимая противозаконность такой деятельности, всё равно сотрудничают с преступниками, руководствуясь мотивами выгоды или страха.

Отношения между преступником и жертвой до некоторой степени способны демонстрировать элементы толерантности или вынужденного сотрудничества, когда потенциальная жертва, оказываясь в безвыходной ситуации, использует преступника в собственных интересах. Так происходит, когда человек соглашается участвовать в качестве пересылаемого лица в незаконной миграции, осознавая, что становится частью криминальной схемы. В подобных случаях преступник получает выгоду (финансовую), а жертва рассчитывает на улучшение своего положения.

Перечисленные отношения до определенной степени демонтируют привычные границы между жертвой и пре-

ступником, создавая особое пространство амбивалентности. Это показывает сложность человеческих отношений и неочевидность (нестатичность) статусов, выстроенных по лекалам уголовного законодательства.

Глава X. Личность преступника?

Вопросы: *Подходы к пониманию личности преступника (фрагментация и универсализация). Личность преступника в обществе тотального криминала.*

Проблема изучения личности преступника, помимо умозрительных и практических сложностей, являет собой противостояние двух позиций. Эту ситуацию целесообразно описать выражением: «фрагментация» против «универсализации».

Фрагментация означает, что преступники воспринимаются как малая группа в сравнении с правопослушным большинством. Например, данные МВД РФ свидетельствуют о выявленных 594 тыс. лиц, совершивших преступления в 2025 году[205]. При сопоставлении с числом граждан России (146 028 млн.)[206] - это несущественная цифра.

Универсализация, напротив, воплощает иной подход. Основанная на данных латентной преступности, криминальных самоотчетах граждан, она предполагает, что нарушения закона куда более масштабны, чем следует из официальных докладов.

Исследователи наблюдают принципиальную двойственность: с одной стороны, преступность предстает как относительно «редкое» явление (судя по данным ведомственной регистрации); с другой - проявляется как чрезвычайно распространенная практика. Опора на официальные данные

[205] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года. Москва. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 11.02.2026).

[206] Росстат назвал численность россиян к началу 2025 года // ИА «РБК». URL: https://www.rbc.ru/society/31/01/2025/679ceb1f9a794739d6fa3ad1 (дата обращения: 11.02.2026).

относит «личность преступника» к *стигматизированному меньшинству*, тогда как идея всеобщности криминального поведения смещает акценты из области девиаций (отклонений) к *социальной повседневности*, предстающей чуть ли не в качестве нормы.

Пребывая в состоянии названной двойственности, криминология и сама оказывается перед противоречием.

ЭТО ИНТЕРЕСНО: Существует вероятность, что в будущем «личностью преступника» могут стать нейропредиктивные субъекты — люди с определёнными паттернами мозга (сниженная активность префронтальной коры, гиперактивность миндалины), выявляемыми ИИ-сканированием. Они будут считаться «опасными» ещё до совершения преступлений. Сюда могут относится носители геномных рисков, обладатели «генов агрессии» (например, варианты MAOA), помеченные алгоритмами как предрасположенные к насилию. Эти теории рискуют превратить преступность из поступка в биологически-цифровую предопределённость, усиливая предвзятость под видом науки.

Отвергая концепцию существования особой, качественно иной «личности преступника», как устойчивой антропологической или психологической константы (идея достаточно популярна), тем не менее, не отказывается от использования самого термина и продолжает целенаправленно исследовать данный феномен. Это объясняется не столько признанием «особой природы» преступников, сколько потребностью в обозначении объекта исследования - лиц, совершивших запрещенные деяния. Термин

«личность преступника» выступает скорее *конвенциональным ярлыком*, который закрепляет общий фон обсуждения и обеспечивает сопоставимость исследований, даже если содержательно авторы вкладывают в него разный смысл.

«Личность преступника» с успехом выполняет роль рабочей категории в понятийном аппарате криминологии. Однако техническая природа термина порождает ряд вопросов:

- насколько *определено понятие «личность преступника» и оформлены границы его применения?* Термин проблематичен уже потому, что нет общепризнанного определения такой личности. Основания отнесения к указанной категории неоднородны: юридический статус и процессуальная роль («виновный», «обвиняемый», «подсудимый», «осужденный»), факт совершения деяния («преступник», «правонарушитель»), устойчивые личностные черты («преступная/криминальная личность», «криминогенный индивид», «криминогенный тип»), клинико-психологические особенности («антисоциальная личность», «социопат», «психопат»). В обыденной речи используются оценочные ярлыки вроде «злодей» («злоумышленник»), несущие моральную оценку в ущерб аналитическому наполнению;

- не *создает ли используемое понятие впечатление однородности там, где её нет*? Люди, совершившие преступления, различаются кардинально. В рамках единой категории объединены субъекты, чьи криминальные биографии принципиально несопоставимы: добросовестные граждане, случайно нарушившие закон, и серийные преступники; деградировавшие индивиды, втянутые в маргинальные конфликты и изощрённые архитекторы криминальной эконо-

мики и т.п. Такая «смесь» ставит под сомнение эвристическую ценность изучаемой категории, претендующей на роль аналитического инструмента;

- *является ли указанное понятие релевантным при описании особого типа личности*? Предположение о том, что «личность преступника» существенно отличается от «личности законопослушного гражданина» вызывает сомнения. Не существует набора признаков, который бы надежно отделял правонарушителей от «нормальных людей». Причины преступлений различны и не сводятся к одному профилю или личностному типу. Поведение одного и того же человека может быть законопослушным в одних обстоятельствах и противоправным в других; следовательно, объяснение через систему личностных черт, неизбежно будет неполным.

Упомянутая выше *универсализация* как вектор понимания «личности преступника» заключается в том, чтобы рассматривать криминальное поведение не как исключительную черту особенного типа людей, а радикальный вариант распространённых моделей социальной активности.

Это требует ревизии укоренившихся этических парадигм. Обществу предстоит пройти весьма болезненный процесс - признания собственной, по сути тотальной, криминальности. Трудно смириться с отрезвляющим фактом, но в социальном пространстве, где абсолютное большинство являются латентными преступниками, попытка выявить специфический «криминальный тип» среди тех немногих, кто попал в орбиту правосудия, лишена методологической состоятельности и граничит с самообманом.

Эмпирические данные, полученные в ходе криминологических исследований, а также самоотчётах, подтверждают этот вывод. Заметная часть популяции хотя бы однажды со-

вершала поступки, которые при определённых обстоятельствах могут квалифицироваться как преступления. Это проявляется с особой ясностью, когда измерение производится анонимными инструментами, снижающими страх осуждения и риск разоблачения.

Показательна работа Дж. Валлерстайна и К. Вайла «Наши законопослушные правонарушители», опубликованная в журнале Probation. Авторы опросили более 1600 жителей Нью-Йорка, преимущественно представителей среднего и высшего классов, включая социально «респектабельных» и интегрированных в общество людей. Респондентам предлагалось ответить, совершали ли они деяния, подпадающие под действие уголовных запретов. Итог оказался неопровержим: 91% опрошенных признали такие факты (минимум одного из 49 перечисленных нарушений), причём речь шла о составах, по которым допускалось наказания в виде лишения свободы[207].

Сходные результаты получены в исследовании О. Портфилда. Опрос 337 студентов показал, что каждый из них совершал хотя бы одно из 55 преступлений, сопоставимых по типу с теми, за которые в другом массиве данных были осуждены несовершеннолетние из района Форт-Уорт. Иными словами, поведение, формально подпадающее под уголовно-правовые запреты, обнаруживалось не только среди «групп риска», но и среди молодых людей, не имеющих признаков криминальной ориентации[208].

В работах, посвящённых подросткам и несовершеннолетним, Дж. Ф. Шорт и Ф. И. Най в выборках респондентов

[207] Wallerstein James S., Wyle C. Our Law-Abiding Law-Breakers // Federal Probation. 1947. No. 25. Pp. 107–112

[208] Porterfield A.L. Delinquency and outcome in court and college // American Journal of Sociology. 1943. No. 49 (November). Pp. 199–208.

большинство сообщали хотя бы об одном деликвентном поступке[209].

Т. Морфит, обобщая материалы по возрастной криминальной динамике, отмечал, что к 18-летию лишь 7% мальчиков отрицали любые формы делинквентной активности, то есть порядка 93% косвенно признавали участие в каких-либо правонарушениях.

Эти данные важны не как «нормализация» противоправного поведения, а как указание на его широкую распространённость пусть даже в эпизодической, ситуативной форме[210].

Масштабы контактов населения с системой уголовной юстиции также свидетельствуют в пользу идеи *универсализации*.

По данным Politifact и The Sentencing Project, примерно каждый третий житель США имеет криминальную запись, включая случаи ареста без последующего осуждения. Фиксация сведений в RAP-sheets (record of arrest and prosecution), то есть в «послужных списках» полиции, затрагивает столь значительную часть населения, что её точный учёт и сопоставление оказываются сложными[211].

---

[209] Short J. F., Jr., Nye, F. I. Extent of unrecorded juvenile delinquency: Tentative conclusions // Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. 1958. No. 49(4). Pp. 296–302

[210] Moffitt T.E. Adolescence-Limited and Life-Course-Persistent Antisocial Behavior: A Developmental Taxonomy // Psychological Review. 1993. No. 4 (100). Pp. 674-701

[211] Friedman M. Just Facts: As Many Americans Have Criminal Records as College Diplomas. URL: https://www.brennancenter.org/our-work/analysis-opinion/just-facts-many-americans-have-criminal-records-college-diplomas (дата обращения 12.02.2026)

НИИ ФСИН России отмечает, что судимости, в том числе по наказаниям, не связанным с лишением свободы, имеются у 20% населения страны[212]. Эти данные не включат погашенные или снятые судимости, сведения о латентной преступности и т.п.

Актуальна проблема *гиперкриминализации*, а именно расширения числа уголовно-наказуемых запретов и усложнения регулирования, которые увеличивают риск привлечения граждан к уголовной ответственности, делая его всеобщим, независимо от политической системы. Х.А. Сильверглейт в книге *Three Felonies a Day: How the Feds Target the Innocent*, анализируя федеральное уголовное законодательство США, утверждает, что рядовые граждане совершают преступления практически ежедневно, причём не осознавая этого[213].

В России фиксируется заметный разрыв между числом преступлений, отражённых в официальной статистике, и фактическим объёмом преступности вне регистрации. По оценкам исследователей, ежегодно совершается порядка 24[214]- 30 млн.[215] криминальных деяний. Я.И. Гилинский не без оснований утверждает, что «согласно букве уголовного

[212] В России 38% опрошенных считают, что у судимых есть равный шанс «выбиться в люди» // ИТАР-ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/17641713 (дата обращения 31.03.2026)

[213] Silverglate H.A. Three Felonies a Day: How the Feds Target the Innocent. Encounter Books. 2009. 325 p. ISBN: 1594032556, 9781594032554

[214] Серебренников Д. За последние три года преступность в России могла вырасти на 40% — но попала в «серую зону» криминальной статистики. URL: https://clck.ru/3RkqiK (дата обращения 12.02.2026)

[215] Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / [С.М. Иншаков, А.А. Корсантия, И.В. Максименко и др.]; под ред. засл. юриста Рос. Федерации, д.ю.н., проф. С.М. Иншакова, Науч.-исслед. ин-т Академии Генеральной прокуратуры РФ. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2011. 839 с. ISBN 978-5-238-02125-6.

закона многих государств, включая Россию, около 100 % взрослого населения – уголовные преступники...»[216]. С этим согласны и другие отечественные исследователи[217,218].

Исходя из представленных аргументов можно сформулировать ряд тезисов:

Во-первых, обосновано допущение, что значительная часть граждан хотя бы раз в жизни совершали деяния, подпадающие под уголовно-правовые запреты. На это указывают многочисленные исследования, а также разрыв между реальным объёмом запрещённых практик и числом доведённых до приговора эпизодов. Следовательно, *криминальные деяния не являются аномалией, а представляют распространённый элемент социальной реальности*. Криминальная превалентность (доля людей, совершивших хотя бы одно преступление за жизнь) по разным данным варьируется от 80 до 100%.

Во-вторых, криминальные формы деятельности входят в поведенческий репертуар большинства людей, однако отличаются по содержанию, интенсивности и последствиям. Одни из этих событий способны причинять физический вред (например, насильственные преступления), другие - связаны с нарушением уголовных запретов без жертв, третьи - с экономическими злоупотреблениями или обходом формальных процедур и т.п. Различия в выраженности и характере нарушений объясняются многими причинами, среди которых: осознанный выбор, ситуативное давление,

---

[216] Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. 136 с.

[217] Блог Н. Кофырина. URL: http://blog.nikolaykofyrin.ru/?p=514 (дата обращения 12.02.2026)

[218] Иванчина О.Н. Уголовная политика: междисциплинарный контекст // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов Седьмой Международной научно-практической конференции. 2020. С. 312

правовая неопределённость и размытость границ допустимого, несправедливость общества, неравный доступ к ресурсам, различия в социальном контроле, а также иные обстоятельства. Отсюда следует, что *наличие факта нарушения само по себе не формирует отдельный тип личности*. Это результат действия разнообразных причин и жизненных траекторий.

В-третьих, *подавляющая часть преступников не становится объектом карательного воздействия*. Причина кроется не только в скрытности ряда деяний, но ограниченности ресурсов контроля, избирательности обнаружения, неравной вероятности фиксации и различиях людских возможностей. Возникает систематическая асимметрия: к уголовной ответственности чаще «приводятся» те эпизоды или лица, которые «заметнее» для полиции, воспринимаются как более опасные или социально раздражающие. В дальнейшем карательная реакция дополняется стигматизацией, судимостью, изоляцией и формированием социального клейма «преступника».

Приведенные постулаты описывают идею *селекции преступников*. Её суть в том, что в обществе, где запрещённые практики распространены массово, уголовно-правовая репрессия носит выборочный характер и выявляет лишь ограниченный сегмент нарушителей. Именно эти люди (за счёт регистрации, судебной процедуры и стигмы) конструируются как социально заметная «криминальная часть» населения, тогда как существенная доля делинквентов остаётся вне поля зрения.

Декларация массовой правопослушности в такой системе выступает не столько описанием реального поведения, сколько элементом *символической самоидентифика-*

ции. Она поддерживает видимость социальных норм, одновременно маскируя факт распространённости преступлений и выборочности наказания. Мы находимся в иллюзии, будто криминальность локализована в «особой» группе, тогда как на деле речь идёт о массовом и структурно обусловленном феномене.

Концепт «личность преступника» в такой логике оказывается несостоятельным, потому что предполагает существование относительно устойчивого типа людей, отличающихся от «непреступников», а эмпирическая граница между ними проводится природой, психологическими, социальными и другими особенностями. Описать их пытается криминология, но в силу объективных причин - не может.

Исходная дихотомия «преступник - непреступник» не отражает реальности. Нарушение норм и закона в той или иной форме повсеместны. Следовательно, попытка вывести единый набор личностных черт преступника наталкивается на отсутствие чёткой, естественной популяции, для которой эти признаки можно валидно измерить.

Преступник - не нейтральная научная категория, а роль, возникающая в результате институционального фильтра, сложного отбора, осуществляемого правоохранительной системой, включающего выявление, квалификацию деяний, доказывание, преследование и наказание.

Личность преступника, в русле идей селекции, не совокупность внутренних и внешних криминогенных качеств, а *статистически случайный институциональный статус*, возникающий после фиксации уголовно-запрещенного деяния в ходе его выборочного выявления и публичного отреагирования.

Иными словами, индивид становится «личностью преступника» не потому, что нарушил норму, а вследствие того,

что его нарушение оказалось явным и было доведено до официальной реакции, тогда как сопоставимые деяния других лиц остались неизвестными.

Мысль о *тотальной криминализации* и *селекции личности преступника* позволяет определить ее в качестве субъекта*, чьё участие в распространённых запретных практиках оказалось выведено из области латентности и официально подтверждено (через обвинение, осуждение, стигму) посредством выборочной активности правоохранительной системы*.

В этом подходе система координат, традиционно описывающих личность преступника (биологические, социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые характеристики), нуждается в расширении: её следует дополнить осью *карательной уязвимости*.

Последняя означает совокупность *индивидуальных и ситуационных качеств, из-за которых один человек чаще оказывается официально раскрытым и осуждённым, чем другой*. Это не столько результат поведения субъекта, сколько конфигурация контроля вокруг него, контекста деяния и проч.

Карательная уязвимость не исчерпывается свойствами личности, играющими, кстати, немаловажную роль, но касается факторов, определяющих вероятность уголовно-правовой фиксации. Например, индивиды с низким социально-экономическим статусом, отсутствием социальных связей или проживающие в районах с высокой активностью полиции чаще подвержены риску обнаружения, поскольку у них меньше ресурсов для избегания или юридической защиты. В континуум «личности преступника» вводится динамика внешней среды (эффективность правоохранительных органов, уровень коррупции и даже технологические факторы,

как избирательное видеонаблюдение в городских кварталах).

В прикладном плане идея карательной уязвимости важна по двум соображения. *Во-первых*, она предостерегает от наивной «персонализации» и психологизации преступности, когда представленность отдельных групп в статистике автоматически трактуется как их повышенная криминальность. Альтернативное объяснение может состоять в том, что эти группы чаще находятся в зонах более интенсивного контроля (то есть обладают большей карательной уязвимостью). *Во-вторых*, такой подход открывает возможности профилактики, ориентированной не только на «исправление личности», но и корректировку институциональных практик, связанных с доверием к полиции, развитием процедурных гарантий, снижением диспропорций контроля и т.п.

«Личность преступника» может рассматриваться, прежде всего, как модальность, возникающая и закрепляемая через процедуры выявления и санкционирования. Это не отменяет криминогенных особенностей психики, но в рамках принятых рассуждений они не являются единственно важными: существенно не «какой человек от природы», а почему «его поведение фиксируется как преступное». В обществе где *практически все являются нарушителями уголовных законов, идея «личности преступника» теряет предметную определенность, в лучшем случае, выступая маркером тех, кого государство избрало для юридического возмездия*.

Глава XI. Контроль над преступностью: издержки и ошибки

Вопросы: *Контроль над преступностью как современный миф. Ошибки профилактики. Криминогенные погрешности прогнозирования. Опасности декриминализации.*

Контроль над преступностью[219] - это квинтэссенция наук уголовно-правового цикла и правоохранительной деятельности в целом. Абсолютного контроля, какими бы методами этого не пытались достичь (профилактика, декриминализация, раннее прогнозирование, ужесточение наказаний и т.п.), получить пока не удавалось. Преступность продолжает существовать как часть опасной нормальности. При этом потребность ее контролировать порождает множество дополнительных трудностей. Среди них:

- опасность радикализации профилактической деятельности в погоне за ее эффективностью. Стремление к полному предупреждению преступности как опасная иллюзия.

Об этом писали, к примеру, Нильс Кристи и Мишель Фуко. Они убеждены, что попытки искоренить преступность, чего бы это не стоило, неизбежно приведут к тоталитарному контролю, разрушению частной жизни и обесцениванию человеческих свобод.

[219] В настоящей работе «контроль над преступностью» включает в себя понятия как «борьба с преступностью», «противодействие преступности», «предупреждение преступности», «профилактика преступности» и т.п.

По мнению Н. Кристи («Борьба с преступностью как индустрия...») современная система правосудия склонна воспринимать социальные конфликты как «товар», который нужно переработать через судебную машину, вместо того чтобы позволить людям решать проблемы внутри сообществ[220].

М. Фуко в книге «Надзирать и наказывать» описывает модель Паноптикума - идеальной тюрьмы, где заключенный всегда чувствует на себе взгляд надзирателя. Перенос этой идеи на общество ради обеспечения его безопасности означает утрату человеком права на ошибку и спонтанность.

Иллюзия «тотального контроля как блага», связанная с концепцией «общества риска», описана социологом Ульрихом Беком. Он указывает, что в современном мире страх перед неопределенностью заставляет людей добровольно отказываться от свобод в обмен на обещание защиты[221].

Стремясь предотвратить преступность, государство создает все новые механизмы надзора, расширяя их масштаб. Выдающийся криминолог Стэнли Коэн в «Видениях социального контроля...» («Visions of Social Control...») предложил термин «расширение сети», обозначающий ситуацию, когда повсеместное внедрение профилактических программ приводит лишь к количественному и качественному росту контроля над личностью[222], но не снижению преступности.

---

[220] Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к Гулагу западного образца. Пер. с англ., Изд. 2-е, перераб. и дополн., М., Центр содействия реформе уголовного правосудия. 2001. 241 С.

[221] Усманов Г.Р. «Концепция «общества риска» Ульриха Бека: теоретический анализ» Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 247-250.

[222] Wickert C. Stanley Cohen. Visions of Social Control (1985). https://soztheo.com/criminology/key-works-in-criminology/stanley-cohen-visions-of-social-control-1985/

Что современное общество смогло предложить для контроля над преступностью? Тотальную ситуационную профилактику (установку камер, рамок металлоискателей, умных датчиков, программ, отслеживающих интернет-активность и проч.), внедряемую на пути к глобальному паноптикуму? Однако вместо воздействия на причины преступности (нищету, социальное неравенство, отсутствие доступа к образованию и медицине) происходит усиление внешнего контроля. Социолог Дэвид Гарленд отмечает, что правительства не способные контролировать экономические и социальные факторы, порождающие преступность, *переходят к символическим и карательным мерам контроля*[223]. Нет особого эффекта и от предиктивной полиции, основанной на передовых разработках в области искусственного интеллекта. Алгоритмический фатализм и «преступность до преступления», разрушающая идею презумпции невиновности, по словам математика Кэти О'Нил (в книге «Убийственные большие данные») лишь преобразуют человеческие предубеждения, страхи и предвзятость в программный код[224].

Очевидно, что контроль над преступностью становится вечной индустрией. У нее нет завершающей цели: невозможно достичь такого уровня безопасности, который удовлетворит всех. Страх перед преступностью становится отличным товаром. В отличие от других сфер, где удовлетво-

[223] Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Chicago: The University of Chicago Press, 2001, P. 103

[224] O'Neil, C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. New York: Crown Books, 2016. 272 p. ISBN 978-0553-41883-5.

рение спроса ведет к снижению производства, «безопасности» никогда не бывает достаточно и это может оказаться оправданием для расширения контроля;

- *неприемлемость окончательных целей профилактики* - тотальное и бессознательное неприятие мысли о полном предупреждении преступности любой ценой.

Желает ли человечество победить преступность по-настоящему и бесповоротно? Скорее всего, нет. Люди хотят меньше насилия, меньше краж и меньше угроз. Но «полное искоренение преступности» означает не просто желание добра, а создание такого порядка, при котором нарушение правил станет невозможным или почти невозможным. Многие этого не хотят, потому что цена будет слишком высокой. Платой станет свобода и автономность большинства. Любой проект окончательного очищения от «зла», как показывает история, обычно заканчивается не раем, а новой формой насилия.

В прошлом имелись попытки тотального контроля над преступностью. Все они «провалились». Рано или поздно общество отвергало меры контроля, хоть и сулящие достижение вожделенной цели, но отнимающие у людей главное - свободу воли.

В VII веке до н.э. Афины раздирали социальные конфликты и практика кровной мести. Чтобы остановить хаос, в 621 году до н.э. законодатель Драконт (Дракон) впервые записал и систематизировал свод законов. В основу своей системы он заложил идею тотального устрашения, полагая, что любое нарушение закона - это посягательство на основы общества. Закон Драконта был предельно прост: почти за все преступления полагалась смертная казнь. Вскоре

афиняне поняли, что жить в обществе всеобъемлющего искоренения преступности невозможно и радикально изменили законодательство, ослабив контроль.

В Древнем Китае (III век до н.э.) династия Цинь пыталась внедрить философию легизма. Закон предписывал жесточайшие наказания (каторгу, калечение, смерть) за минимальные нарушения и вводил систему круговой поруки: за проступок одного казнили всю его семью или улицу. Целью была идеальная покорность. Однако система рухнула. Знаменитое восстание крестьян под руководством Чэнь Шэна началось из-за сильного дождя. Отряд новобранцев опоздал к месту службы из-за непогоды. По законам Цинь опоздание каралось смертью. Понимая, что терять нечего, Чэнь Шэн сказал своим людям: «Опоздание - смерть, восстание - смерть. Так не лучше ли умереть за правое дело?». Тотальный контроль над преступностью породил мятеж, который стер династию с лица земли короткое время спустя.

В Англии XVIII –XIX вв. действовала правовая система, известная как «Кровавый кодекс». В попытке искоренить преступность против собственности власти ввели смертную казнь более чем за 200 видов преступлений. Повесить могли за кражу овцы, незаконную порубку леса или хищение товаров на незначительную сумму. Многие законы принимались «на всякий случай», чтобы запугать население. Итог повторил афинский сценарий: в XIX веке началась масштабная реформа уголовного права, устранившая суровые и бессмысленные запреты;

- *высокие затраты* на масштабируемую деятельность по контролю над преступностью. Последняя не является единственной проблемой человечества, хотя и отнимает колоссальный объем ресурсов. Например, если цена преступно-

сти в России в 2021 г. составила 1,75 трлн. руб.[225], то стоимость затрат на «национальную безопасность и правоохранительную деятельность» за то же время достигла 2,45 трлн. руб.[226] Государственные расходы на реакцию и контроль заметно превысили прямую оценку издержек от преступности;

- *мифологизация контроля*, выводящая эту деятельность из научного контекста. Рассматриваемый миф, как устойчивая нарративная структура, утверждает, что преступность поддается контролю, а система уголовного правосудия существует для того, чтобы защищать граждан от преступников.

Однако эта верная во многих смыслах формулировка при ближайшем рассмотрении оказывается неоднозначной. Управленческий оптимизм, гласящий, что криминальное поведение исчезнет, если найти правильные рычаги воздействия (улучшение экономики, воспитание, надзор) разбивается о суровую реальность. Никогда такие меры не приводили к искоренению преступности.

В погоне за показателями система начинает бороться не с причинами преступлений, а с теми, кого легче контролировать. Это выглядит как стигматизация отдельных групп людей (см. С. Коэн «Народные дьяволы и моральная паника», Д. Риман «Богатые богатеют, а бедные - за решётку: идеология, класс и уголовное правосудие» и т.п.).

[225] Жижин Л. А., Кнорре А. В., Кучаков Р. К., Скугаревский Д. А. Издержки российского общества от преступности: измерение с помощью компенсирующего изменения дохода // Прикладная эконометрика. 2023. Т. 69. С. 91–120.

[226] Бюджет России на 2021 год в цифрах — изучаем бухгалтерию государства // «Рамблер». URL: https://clck.su/zhqxq

Система уголовных наказаний в этих условиях выполняет символическую функцию. Дэвид Гарленд в «Культуре контроля» показал, что репрессии не более чем ритуальный, экспрессивный инструмент, демонстрирующий мощь государства и предлагающий обществу терапевтический катарсис[227].

Миф о контроле заключает в себе утопический элемент - веру в достижение состояния общества, где преступность искоренена почти полностью. Это превращает правоохранительную деятельность в квазирелигиозное служение. С феноменологической точки зрения, оно выражено в ожиданиях «социального рая» и оправдывает текущие издержки, несовершенство, даже суровость административного давления, так как они воспринимаются как временные жертвы ради окончательной победы над «злом».

В определенный момент миф начинает поддерживать сам себя. Успех профилактики (снижение статистики) объясняется эффективностью системы. Рост преступности (провал профилактики) объясняется недостаточным охватом профилактических мер, что требует расширения штатов, бюджетов и полномочий. Таким образом, любая динамика реальности интерпретируется в пользу незыблемости мифа, делая его неуязвимым для критики на уровне фактов;

- концептуальная *слабость предупредительных методов*, которые сами, порой, порождают преступность, показывает несовершенство современной науки. Методы контроля над

[227] Гарленд Д. Культура контроля. Преступность и социальный порядок в современном обществе (реферат) // Отечественные записки, номер. 2003. № 2.

преступностью, разрабатываемые криминологией и уголовным правом, порой способны причинить куда больший урон, ввиду их несовершенства и неточности.

Феноменология мифа о контроле над преступностью обнажает противоречие, пронизывающее всю историю уголовной политики: чем настойчивее общество стремится к абсолютной безопасности, тем дальше оно удаляется от неё.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что контроль над преступностью в его абсолютизированном понимании является *не научной программой, а устойчивым социальным мифом, обладающим собственной внутренней логикой воспроизводства*. Этот миф не разрушается под давлением фактов, поскольку интерпретирует любую реальность в свою пользу: успех подтверждает его правоту, а провал требует лишь его расширения. Тем самым индустрия безопасности превращается в самодостаточную систему, не нуждающуюся в конечном результате.

История даёт однозначный ответ на вопрос о пределах допустимого контроля. Законы Драконта, легизм династии Цинь и английский «Кровавый кодекс» - это не курьёзы прошлого, а предупреждения. Каждая из этих систем была построена на искренней убеждённости в том, что достаточная суровость наконец-то сломит преступность. Каждая порождала не порядок, а новую форму насилия и в конечном счёте рушилась под давлением того самого общества, которое намеревалась защитить.

Современность воспроизводит ту же логику в технологически изощрённых формах. Предиктивная полиция, тотальный цифровой надзор и алгоритмические системы оценки рисков не устраняют глубинных причин преступности, а обрекают на новые разочарования.

Ошибки профилактики

Есть известное выражение *«благими намерениями вымощена дорога в ад»*. Его приписывают английскому писателю 18 в. Самюэлю Джонсону. Люди часто цитируют эти слова, когда хотят показать несоответствие между внутренними мотивами своих действий и их последствиями. Не секрет, что поступки, совершенные из лучших побуждений, не всегда приносят такой же результат.

Это касается не только обыденного поведения, но и принятия решений в важных областях. Проиллюстрируем верность этого тезиса применительно к сфере контроля над преступностью. Действительно, были ли случаи, когда политика, направленная на искоренение криминальных явлений в обществе, приводила к обратным результатам? А попытки минимизировать преступность вызывали её неконтролируемый *рост, излишнее расходование средств или деградацию показателей социального благополучия*?

Похоже, что ответ на эти вопросы должен быть утвердительным. Несмотря на отсутствие общепризнанного термина, разумно признать наличие т.н. «*дефектов профилактики преступности»*, представляющих собой *недостатки или проблемы, возникающие в системе мер (действий), направленных на её предотвращение и связанные с трудностью предвидения отрицательных эффектов их применения.*

Эти дефекты возникают в результате неправильного планирования, слабой координации или исполнения профилактических мер, а также из-за отсутствия возможности достаточно точно предсказывать их последствия. Именно нехватка прозорливости и дальновидности при реализации

программ уголовной политики позволяет согласиться с Самюэлем Джонсоном: желая позитивных результатов, собственными действиями мы нередко добиваемся обратного.

Приведем примеры указанных дефектов, не претендуя на состоятельность классификации:

- экономические дефекты предполагают, что недостатки или некорректные подходы к предотвращению преступности могут порождать негативные экономические последствия для общества.

Анализ экономических издержек был всесторонне осуществлен применительно к мексиканской «Войне с наркотиками» («Guerra contra el narco»). Местное правительство на протяжении нескольких десятилетий выступало стороной конфликта низкой интенсивности с синдикатами наркоторговцев, который усугубился после вмешательства армии в 2006 г. Главной задачей этой операции, заявленной властями, было уменьшение влияния наркокартелей и снижение уровня насилия, связанного с распространением наркотиков.

По различным оценкам к 2013 г. число погибших в ходе этих событий превысило 120 тыс. человек, не считая 27 тыс. пропавших без вести[228]. В 2018 г. президент Андрес Мануэль Лопес Обрадор объявил об окончании войны, которая, по всей вероятности, не принесла успеха ни одной из сторон. На фоне противоборства возник ряд негативных экономических эффектов, а именно: уменьшение результативности

[228] *Schaeffer-Duffy C.* Counting Mexico's drug victims is a murky business // National catholic reporter. URL: https://web.archive.org/web/20160528192211/http://ncronline.org/news/global/counting-mexicos-drug-victims-murky-business (дата обращения 24.12.2023).

труда и сокращение рабочего времени на 1-2%[229]; снижение ВВП на душу населения на 0,5% в штатах, где велись боевые действия; сокращение подушевого потребления и производственных инвестиций, связанное с дефицитом коммерческих кредитов[230]; схлопывание производства на местных рынках[231]; переформатирование потоков иностранных инвестиций[232] и заметный подрыв экспортного потенциала[233].

Изучая опыт других стран, нельзя не отметить, что кампании по предупреждению преступности не раз сопровождались финансовыми потерями и упущенной выгодой.

Например, меры противодействия преступности при подготовке к олимпийским играм в Бразилии (2016 г.) оказали некоторое влияние на снижение туристического потока. Эти события сопровождались введением жестких регламентов безопасности в принимающих городах, включая Рио-де-Жанейро. Однако такие шаги создавали впечатление, что эти места небезопасны для туристов и ехать туда нежелательно[234].

К издержкам экономического характера можно отнести случаи нерациональной траты ресурсов, т.е. ситуации, когда

---

[229] *Benyishay A., Pearlman S.* Homicide and work: the impact of Mexico's drug war on labor market participation // SSRN Electronic Journal. 2013. 10.2139/ssrn.2302437.

[230] *Balmori M., Jose R.* The economic consequences of the Mexican drug war // Peace Economics, Peace Science and Public Policy. 2016. No. 3 (22). Pp. 213-246. https://doi.org/10.1515/peps-2016-0014

[231] *Utar H.* Firms and labor in times of violence: evidence from the Mexican drug war // SSRN Electronic Journal. 2022. 10.2139/ssrn.4114719.

[232] *Ramos M. A., Ashby N. J.* Heterogeneous firm response to organized crime: Evidence from FDI in Mexico // Journal of International Management. 2013. No. 19(2). Pp. 176–194

[233] *Gorrín J., Morales-Arilla J., Ricca B.* Export side effects of wars on organized crime: The case of Mexico // Journal of International Economics. 2023. 144. 103775. 10.1016/j.jinteco.2023.103775.

[234] *Магальяйнш Л.* Олимпийский туризм не оправдывает надежд Рио-де-Жанейро // ИА «Ведомости». URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/08/03/651630-olimpiiskii-turizm (дата обращения 06.11.2023).

значительные экономические, людские, организационные и иные резервы расходовались на профилактику преступности неэффективно и без ожидаемых итогов.

Уместно вспомнить «War on Drugs» («Войну с наркотиками»), инициированную президентом США Р. Никсоном в 1971 году. 17 июня на своей пресс-конференции он назвал злоупотребление наркотиками «Врагом номер один в Соединенных Штатах» и развязал одну из наиболее неудачных, дорогостоящих и ресурсоемких кампаний американского государства, которая продолжается по сей день.

Значительные средства были направлены на закрытие границ между Мексикой и США[235]; в годы противостояния тюремное население удвоилось, а этих людей нужно было охранять и содержать[236]; впустую оказались потрачены деньги, выделенные на крупные операции по обнаружению и аресту наркоторговцев (конфискацию наркотиков) и проч.

Несмотря на колоссальную работу нужного эффекта достичь не удалось: закрытие границ с Мексикой подтолкнуло Колумбию стать новым дистрибьютором запрещенных веществ; вместо сокращения наркоторговли, проект подстегнул рост числа наркодельцов и усиление их активности. Это было связано с тем, что крупные наркодилеры стали разделять свои операции на меньшие и создавать более разветвленные сети продаж. Невзирая на более триллиона потраченных долларов, потребление запрещенных препаратов в США вновь растет – число зависимых в 2019 г. достигло 13%

[235] *Sloat S.* Nixon advisor admitted the obvious: war on drugs was a war on blacks and hippies. URL: https://www.inverse.com/article/13153-nixon-advisor-admitted-the-obvious-war-on-drugs-was-a-war-on-blacks-and-hippies (дата обращения 17.01.2024).

[236] *Perry M.J. The* shocking story behind Richard Nixon's «War on Drugs» that targeted blacks and anti-war activists. URL: https://usmjpartyin.wordpress.com/2019/11/16/the-shocking-story-behind-richard-nixons-war-on-drugs-that-targeted-blacks-and-anti-war-activists/ (дата обращения 17.01.2024).

населения[237]. При этом не учитываются данные потребления наркотических анальгетиков, которые можно купить «законно» в аптечных сетях.

Другим примером нерационального расходования ресурсов стали многочисленные кампании по освещению улиц в целях криминальной профилактики. Представители западной[238], да и отечественной криминологии[239] в какой-то период времени практически единогласно утверждали, что данная мера является эффективной технической частью антикриминальной политики. Подобные гипотезы включались в качестве обоснования в программы электрификации[240] и использовались как аргумент для повышения финансовых расходов на указанные инициативы.

Вместе с тем, более поздние исследования показали сомнительность изначальных выводов: в ряде случаев уличное освещение не оказывало профилактического эффекта, а финансовая экономия от сокращения числа преступлений значительно превышала материальные затраты на техническую реализацию подобных проектов[241]. Более того в ряде работ звучали прямо противоположные выводы: отмечался рост числа инцидентов (правонарушений), коррелирующий

---

[237] *Lee J.* America has spent over a trillion dollars fighting the war on drugs. 50 years later, drug use in the U.S. is climbing again. URL: https://www.cnbc.com/2021/06/17/the-us-has-spent-over-a-trillion-dollars-fighting-war-on-drugs.html (дата обращения 17.01.2024).

[238] *Chalfin A., Hansen B, Lerner J., Parker L.* Reducing crime through environmental design: evidence from a randomized experiment of street lighting in New York city // Journal of Quantitative Criminology. 2021. No 38. Pp. 1-31. 10.1007/s10940-020-09490-6.

[239] *Рачкова Н.М.* Изменение материальной окружающей среды как один из факторов борьбы с уличной преступностью // Известия Байкальского государственного университета. 2021. № 4. С. 149-151.

[240] Электроэнергия: проводник качественной жизни. Россети // URL: https://clck.ru/37o9Mw (дата обращения 13.01.2024).

[241] *Farrington D., Welsh B.* Improved street lighting and crime prevention // Justice Quarterly - JUSTICE Q. 2002. No 19. Pp. 313-342. 10.1080/07418820200095261.

с улучшением уличной иллюминации[242], в частности, оказалось, что количество угонов автотранспортных средств при выключенных фонарях, напротив, снижается[243];

- *криминальные дефекты предполагают ситуации, когда недоработки системы профилактики приводят к дополнительным негативным последствиям, усиливающим или поддерживающим актуальную преступность.* То есть, иными словами, стремление противодействовать преступлениям создает новые условия для их роста.

Подобные результаты имели место в ходе усилий некоторых стран Латинской Америки по стабилизации политической обстановки в регионе. Так, в 2016 г. правительство Колумбии, стремясь снизить напряженность, подписало мирное соглашение с революционными вооруженными силами Колумбии (ФАРК). «Мятеж», идущий на протяжении 53 лет, официально был завершен. Влияние этого соглашения оказалось противоположным для Колумбии и соседнего с ней Эквадора. В Колумбии оно привело к относительно стабильному периоду, однако, в Эквадоре, спровоцировало негативные последствия в виде роста преступности. Дело в том, что ФАРК долгое время контролировала контрабандные маршруты кокаина из Колумбии в порты Эквадора на Тихом океане, стремясь при этом минимизировать сопутствующее траффику насилие. Однако, демобилизация группировки привела к появлению вакуума криминальной вла-

[242] *Morrow E.N. Hutton S.A.* The Chicago Alley Lighting Project: Final Evaluation Report, 2000. URL: https://darksky.org/app/uploads/2014/09/Chicago-Alley-Lighting-Project.pdf (дата обращения 10.01.2024).

[243] *Tompson L., Steinbach R., Johnson S.D. et al.* Absence of street lighting may prevent vehicle crime, but spatial and temporal displacement remains a concern // J Quant Criminol. 2023. No. 39. Pp. 603–623. https://doi.org/10.1007/s10940-022-09539-8

сти на фоне рекордного производства коки в Колумбии. Эквадорские группировки и иностранные преступные организации начали борьбу за контроль, пытаясь заполнить этот вакуум. В результате, картели Синалоа и Халиско-Нуэва из Мексики, а также албанская мафия проникли в Эквадор, что повлекло за собой многочисленные неблагоприятные последствия в виде локальных конфликтов, раздела сфер влияния и проч.[244].

К криминальным издержкам, вероятно, следует отнести *эффект смещения*. Его суть заключается в том, что всегда имеется вероятность трансформации преступности из одной области или формы в другую под влиянием профилактического воздействия. Например, ужесточение контроля на улицах или в общественных местах может привести к «переносу» преступности в более уединенные районы или к использованию новых, менее приметных способов совершения преступлений. Популяризация камер видеонаблюдения и систем безопасности в банках, вероятно, снизит вероятность ограблений в физическом пространстве, хотя мотивирует преступников обращать внимание на онлайн-мошенничества или киберпреступления. Запреты на продажу алкоголя могут спровоцировать рост наркомафии, контрабанду спиртного и развитие подпольной торговли. Именно к таким последствиям подошли США в эпоху сухого закона 20-30-х годов. Причём употребление алкоголя не только не

[244] *Freeman W.* A surge in crime and violence has Ecuador reeling. URL: https://www.cfr.org/blog/surge-crime-and-violence-has-ecuador-reeling (дата обращения 18.01.2024).

упало, а даже выросло на 20%. На 45% увеличилось потребление наркотиков, которые стали для многих альтернативой спиртному[245].

К обозначенному виду издержек относится *эффект усиления*. Например, он может выражаться в укреплении корпоративной структуры, единства, слаженности в действиях криминалитета под влиянием интенсивной превенции. Так, «великая чистка» или борьба с бандитизмом в СССР 30-х годов сопровождалась жесткими репрессиями, однако, спровоцировала мобилизацию в рядах преступников. Произошло укрепление подпольной криминальной организации и возникновение новых субкультурных явлений, таких как «воровской кодекс» от которых Россия не может «избавиться» и по сей день. Из частных примеров эффекта усиления, когда профилактические действия облегчают совершение запрещенных деяний, разумно привести случай из Лондонского метро. На некоторых станциях метрополитена были установлены таблички, предупреждающие пассажиров о том, что в этом районе орудуют карманники. На счет этой меры высказываются критические замечания о том, что увидев подобный знак, пассажиры начнут проверять свои ценности (например, местонахождение спрятанных кошельков), что позволит нарушителям получить конкретную информацию, полезную для совершения преступления[246].

---

[245] *Козловский Д.* Мафия на страже выпивки: как эпоха Сухого закона изменила Америку // https://dtf.ru/life/189264-mafiya-na-strazhe-vypivki-kak-epoha-suhogo-zakona-izmenila-ameriku (дата обращения 18.01.2024).

[246] *Garner C.* Unintended (negative) consequences of crime prevention // URL: https://gclancey.com/pdfs/cpp_Unintended%20Consequences%20Poster.pdf (дата обращения 5.01.2024).

В ряде случаев криминальные издержки целесообразно описывать по принципу *отложенного эффекта*. Если взять в качестве примера проведение Кубка мира по футболу 2010 г. в ЮАР, то первым, что «бросается в глаза» - это беспрецедентные меры безопасности и профилактики преступности, предпринятые на время проведения матчей. В Йоханнесбурге криминальные показатели снизились в среднем 65%[247]. Однако после окончания турнира был отмечен рост правонарушений и преступного насилия. Не исключено, что во время соревнований власти усилили контроль, добивших кратковременных успехов, но после их окончания меры были ослаблены и преступная активность кратно возобновилась;

- социальные дефекты относятся к иным негативным последствиям или непредвиденным исходам, связанным с применением мер по предотвращению преступности.

К числу подобных примеров можно отнести «Борьбу за трезвость» или антиалкогольную кампанию М.С. Горбачева (1985 г.). Помимо положительных итогов, в т.ч. связанных со снижением преступности она повлекла за собой рост числа отравлений от употребления суррогатов и неалкогольных дурманящих веществ; введение системы талонов на некоторые продукты питания; рост теневой экономики, и, как следствие, накопление первоначального капитала у спекулян-

[247] *Edwards G.* Increase in crime after World Cup. URL: https://www.news24.com/news24/increase-in-crime-after-world-cup-20100913 (дата обращения 5.01.2024).

тов; потери бюджета от не поступивших алкогольных сборов; вырубку виноградников и деградацию отдельных отраслей пищевой промышленности.

Очевидно, что человечество в деле профилактики преступности часто допускало ошибки. Это не означает, что успеха на этом поприще не было. Но, к сожалению, ожидаемые результаты порой не оказывались такими, как хотелось кому-то из политиков или общественных деятелей.

Пожалуй, в этом есть «вина» и научного сообщества. Если взглянуть на «*теорию предупреждения преступности*»[248], то в ней обнаруживаются серьезные пробелы. Последняя представляет собой более или менее стройную концепцию, в которой отражены фундаментальные основы системы профилактики, детально обозначены её субъекты, проведена градация предупредительных мер, исследованы проблемы обеспечения указанной деятельности и проч. Данная «теория» представлена как составной элемент криминологии, её частная теория. Углубленное изучение последней может привести к любопытному выводу – проблема профилактики преступности почти никогда не рассматривалась с точки *зрения теории игр* и возможных отрицательных результатов, вызванных самой этой деятельностью.

Теория игр, как известно, представляет научную дисциплину, которая изучает принятие решений в условиях взаимодействия рациональных участников, называемых игроками.

---

[248] Условный термин, обозначающий совокупность академических и научных взглядов, обосновывающих идеи противодействия процессам детерминации и самодетерминации преступности.

Она исследует различные виды игр; стратегии, которыми пользуются участники и результаты, возникающие в ходе их взаимодействия.

Теория игр применяется в различных областях, включая экономику, политику, социологию, биологию и право. В данном контексте теория игр - это концепция, исследующая принципы принятия решений в ситуациях, связанных с контролем над преступностью и их возможные последствия.

Рассматриваемая теория, трактующая преступников и правоохранительные органы как игроков, позволяет понять слабые стороны превентивных стратегий и предсказывать результаты их реализации.

В современной науке этому уделяется немного внимания. Академическая литература содержит положения об общих началах теории предупреждения преступности[249]; его концептуальных основах[250], оценке эффективности[251]; роли виктимологического моделирования в практике предупреждения преступности[252]; нормативно-правовых, кадровых,

[249] *Жариков Ю.С., Ревин В.П., Ревина В.В.* Теоретические основы криминологии и предупреждения преступности: монография / Под науч. ред.: Ревин В.П. М.: Изд-во СГУ, 2013. 461 с.

[250] *Агапов П.В.* Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества: монография. - Москва: Проспект, 2016. - 655 с.

[251] *Смирнов Г.Г.* Криминологическое учение о предупреждении преступности: содержание, развитие, реализация. Монография / Под ред.: Алексеева А.И. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 190 с.

[252] *Варчук Т.В.* Виктимологическое моделирование в криминологии и практике предупреждения преступности: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. - 239 с.

научных, материально-финансовых проблемах обеспечения[253], истории развития[254], международных аспектах[255], философии и мотивации превентивной деятельности[256], межотраслевых средствах предупреждения преступности[257], антикриминогенной ресоциализации[258] и проч.

Несмотря на разнообразие исследуемых проблем практически ни слова не говорится о применении навыков *критического мышления при планировании антикриминальной профилактики*.

Вышеописанные случаи дефектов, когда последствия профилактических мер имели скорее негативные, чем позитивные итоги, свидетельствует о том, что современная «теория предупреждения» (на концептуальном уровне) не содержит инструментов оценки потенциальной опасности апробируемых и вводимых превентивных методов, отсутствуют подходы к пониманию их потенциальной деструктивности для общества в будущем. То есть воздействие мер профилактики наперед просчитывается весьма слабо, либо вообще не подвергается *отрицательному прогнозированию*.

---

[253] *Щедрин Н.В.* Основы общей теории предупреждения преступности: Учеб. пособие / Краснояр. гос. ун-т , 1999. 58 с

[254] *Ибрагимова Х.А.* Курс лекций по дисциплине «Проблемы профилактики преступлений» для направления подготовки «Юриспруденция», профиль «Уголовное право», Махачкала: ДГУНХ, 2016. 63с.

[255] *Симонова С.С.* Теория и практика профилактики преступлений: учебное пособие. Волгоградский институт управления. Волгоград: 2022. 76 с.

[256] *Филиппова Е.О.* Предупреждение преступности: учебное пособие. Оренбург: ОГУ, 2019. 127 с.

[257] *Гармаев Ю.П.* Мультимедийные межотраслевые средства предупреждения преступности: перспективы разработки и внедрения // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3. С. 71-80.

[258] *Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И.* Антикриминогенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3 (14). С. 371-378.

Указанный недостаток можно компенсировать благодаря использованию теории игр, а именно посредством восприятия вышеозначенных ситуаций как разновидности «*игры с отрицательной суммой*».

Под этим термином понимаются случаи, когда потери одного игрока превышают выигрыш другого игрока, в результате чего общая сумма выигрышей и потерь в игре отрицательна. В сущности, это означает ситуации, когда не выигрывает ни одна сторона.

С точки зрения экономической психологии - это «нерентабельная» или «убыточная игра», когда затраченные на неё ресурсы в конечном итоге значительно превышают выигрыш.

Перефразируя в формате криминологии можно резюмировать следующее:

а) нередко попытки влиять на причины и условия преступности, контролировать её (профилактика и предупреждение) приводят к ещё большей социальной дезадаптации и дезорганизации;

б) в проигрыше остаются все участники общественной жизни (как представители преступности, так и государства);

в) в криминологии не разработаны инструменты верификации или прогнозирования таких последствий, когда исполняемые методы профилактики еще более осложняют криминальную ситуацию, несмотря на то, что были приняты для ее улучшения.

Можно привести несколько примеров подобных ситуаций:

- *игра с отрицательной суммой в ранней профилактике*. Это случаи, когда государство заблаговременно принимает

меры для профилактики преступности (раннего предупреждения), но данные инициативы на поверку оказываются криминогенными или неэффективными.

В этом контексте можно привести пример эволюции сиротской политики в России. Послевоенное время безотцовщины и безнадзорности остро поставило вопрос о необходимости создания сети воспитательных учреждений. Детские дома обеспечивали защиту и благополучие детей, входящих в сферу их заботы. Одной из поставленных задач была профилактика подростковой преступности в рамках комплексного подхода, включающего создание безопасной и структурированной среды, проведение образовательных процедур, развитие навыков социализации у несовершеннолетних и проч.

Однако с течением времени и восстановлением численности населения необходимость интернатных организаций стала вызывать обоснованные сомнения. Первые попытки их сокращения пришлись на середину 1960-х годов[259]. Помимо этого, в современный период данные институты, напротив, стали источником дополнительной криминализации молодежи. По сведениям Генеральной прокуратуры РФ, около 40% выпускников сиротских заведений становились алкоголиками и наркоманами, еще 40% - совершают преступления[260]. Именно поэтому государство сегодня делает акцент на закрытии детских домов и школ-интернатов,

[259] Сиротство в России. Историческая справка. URL: https://дети-ждут.рф/s-chego-nachat/problematika-sirotstva/stati-spetsialistov/sirotstvo-v-rossii-istoricheskaya-spravka (дата обращения 5.01.2024).

[260] 40 процентов бывших детдомовцев становятся алкоголиками и наркоманами // ИА «Российская газета». URL: https://rg.ru/2011/12/16/detdom.html (дата обращения 5.01.2024).

предпочитая им семейное устройство детей, оставшихся без опеки.

Несколько иной криминогенный эффект обнаруживается применительно к такой мере профилактики как расселение детей сирот и предоставление им жилья в собственность после достижения совершеннолетия. Иногда эта программа дает серьезные сбои: особенно в случаях компактного размещения бывших выпускников. Фиксировались эпизоды, когда целые подъезды или дома заселялись сиротами. Такие районы быстро превращались в криминальные гетто, а география данного явления, по мнению специалистов, весьма обширна: от Санкт-Петербурга до Бурятии[261];

- *игра с отрицательной суммой в пресечении (предупреждении) преступности* объединяет ситуации, когда процессы, направленные на противодействие воспроизводству уже существующей преступности, оказывают определенные негативные эффекты.

В США, к примеру, была широко распространена политика «нулевой терпимости» (*zero tolerance*) в борьбе с преступностью. Реализация этих программ предполагала строгие наказания за незначительные правонарушения. Однако позднее выяснилось, что реализация настоящих идей привела к большому количеству неадекватных арестов, росту численности осужденных в тюрьмах и перегрузке пенитенциарной системы. За период с 1970 по 2006 гг. тюремное население Америки выросло на 628 %, а затраты на систему контроля над преступностью увеличились с 6 млрд долл. в 1980 г. до 60 млрд долл. в 2006 г.[262]. При этом складывается

[261] *Пятов Г.* Особо опасные сироты // ИА «Комсомольская правда». URL: https://www.kp.ru/daily/27068/4138059/ (дата обращения 5.01.2024).

[262] *Сысоев А.М.* Реализация стратегии «нулевой терпимости» в США: плюсы и минусы // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 2. С. 32-35.

ситуация, когда многие штаты выделяют больше средств на содержание тюрем, чем на систему высшего образования[263]. В конечном итоге немало авторов отмечают, что выбранная стратегия не привела к статистически значимому снижению преступности[264,265], что подтверждает её неэффективность и необходимость поиска новых форм реализации уголовной политики;

- *игра с отрицательной суммой в наказании* означает, что применение уголовно-правовых санкций и использование неадекватных карательных мер, приводит к увеличению нежелательных последствий и социальных издержек.

Прежде всего, это выражается в криминальном рецидиве, который нередко детерминируется уголовными наказаниями. «Проигрывают» все: пенитенциарная система, доказывающая собственную несостоятельность; преступник, встающий (возвращающийся) на криминальный путь как правило не сулящий социального благополучия; общество, расходующее драгоценные ресурсы.

О криминогенности карательных мер написано достаточно много: в тюрьмах заключенные учатся друг у друга более эффективным стратегиям криминального поведения;

---

[263] *Bruce H.F.* The American prison in the culture wars // The Prison Issue. 2000. No. 6. Pp. 9-12.

[264] *Braga A.A., Brandon C.W., Cory S.* Can policing disorder reduce crime? a systematic review and meta-analysis // *Journal of Research in Crime and Delinquency*. 2015. No. 24 (5). Pp. 567–568.

[265] Zero Tolerance Policies Are Not as Effective as Thought in Reducing Violence and Promoting Learning in School, Says APA Task Force. URL: https://www.apa.org/news/press/releases/2006/08/zero-tolerance (дата обращения 5.01.2024).

многие из них перестают воспринимать тюремное заключение как угрозу[266]; суровые наказания не только не предотвращают преступления, но временами оказывают обратный эффект в смысле рецидивизма[267], кроме того, появляется вероятность, что они будут стимулировать преступников к использованию более агрессивных методов совершения преступлений для избегания ареста. Именно в исправительных учреждениях происходит т.н. криминальное заражение[268] и проч. Вся история пенитенциарной системы – это баланс между относительной эффективностью реализуемых наказаний и «игрой с отрицательной суммой», согласно которой репрессии только увеличивают криминальные риски. Иллюстрацией к этим словам являются данные об уровне преступного рецидива на вторую половину 2023 г.: в структуре предварительно расследованных преступлений он составил около 60 %[269].

Учитывая выбранный подход в профилактике преступности, отражающий идею «игры с отрицательной суммой», желательно указать на несколько важных моментов.

Во-первых, в теории контроля над преступностью настоятельно требуется разработка инструментов оценки неблагоприятных последствий профилактической деятельности

[266] Five things about deterrence. U.S. Department of Justice Office of Justice Programs National Institute of Justice. URL: https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/247350.pdf (дата обращения 04.11.2023).

[267] *Knight B.* Do harsher punishments deter crime? URL: https://newsroom.unsw.edu.au/news/business-law/do-harsher-punishments-deter-crime (дата обращения 04.11.2023).

[268] *Антонян Ю.М.* Основные мотивы поведения осужденных // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1. с. 10

[269] В Генпрокуратуре назвали стабильно высоким уровень рецидивной преступности в РФ // ИА «РЕН ТВ». URL: https://ren.tv/news/v-rossii/1161100-v-genprokurature-nazvali-stabilno-vysokim-uroven-retsidivnoi-prestupnosti-v-rf (дата обращения 04.11.2023).

(от контрпродуктивной карательной политики государства, приводящей к распространению криминальной субкультуры до реализации программ «борьбы с ...» с сопутствующими негативными последствиями). Следует признать, что эти начинания не всегда имеют положительный исход, а в некоторых случаях могут приводить к нежелательным последствиям сопоставимым или даже превышающим позитивные ожидания от них.

Во-вторых, требуется включение в современную теорию предупреждения преступности основ *негативного прогнозирования*, как обязательного элемента, основанного на критических ожиданиях осуществляемой деятельности. Негативное прогнозирование относится к процессу предсказания неблагоприятных и нежелательных событий или последствий. Оно основано на анализе данных, факторов и ситуаций, которые могут привести к отрицательным результатам или проблемам в будущем.

В-третьих, идея теории «игр с отрицательной суммой» не должна быть причиной для отказа от профилактических усилий. Она не может быть основанием для бойкотирования идей контроля и профилактики преступности со ссылкой на то, что они, якобы, способны причинить лишь больший вред. Напротив, этот подход необходим для раннего выявления и прогнозирования возможных недостатков профилактических усилий с целью повышения их эффективности.

Криминогенные погрешности прогнозирования

Одной из задач контроля над преступностью является ее прогнозирование. Прогноз как метод познания не только

вероятен, но и необходим[270]. Образы будущих состояний преступности интересовали многих людей: от писателей и философов до ученых и практиков.

Попытки предсказывать преступное поведение имели место в разные эпохи, порой с использованием псевдонаучных или паранаучных методов. К примеру, шаманы в традиционных культурах (сибирском или американском шаманизме) использовали ритуалы, видения и общение с духами для прогноза будущих событий, включая конфликты, несчастия, болезни и другие угрозы[271]. Дельфийский оракул отвечала взыскующим на вопросы о политике, войне, долге и преступлениях[272]. В табличках «Энума Ану Энлиль» (библиотека Ашшурбанипала, VII век до н.э.) описываются омены, где определённые конфигурации небесных светил сигнализируют о грядущих «бунтах» или «разрушениях», что подчёркивало связь с беспорядками, включая фоновую преступность[273].

Прогностическая функция криминологии оформилась ориентировочно к концу XIX века по мере ее эволюции в сторону эмпирически ориентированных подходов, основанных на интеграции методов разных наук.

Валидность криминологических прогнозов не всегда высока, поскольку зависит от типа преступлений, используе-

---

[270] Аванесов Г. А., Вицин С.Е. Прогнозирование и организация борьбы с преступностью. М. Знание. 1972. 32 с.

[271] Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2004. 304 с.

[272] In Futurity, Someone Prophetic Sees // WSC Beijing Alpacas. URL: https://www.wscbeijingalpacas.com/in-futurity-someone-prophetic-sees (дата обращения 23.02.26)

[273] Berlinski D. A tour of the calculus. New York. 1995. 331 p. URL: https://coollib.net/b/273656-devid-berlinski-iskushenie-astrologiey-ili-predskazanie-kak-iskusstvo/read (дата обращения 01.02.26)

мых моделей, качества данных и решаемых задач (например, прогнозирование тенденций преступности в целом или рецидива отдельных лиц). Утверждается, что предсказательная точность варьируется в диапазоне от 40 до 80% для предвидения криминального насилия и отдельных форм преступного поведения[274,275]. Не следует забывать, что данные оценки не всегда точны.

Иногда в формулируемые сценарии вкрадываются ошибки. Итог таких прогнозов не всегда нейтрален, а порой вызывает негативные последствия. Мало того, что ожидаемое будущее не наступает, еще уплачивается высокая *цена за неверные прогнозы* и ошибочные социально-управленческих реакции. Это выражено в искажении оценок динамики преступности, неверной расстановке приоритетов профилактики, общем снижении эффективности уголовной политики и проч.

Ущерб от негативно-ошибочных прогнозов может быть обусловлен не только научной ошибкой, но и социальной реакцией на прогноз (принятием программ, распределением бюджетов, изменением приоритетов профилактики и контроля и др.).

Вред негативно-ошибочных прогнозов в отечественной и зарубежной литературе, как правило, анализируется фрагментарно. *Отсутствует сложившееся научное направление, ориентированное на оценку социально-экономических последствий прогностических ошибок*, разработку критериев

[274] Hanson R.K., Lee S.C., Thornton D. Long Term Recidivism Rates Among Individuals at High Risk to Sexually Reoffend // Sex Abuse. 2024 No. 36(1). Pp 3-32. DOI: 10.1177/10790632221139166

[275] Oswald M., Grace J., Urwin S., Barnes, G.C. Algorithmic risk assessment policing models: lessons from the Durham HART model and 'Experimental' proportionality // Information & Communications Technology Law. 2018. No. 27(2). Pp. 223–250. DOI: 10.1080/13600834.2018.1458455

ущерба от подобного рода деятельности и стандартов ответственности за качество прогнозирования (в научном и управленческом смыслах).

Иными словами, криминология сравнительно хорошо измеряет вред от преступности, однако недостаточно артикулирует проблему ущерба, причиненного ошибочными прогнозами ученых и вытекающими из них организационными решениями.

Возникает вопрос: *почему криминологическая наука и практика уделяют внимание оценке вреда, нанесенного преступностью, но практически не институционализируют оценку вреда от использования собственных прогностических инструментов?*

Постановка настоящей проблемы предполагает необходимость:

а) концептуализации понятия негативно-ошибочного прогноза как источника социального ущерба;

б) типологизации таких ошибок (ошибка объекта, данных, модели, интерпретации, управленческого применения);

в) разработки процедуры верификации и пересмотра прогнозов в криминологии;

г) создания методических оснований для измерения прямых затрат, косвенных потерь и эффекта упущенных возможностей.

Данное направление целесообразно обозначить термином *криминология прогностических ошибок*. Это специализированная область знания, ориентированная на выявление, описание и объяснение ошибок криминологического прогнозирования, а также оценку их последствий и разработку мер по снижению сопутствующего вреда.

Высказывается мнение, что криминологи исторически плохо предсказывают преступные тренды и не имеют глубоких знаний относительно будущих состояний криминальной среды[276]. Это вызвано, в частности, сложностью социальных процессов, влиянием непредвиденных факторов и методологическими ограничениями традиционных подходов.

Негативно-ошибочные прогнозы, выступают одним из дефектов криминологического прогнозирования. Их целесообразно определить как *прогнозные суждения о предполагаемом состоянии, динамике и качественных характеристиках преступности, которые при практическом применении обусловливают принятие неадекватных управленческих решений и оказываются неэффективными либо контрпродуктивными*.

Для повышения объективности и строгости прогнозов ученые обращаются к точным наукам, включая математическое моделирование, статистический анализ, использование искусственного интеллекта и проч. Такие инструменты позволяют обрабатывать большие объемы данных и выявлять скрытые закономерности, что теоретически способствует более обоснованным выводам. Однако и это не является гарантией успеха. Интеллектуальные модели, основанные на машинном обучении, часто наследуют системные предвзятости (bias)[277]. Им также, как и людям, присущи стереотипы и неполнота знаний. Результатом становятся искаженные прогнозы и ложные выводы, когда алгоритмы

[276] Austin J., Clear T., Rosenfeld R. Explaining the Past and Projecting Fu-ture Crime Rates. 2002 // Harry Frank Guggenheim Foundation. URL: https://www.hfg.org/hfg_reports/explaining-the-past-and-projecting-future-crime-rates/ (дата обращения 01.03.26)

[277] Балалаева Ю.С. «AI bias»: «Предвзятость искусственного интеллекта» или результат деятельности разработчиков? // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 3 (106). С. 7-14.

ошибочно идентифицируют риски. Это формирует предвзятость по отношению к отдельным лицам и целым сообществам, повышает частоту несправедливых арестов и дискриминации, ведет к эскалации социальных конфликтов и т.п. К примеру, известно, что предиктивные системы завышали риск рецидива у представителей отдельных этнических групп, негативно влияя на приговоры и условно-досрочное освобождение[278,279].

На основе классической «матрицы ошибок» негативно-ошибочные прогнозы делятся на два фундаментальных типа:

1. *Ложноположительные прогнозы*. Сущность данной группы ошибок состоит в гипердиагностике. Предполагается, что событие (например, преступление) произойдёт, или что объект представляет высокую опасность, но ничего противоправного не случается. Подобные ожидания, как правило, совпадают с усилением репрессивных практик, включая принятие жестких нормативных предписаний, необоснованные задержания, неоправданное ужесточение условий условно-досрочного освобождения, а также применение избыточного надзора.

Первые примеры ложноположительных прогнозов датируются концом 19 в., когда теоретическое оформление получила *концепция Ч. Ломброзо* и его последователей о том, что преступника можно распознать по краниологическим

[278] Dressel J., Hany F. The Dangers of Risk Prediction in the Criminal Jus-tice System // MIT Case Studies in Social and Ethical Responsibilities of Computing. 2021. DOI: 10.21428/2c646de5.f5896f9f

[279] Purves D. What's Wrong with Predictive Policing? // Public Ethics. URL: https://www.publicethics.org/post/what-s-wrong-with-predictive-policing (дата обращения 01.03.26)

параметрам, чертам лица и иным соматическим особенностям. Эти идеи, долго считавшиеся научными, оказали влияние на евгенику, предлагавшую для «искоренения» преступности применять процедуру стерилизации к людям с «опасными» признаками. В итоге теория оказалась несостоятельной, но ценой ошибки стало внедрение программ принудительной хирургической контрацепции в США и ряде стран Европы. Тысячи людей оказались подвергнуты медицинским процедурам. Считается, что к 1957 г. через насильственную стерилизацию в США прошли около 60 тысяч человек[280].

Прогнозы криминолога и политолога Дж. Дилулио мл., автора концепции «суперхищников», кажутся дискуссионными и вызывают много вопросов. Суть его теории сводилась к предсказанию роста насильственной преступности среди молодежи, связанного с демографическими изменениями и обострением социальных проблем. По мнению ученого, ожидалась волна «морально обедневших» подростков, которые станут неконтролируемыми убийцами. В развитие прогноза (в США) были интенсифицированы карательные практики, включая передачу дел несовершеннолетних в суды общей юрисдикции, внедрение политики «нулевой терпимости» и назначение длительных наказаний. Прогнозируемого роста преступности не последовало, а ка-

[280] Кофман А. Инструмент демократии // Совершенно секретно. URL: https://www.sovsekretno.ru/articles/obshchestvo/instrument-demokratii/ (дата обращения 28.02.26)

рательные инициативы привели к ювенализации преступности, увеличению числа молодых людей с тюремным опытом и судимостями[281].

Иллюстрацией ложноположительных прогнозов может служить *Scared Straight* – профилактическая программа информирования несовершеннолетних, разработанная *Р. Хатраком*. Криминологи и политики исходили из убеждения, что просветительская работа с молодыми правонарушителями в форме посещения тюрем будет иметь решающее значение для снижения уровня преступности в данной возрастной группе. В основу рассуждений была положена гипотеза о «шоковом» воздействии подобных мероприятий, предполагающих, в частности, контакты с осужденными и демонстрацию условий их содержания. Однако дальнейшие исследования показали, что подобные инициативы, напротив, увеличивали вероятность противоправного поведения от 7 до 28%[282,283], ложась дополнительным бременем на правоохранительную систему. Для некоторых подростков такие посещения приобрели характер «инициации»; у других вызывали психологическую травматизацию и усиление агрессивных установок; третьи, напротив, начинали воспринимать осужденных в качестве референтных фигур и т.п. Программа, призванная минимизировать преступность, фактически повышала криминализацию молодежи, но из-за

[281] Ghandnoosh N., Muhitch K. A second look at injustice // The Sen-tencing Project. URL: https://www.sentencingproject.org/app/uploads/2022/10/A-Second-Look-at-Injustice.pdf (дата обращения 28.02.26)

[282] Rossen J. When «Scared Straight» Shocked 1970s Television Viewers // Mental Floss. URL: https://www.mentalfloss.com/entertainment/tv/scared-straight-history (дата обращения 28.02.26)

[283] Is the Scared Straight Program Still Active? // LegalClarity Team. URL: https://legalclarity.org/is-the-scared-straight-program-still-active/ (дата обращения 23.02.26)

своей популярности на телевидении применялась десятилетиями.

Экологические теории в криминологии традиционно ассоциируются с именем *О. Ньюмана*. Ряд сформулированных им прогнозов не получил однозначной оценки. Продвигаемый исследователем концепт «*Защищаемого пространства*» (Defensible Space) связывал архитектуру и преступность. Автор утверждал, что высокие многоквартирные дома порождают делинквентность из-за анонимности коридоров и отсутствия у жильцов чувства «собственности» над территорией. Ликвидация таких районов, по мнению О. Ньюмана, должна была снизить криминализацию их обитателей. Эта гипотеза (вместе с другими аргументами) привела к массовому сносу муниципального жилья. Людей переселяли в другие районы, разрывая их связи с работой и школами, или выдавали ваучеры на аренду, что приводило к «экспорту» преступности в относительно благополучные пригороды. Помимо положительных результатов реформы[284] вместо исчезновения преступности произошла ее дисперсия (распыление). В районах, куда переселялись люди, уровень преступности падал медленнее, чем в аналогичных локациях без переселенцев, или даже демонстрировал положительную динамику (особенно имущественные преступления)[285].

[284] В районах сноса общественного жилья уровень насильственных преступлений снизился более чем на 60%, имущественных — на 49%, а преступлений с использованием оружия — на 70% в период 2000–2008 годов (см. подробнее https://www.huffpost.com/entry/public-housing-demoltion-crime_n_1406952)

[285] Popkin S.J., Rich M.J., Hendey L., Hayes C., Parilla J. Public Housing Transformation and Crime: Making the Case for Responsible Relocation. (2012) // MacArthur Foundation. URL: https://www.macfound.org/media/article_pdfs/public_house_trans_crime_1.pdf (дата обращения 23.02.26)

Другим примером выступает *Миннеаполисский эксперимент*. Криминологи *Л. Шерман и Р. Берк* провели исследование, в рамках которого сотрудникам полиции, выезжавшим на сообщения о домашнем насилии, предписывалось в случайном порядке применять одну из трёх мер реагирования: производить арест; осуществлять медиацию (разъяснительную беседу), либо обязывать агрессора покидать жилище на 8 часов[286]. Согласно первичным результатам арест снижал вероятность повторного насилия на следующие полгода, что привело к широкому внедрению законов об обязательном аресте в подобных случаях (Mandatory arrest laws). Позднее эксперимент повторили в других городах (Омаха, Шарлотт, Милуоки, Колорадо-Спрингс). Это позволило выяснить одну деталь, упущенную при поспешном внедрении его результатов. Арест действительно работал как сдерживающий фактор, но для людей, которым было что терять (работа, репутация в обществе). У безработных и маргинализированных лиц задержание вызывало всплеск ярости («эффект обратного удара»). Возвращаясь домой (часто на следующий день), они избивали жертв еще сильнее в отместку за унижение. Более того, пострадавшие из бедных районов перестали обращаться в полицию, зная, что мужа обязательно арестуют (страх потери кормильца, боязнь мести после освобождения и т.п.). В итоге, внедрение практических мер, основанных на линейном прогнозе и опирающихся на выводы одного исследования, способствовало эскалации криминального насилия в некоторых регионах[287].

[286] Sherman L.W., Berk R.A. The Minneapolis Domestic Violence Experiment. 1984 // Police foundation reports. URL: https://clck.ru/3RsApj (дата обращения 27.02.26)

[287] Iyengar R. Does the certainty of arrest reduce domestic violence? evidence from mandatory and recommended arrest laws // National bureau of economic research. Working Paper 13186. URL: http://www.nber.org/papers/w13186 (дата обращения 27.02.26)

На современном этапе развития использование *цифровых технологий* как инструмента профилактики преступности сопряжено с риском *ложноположительных прогнозов и ошибочной идентификации*. Накопленная практика свидетельствует, что такие просчеты способны поставить под сомнение чрезмерно оптимистичные ожидания человечества от использования данных технических решений. Иной раз алгоритмы фиксируют формальные совпадения и отправляют сигналы тревоги, ошибочно указывая на законопослушных граждан как на потенциально опасных. Российской практике известны уязвимости автоматизированного контроля. Они имели место, когда системы на базе ИИ ошибочно привлекали людей к административной ответственности за нарушение режима самоизоляции (например, парализованных инвалидов)[288], несоблюдение правил дорожного движения[289] и т.п. Имеются проблемы в работе инструментов прогноза рецидива (Risk Assessment Instruments, RRA). Ошибки таких моделей приводят к неверному отнесению лиц к категории «высокого риска», расовой и иной сегрегации и т.п. Эта практика влияет на назначение более строгих наказаний, увеличение залогов, отказы в условно-досрочном освобождении[290,291]. Подтверждаются ошибки в алгоритмах предиктивного патрулирования. Их применение

[288] Gubko V., Novogonskaya M., Stepanov P., Yundina M. AI and Administration of Justice in Russia // Revue Internationale de Droit Penal (France). 2023. No 7. Pp. 1–22.

[289] Водители получают ошибочные штрафы с камер из-за излишнего доверия к ИИ // Четвертая Власть. URL: https://www.4vsar.ru/news/voditeli-polychaut-oshibochnye-shtrafy-s-186673/ (дата обращения 27.02.26)

[290] Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias // Pro publica. https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing (дата обращения 01.03.26)

[291] Humerick J. D. Reprogramming Fairness: Affirmative Action in Algorithmic Criminal Sentencing // HRLR Online. 2019. No. 4. 213.

формирует «петли обратной связи». Районы, где полиция присутствует чаще, дают больше зафиксированных правонарушений, после чего модель вновь направляет ресурсы в те же локации. В результате усиливаются диспропорции полицейской деятельности, происходит зацикливание внимания на отдельных социальных пространствах, а ресурсы смещаются в сторону выявления легко регистрируемых нарушений[292].

Ложноположительные прогнозы встречаются довольно часто. В качестве примеров можно указать доктрину «*Nothing Works*», сформулированную социологом *Р. Мартинсоном*; прогнозы, связанные с законом «*трёх ударов*» и ориентацией на массовую изоляцию хронических преступников в США; просчёты в прогнозировании последствий антиалкогольных кампаний (СССР в 1985 г.; США в 1920 г.), политику «*нулевой терпимости*» и другие случаи. Общим для прогнозов, встроенных в эти общественно-политические концепции, была опора на линейную причинно-следственную логику, которая не подтвердила своей футурологической состоятельности. Вместо ожидаемого снижения преступности институционализация подобных прогнозов выступала катализаторами её роста.

2. *Ложноотрицательные прогнозы* («ошибки пропуска цели») предполагают ситуации, при которых риск оценивается как низкий и представляется, что неблагоприятное событие не наступит, однако фактически оно происходит, выражаясь, в частности, в совершении преступлений.

[292] Lum K., Isaac W. «To predict and serve?» // Significance. 2016. No. 5 (13). Pp. 14-19. DOI: 10.1111/j.1740-9713.2016.00960.x

Ошибки пропуска цели особенно опасны, поскольку влекут непредотвращенные преступления и дополнительный социальный ущерб.

Один подобных «промахов» связан с использованием алгоритмов оценки риска рецидива в уголовном правосудии, таких как COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions). В исследовании ProPublica было показано, что настоящий программный комплекс в некоторых случаях относил индивидов к группе низкого риска, что приводило к их досрочному освобождению или смягчению мер пресечения, после чего данные лица совершали новые преступления[293].

Показательным случаем, демонстрирующим потенциальный ущерб ложноотрицательных прогнозов, стал теракт на Лондонском мосту (2019). Его исполнитель У. Хан ранее был осужден за терроризм, но был освобожден, поскольку считался примером успешной реабилитации. Он участвовал в программе ресоциализации «Learning Together» и рассматривался как лицо со сниженным риском рецидива. Индивидуальный прогноз заключался в том, что он безопасен для общества настолько, что ему позволили отправиться в Лондон на конференцию без конвоя[294].

В плане предотвращения массовых убийств классическим примером ложноотрицательного прогноза считается трагедия в школе Паркленд (США) в 2018 г.

---

[293] Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias // Pro publica. https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing (дата обращения 01.03.26)

[294] Лондонский террорист был примером программы реабилитации заключенных, на собрании которой он устроил атаку // «Рамблер». URL: https://clck.ru/3RyhY3 (дата обращения 01.03.26)

ФБР и местные правоохранительные органы получали предупреждения о поведении одного из учеников, включая сообщения о готовящемся нападении на школу[295]. Однако на этапе скрининга эти сигналы были оценены как не требующие немедленного вмешательства[296]. В результате погибло 17 человек. Ценой ошибки стали не только человеческие жертвы, но и многомиллионные иски, отставки местных чиновников и кризис доверия к спецслужбам.

Немало ложноотрицательных прогнозов лежит в области системной работы с домашним насилием в зарубежных странах. Это случаи, когда инструменты оценки риска (например, DASH в Великобритании, ODARA или Lethality Assessment Protocol в США или др.) не позволяют адекватно оценивать опасность инцидента для жертв, что иногда ведет к трагическим последствиям. Случается, что чек-листы домашнего насилия (фактически алгоритмы оценки рисков) выдают низкий балл опасности абьюзера, если ранее он не привлекался за сходные нарушения или ведет себя спокойно после прибытия полиции. В таких случаях меры по его изоляции не предпринимаются. По данным исследований, в 67 % случаев смертельного насилия, по которым ранее имелся контакт с полицией, были зафиксированы ложноотрицательные результаты[297].

[295] A «school shooter in the making»: Callers warned authorities about Nikolas Cruz's threats and guns // Oklahoma's News Channel 4. URL: https://clck.ru/3Ryhdh (дата обращения 02.03.26)

[296] Provenzano B. Parkland Exposed Major Flaws in the FBI's Tip Line. Its Proposed Fix May Present New Problems // Pacific Standart. URL: https://clck.ru/3Ryhgb (дата обращения 02.03.26)

[297] Chalkley R., Strang H. Predicting Domestic Homicides and Serious Violence in Dorset: a Replication of Thornton's Thames Valley Analysis // Cam-bridge Journal of Evidence-Based Policing. 2017. No. 1. Pp. 81–92. DOI: 10.1007/s41887-017-0010-2

В заключение следует подчеркнуть, что ошибки в криминологическом прогнозировании не сводятся к сугубо теоретическим просчётам. Поскольку прогнозы нередко выступают основанием для управленческих решений и нормативного регулирования, их несостоятельность способна трансформироваться в системные издержки публичной политики. Криминологический прогноз необходимо рассматривать не только как аналитический инструмент, но и как элемент механизма правового и управленческого воздействия. Это обусловливает повышенные требования к осуществлению подобных практик. Цена ошибок в прогнозировании измеряется не абстрактной точностью расчётов, а последствиями для безопасности общества, человеческими жизнями и устойчивостью публичных интересов.

Опасности декриминализации

Правотворческая политика имеет немало форм: от криминализации до дифференциации уголовной ответственности и уголовного наказания[298].

Хотелось бы заострить внимание на одной из ее сторон, а именно *декриминализации* и сопутствующих ей криминогенных эффектах. Последняя понимается как *исключение тех или иных деяний из сферы уголовно-правового регулирования*. Причинами могут стать утрата общественной опасности, невозможность (нецелесообразность) уголовно-правового воздействия на те или иные сферы общественной

[298] Шеслер А.В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 136–141

жизни[299] и т.п. Мотивами декриминализации выступают очевидная и разумная целесообразность; стремление снизить репрессивное давление; оптимизация уголовного законодательства; воля и желание законодателя[300]; профилактика злоупотреблений со стороны отдельных групп правоприменителей путем снятия с них части карательных полномочий и др.

Нельзя не отметить, что подобные шаги нередко оборачивается результатами, диаметрально противоположными заявленным целям. Декриминализация, задуманная как шаг к гуманизации, не раз становилась отправной точкой новых форм делинквентности.

Наблюдаются ситуации, когда правоприменительная система заходит в концептуальный тупик: декларативное смягчение норм порождает новые социальные вызовы и опосредованно ведет к еще большему усилению карательных практик.

Это явление следует обозначить как *обратный эффект декриминализации*, т.е. социально-правовой феномен, при котором формальное смягчение уголовно-правовых норм (декриминализация или снижение интенсивности наказания) вызывает последующий рост правонарушений.

Подобную ситуацию легко спутать с увеличением инцидентности декриминализованных деяний, когда растёт не их количество, а число обращений и регистраций. Пока наказание было суровым пострадавшие или свидетели могли не

[299] Там же

[300] Прозументов Л.М. Обусловленность криминализации и декриминализации деяний // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 76–79

обращаться в правоохранительные органы – опасаясь за себя или преступника (особенно при бытовых конфликтах). Когда санкции становятся мягче, «скрытые» случаи чаще начинают попадать в официальную статистику. Наблюдается рост отчётных показателей, хотя фактическое число деяний могло не изменится. Обратный эффект декриминализации, напротив, является свидетельством усиления девиантной активности в обществе, вызванной, прежде всего, исключением отдельных норм из уголовного законодательства.

Происходит это по разным причинам:

Во-первых, наблюдается *нормализация криминального поведения*. Вычеркивание деяний из списка запрещенных воспринимаются обществом как шаг к их социальной приемлемости. Люди, прежде опасавшиеся наказаний или воздерживающиеся от указанных поступков по моральным соображениям, могут пересмотреть установки.

Во-вторых, не исключено *растормаживание асоциальных импульсов*. Когда наказание отменяется или смягчается, потенциальные нарушители пересматривают «цену риска». Если она падает, а потенциальная выгода остаётся прежней, разумно ожидать роста преступности. Например, «Предложение 47» (или «Закон о безопасных районах и школах») в Калифорнии (2014 г.). Суть реформы сводилась к тому, что ряд ненасильственных преступлений, в том числе кражи на сумму до 950 долларов, были отнесены к категории мисди-

миноров (мелких правонарушений), а не фелоний (уголовно-наказуемых деяний)[301]. Эффект от новых правил оказался негативным: увеличилось число насильственных и имущественных преступлений, особенно магазинных краж. В итоге «Предложение 47» было отменено[302].

В-третьих, определенную роль может сыграть *отставание профилактической инфраструктуры*. Зачастую декриминализация оказывается неэффективной без корреспондирующих мер. Среди них: проведение информационных кампаний; использование альтернативных санкций; усиление профилактики и точечного контроля в зонах повышенного риска; инвестиции в социальные институты, способные некарательными методами обеспечить решение проблем и т.п. Если эти механизмы не функционируют, одного исключения деяния из списка запрещенных, может быть недостаточно. В частности, в Португалии после декриминализации хранения наркотиков наблюдался кратковременный рост их употребления у отдельных групп населения[303]. Местные власти в дополнение ко всему вынуждены были проводить масштабные разъяснительные кампании, подчёркивая, что употребление по-прежнему является нарушением (хотя и административным) и что наркозависимость – медицинская, а не уголовная проблема. Без этой работы, а также перенастройки системы здравоохранения, внедрения мер социальной поддержки, агитации и много другого - цели декриминализации оказались бы не достигнуты.

---

[301] Miranda D. Proposition 47. URL: https://www.mirandarightslawfirm.com/blog/proposition-47/ (дата обращения: 18.12.2025).

[302] Кузмак А. Товары народного ограбления: количество магазинных краж в США продолжает расти // Известия. URL: https://clck.ru/3QtXY4 (дата обращения: 15.12.2025).

[303] Addiction Treatment as a Priority Over Punishment in Portugal // Project «Narcononeurope». URL: https://clck.ru/3QtXgN (дата обращения: 15.12.2025).

В-четвертых, отмечается *игнорирование многомерного характера превенции в отношении деяний, предлагаемых к декриминализации*. Уголовно-правовое преследование выполняет несколько функций, включая «двойную превенцию», регулируя деяния за пределами непосредственного запрета. Декриминализация нормы может «потянуть» за собой другие составы преступлений, которые она предупреждала. Так, по данным американских исследований, декриминализация употребления марихуаны в США повлекла увеличение смертности в результате дорожно-транспортных происшествий на 4,1% и рост травм на 5,8%[304]. Виной тому оказались водители, находившиеся в состоянии наркотического опьянения. При этом правоохранительные органы продолжали расходовать ресурсы на пресечение и расследование дорожно-транспортных преступлений, тогда как фактор, повышающий вероятность их совершения (наркопотребление), в условиях смягчения правового режима оказался без внимания.

Обратные эффекты декриминализации можно классифицировать следующим образом:

1. Декриминализация, увеличивающая социальные издержки (необоснованные экономические затраты, снижение качества правоохранительной деятельности и т.п.).

Наиболее масштабным примером является декриминализация контрабанды (ст. 188 УК РФ), которая утратила силу в декабре 2011 г. в России. До этого момента перемещение

[304] Charles M.F., Samuel S.M., Amber N.W. Changes in traffic crash rates after legalization of marijuana: results by crash severity // Journal of Studies on Alcohol and Drugs. 2022. No. 83:4. Pp. 494–501.

товаров в крупном размере с сокрытием от таможенного контроля являлось уголовным преступлением. После реформы ответственность за ввоз обычных товаров (одежды, электроники) перешла в административную плоскость, а уголовная ответственность сохранилась лишь за контрабанду специфических предметов (оружие, наркотики, культурные ценности, позже - алкоголь и табак). Экономический ущерб от этого решения проявился в резком росте «серого» импорта. Недобросовестные участники внешнеэкономической деятельности стали воспринимать административные штрафы как рядовые издержки, поскольку риск лишения свободы исчез. Это привело к прямым потерям федерального бюджета из-за неуплаты таможенных пошлин и НДС. Был нанесен колоссальный ущерб[305], прежде всего, отечественной легкой промышленности и сельскому хозяйству: российские производители не смогли конкурировать по цене с товарами, ввезенными без уплаты налогов.

Другим примером нанесения ущерба корпоративному сектору является повышение порога ущерба при квалификации краж (ст. 158 УК РФ). Увеличение суммы, разграничивающей административное хищение и уголовно наказуемую кражу (до 2500 рублей, а с квалифицирующими признаками - до 5000 рублей), привело к росту потерь розничного ритейла. Торговые сети столкнулись с профессионали-

[305] Заиграева В.К. Уголовная ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов в условиях функционирования Евразийского экономического союза: дис. … канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2023. 256 с

зацией «шоплифтеров», которые намеренно совершали хищения на суммы строго ниже уголовного порога, понимая, что за это им грозит лишь административный штраф.

2. Декриминализация, меняющая формы и методы совершения преступлений.

Отмена отдельных преступлений подчас приводит не к исчезновению самого явления, а к его качественной трансформации, вынуждая преступников адаптироваться. Они начинают использовать методы, позволяющие балансировать на грани административного и уголовного права, что существенно усложняет работу правоохранительной системы. Например, в некоторых странах, где проводилась декриминализация хранения небольших доз наркотиков (для личного потребления) это решение кардинально изменило логистику наркоторговли. Крупные дилеры перестали хранить товар на одной «точке», так как это влечет уголовную ответственность. Вместо этого они перешли к сетевому методу распространения через так называемых «муравьев», «дропов», или «кладменов», носящих с собой строго дозированное количество вещества, не превышающее установленных порогов. Если такого курьера задержит полиция, ему грозит штраф или принудительное лечение, но не тюремный срок. Преступность адаптировалась, заменив риск потери ключевых сотрудников на массовое использование расходного персонала, защищенного декриминализацией.

3. *Декриминализация, повышающая рост показателей девиантного поведения* (болезни, поведенческие патологии, административные проступки и преступления).

Ярким примером негативных последствий декриминализации является опыт штата Орегон (США), где в 2020 г. была принята «Мера 110», отменившая уголовную ответственность за хранение незначительного количества «тяжелых»

наркотиков, таких как героин, метамфетамин и фентанил. Вместо ареста нарушителям выписывали административный штраф. Результатом реформы стал резкий всплеск смертности от передозировок (до 700%)[306], значительное увеличение числа бездомных, страдающих зависимостью, и рост преступности, что в конечном итоге вынудило власти штата пересмотреть политику, вернув уголовную ответственность за хранение наркотиков в 2024 г. вследствие неконтролируемого роста сопутствующих патологий и коллапса системы общественной безопасности.

Другой случай произошел в Таиланде после исключения каннабиса из списка наркотических веществ в 2022 г., что фактически означало его полную декриминализацию без создания четкой законодательной базы для регулирования оборота. Это привело к мгновенному и хаотичному росту точек продаж и бесконтрольному потреблению вещества, в том числе среди несовершеннолетних. Медицинская статистика зафиксировала существенный рост госпитализаций, связанных с психическими расстройствами, вызванными употреблением каннабиса, а также случаев отравления пищевыми продуктами с содержанием ТГК. В местных СМИ неоднократно сообщалось о сопутствующем росте преступности и всплесках насилия, связанного с наркотиками[307].

Декриминализация тунеядства, произошедшая в 1991 г. с принятием закона «О занятости населения в РСФСР», по-

[306] В штате Орегон вернули наказание за хранение наркотиков // ИА «Красная Весна». URL: https:// rossaprimavera.ru/news/32be3482 (дата обращения: 15.12.2025).

[307] Andrews L. America, take note: Thailand is set to REVERSE weed legalization after spike in cannabisrelated mental health issues and crime — with government calling pot 'a big problem // Dailymail. URL: https://clck.ru/3QtY6p (дата обращения: 15.12.2025).

влекла за собой ряд последствий, которые в криминологическом и социальном аспектах оцениваются как негативные, несмотря на общую демократизацию трудовых отношений. Это связано с ускорением процессов маргинализации и люмпенизации уязвимых слоев населения. Государство фактически отказалось от функции принудительной социализации лиц, склонных к бродяжничеству, алкоголизму и асоциальному образу жизни, которые ранее через систему принуждения вовлекались в трудовую деятельность и находились под надзором. Исчезновение этого сдерживающего фактора способствовало росту числа лиц без определенного места жительства и занятий, что создало питательную среду для преступности.

В современной российской практике, звучат мнения о том, что смягчение ответственности за побои повлекло ухудшение криминогенной обстановки. В 2018 г. председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин напрямую связал зафиксированный рост случаев домашнего насилия с последствиями декриминализации побоев, которая перевела первичные акты насилия в разряд административных правонарушений. Замена уголовного наказания на штрафы не только снизила превентивную функцию закона, но и породила у домашних тиранов чувство безнаказанности, развязавшее им руки для совершения более тяжких преступлений[308].

[308] Галеева Д. Штрафной синяк. Что дает послабление закона семейным тиранам и их жертвам? //Еженедельник «Аргументы и Факты». 2017. № 8.

4. *Декриминализация, негативно влияющая на массовую психологию*.

Глубинное влияние на коллективную психологию оказала отмена уголовной ответственности за спекуляцию и частнопредпринимательскую деятельность в начале 1990-х гг., когда действия, десятилетиями считавшиеся тяжкими преступлениями против государства, одномоментно стали основой новой экономики. Резкая смена полярности без переходного периода адаптации привела к всплеску правового нигилизма, когда старые нормы рухнули, а новые еще не сформировались, что породило в обществе терпимость к сомнительным методам обогащения и ощущение, что закон является лишь условностью, зависящей от текущей конъюнктуры.

Таким образом, декриминализация несет в себе риски усиления преступности. Гуманизация законодательства, если она проводится механически, часто приводит не к снижению напряженности в обществе, а всплеску противоправного поведения. Исключение деяния из уголовного законодательства нередко воспринимается гражданами как сигнал о допустимости и нормальности такого поведения. Декриминализация без комплексного подхода и учета всех факторов ведет не к оздоровлению общества, а к усилению социальных проблем.

Глава XII. Еще раз о роботах

Вопросы: *Преступность роботов. Роботы как жертвы преступлений.*

В 1981 г. японский служащий, 37-летний работник мотоциклетного завода, был «убит» роботом с искусственным интеллектом, который работал с ним по соседству. Устройство неправильно идентифицировало сотрудника как угрозу своей миссии и рассчитало, что наиболее эффективным способом её устранения будет подтолкнуть человека к ближайшей операционной машине. При помощи гидравлической руки, робот неожиданно впечатал рабочего в находящееся рядом промышленное оборудование, что привело к его мгновенной смерти. После чего машина вернулась к исполнению своих обязанностей[309]. Произошедшее на заводе, помимо трагичности инцидента, было еще метафорическим вопросом, адресованным в будущее. Звучит он примерно так: *что делать, если подобное повторится и роботы будут отбирать человеческие жизни?* С этого момента прошло уже много лет, но ответа на вопрос до сих пор не дано.

Одним из аспектов сформулированной проблемы является криминальное использование роботов, а также риски их автономного преступного, а также виктимного поведения в будущем. Требуется разработка ключевых понятий, касающихся данной темы, и выявление условий, которые могут привести к развитию автономной криминальности (виктимности) интеллектуальных машин.

[309] Hallevy G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities – from Science Fiction to Legal Social Control // Akron Intellectual Property Journal. 2010. No. 4 (2). Pp. 171-201.

Обращаясь к художественным произведениям и кинолентам, исполненным в духе наивного кибероптимизма, взору предстают дружелюбные роботы-помощники и ассистенты. Они помогают в быту, производстве, медицине, а также заменяют человека при выполнении опасных задач. «Робот-полицейский» (1987) Пола Верховена, ведущий войну с преступностью; забавные R2-D2 и C-3PO из франшизы «Звездные войны» (1977) - незаменимые подручные главных героев на образах которых выросли несколько поколений зрителей; одухотворённый мальчик-андроид Дэвид, который становится компаньоном для своего владельца в поисках любви и признания («Искусственный разум», 2001) и т.д. Ж. Фреско в техноутопии «Всё лучшее, что не купишь за деньги» (2013) озвучивает жизнеутверждающие мысли: «Роботы уже сегодня могут выполнять практически всю тяжёлую и монотонную, так называемую чёрную работу. В ближайшем будущем человек сможет заниматься *исключительно творческой деятельностью, а также уделять больше времени своим родным и близким*». К сожалению, эти рассуждения в большей степени отразили мечтательные ожидания современного человека.

Вместе с тем, процесс осознания угроз, исходящих от роботов, также прошел длинный путь *формализации*, т.е. осмысления и закрепления в научной парадигматике. Его начало положено в 20 в. писателями-фантастами: драма Карела Чапека «Робот» (1920) повествует о том, что машины, созданные для облегчения труда человека, оборачиваются против своего создателя и начинают осуществлять насилие. В романе Филипа К. Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (1968) обсуждается проблема криминального поведения репликантов - сознательных и чувствующих искусственных людей, которые в конечном итоге превзошли

своих творцов в человечности. Цикл научно-фантастических рассказов Айзека Азимова «Я, робот» (1950) исследует различные аспекты взаимоотношений и этических проблем, связанных с искусственным интеллектом. В частности, очерк «Разрешимое противоречие» (The evitable conflict) посвящен ситуации в которой суперкомпьютер, контролирующий мировую экономику, совершает действия вполне схожие с актами политической преступности по человеческим меркам. Озвученные проблемы продолжают тревожить и современных писателей, подчеркивая свой непреходящий характер (например, «Восстание роботов» Дэниела Х. Уилсона 2014 г. или обширная фильмография, посвященная «робопокалисису»).

Эти общественные запросы не остались незамеченными и постепенно начался процесс их *сциентизации*, т.е. познания с использованием научных методов и принципов.

В этом процессе подобающее место заняли и уголовно-правовые науки (уголовное право, цифровая криминология, кибервиктимология и проч.). Сегодня можно утверждать, что концептуализация понятий в рассматриваемой области завершается, а исследуемая тема обретает теоретические контуры.

Это связано с появлением научных работ, посвященных ответственности роботов, а также вопросам их юридиче-

ской субъектности. В последние годы опубликованы незаурядные труды П. Асаро[310]; Р. Кало[311]; Р. Боге[312]; Г. Халлеви[313]; Н. Шарки[314] и других авторов, разделяющих озабоченность общества потенциалом искусственного интеллекта осознанно преступать уголовно-правовые границы дозволенного.

В России и на Украине увидели свет произведения талантливых ученых, среди которых И.Р. Бегишев[315,316,317,318],

[310] Asaro P.M. Robots and Responsibility from a Legal Perspective // Proceedings of the IEEE. 4 /14 (2007): 20-24.

[311] Calo R. Robotics and the Lessons of Cyberlaw // California Law Review. Vol. 103, No. 3, pp. 513-63 (2015), University of Washington School of Law Research Paper No. 2014-08

[312] Bogue R. Robot ethics and law // Industrial Robot: An International Journal. 2014. No. 4 (41). Pp. 335-339.

[313] Hallevy G. When Robots kill: Artificial intelligence under criminal law Northeastern University Press, 2013. 265 p.

[314] Sharkey N., Goodman M., Ross N. The coming robot crime wave // IEEE Computer. 2010. No. 8 (43). Pp. 115-116.

[315] Бегишев И. Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой: монография. – Москва: Проспект, 2022. – 384 с.

[316] Бегишев И. Р. Уголовно-правовое регулирование робототехники: монография. Москва: Проспект, 2022. 320 с.

[317] Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон: монография. Москва: Проспект, 2021. 192 с.

[318] Бегишев И.Р. Автономная робототехника в системе уголовно-правовых отношений. - Москва: Проспект, 2022 // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 4. С. 503-504.

Н.В. Катаргин[319], К.С. Мусина[320], Панг Дунмэй и Н.В. Ольховик[321], О.Е. Радутный[322] и другие. На обсуждение вынесены вопросы уголовного преследования искусственного интеллекта, философские и юридические предпосылки уголовной ответственности роботов, а также возможные трудности на этом пути.

Думается, что возникшая дискуссия уместна и заблаговременна. Переход исследований из области научной фантастики на академическую ступень анализа отражает реальность происходящих процессов. Разумеется, сегодня робопреступность, в большей степени, является предметом футурологических изысканий. В сложившихся условиях юридическая наука не допускает виновности машин и наличия у них каких-либо признаков воли. Однако имеющийся задел в технологическом развитии свидетельствует о том, что именно у этого сценария есть все шансы состояться. Подобное может произойти при наличии комплекса важных условий. Перечислим их (равно как и для возникновения виктимности роботов):

---

[319] Катаргин Н.В. Трансформация цивилизации: война роботов с людьми в информационном пространстве // Цифровая трансформация социальных и экономических систем. Материалы международной научно-практической конференции. 2022. С. 556-565

[320] Мусина К.С. Интерпретация искусственного интеллекта как субъекта уголовной ответственности: перспективы и реалии // ELS. 2023. URL: https://clck.ru/35X8Ym (дата обращения: 31.08.2023).

[321] Панг Дунмэй, Н.В Ольховик. Уголовная ответственность за действия искусственного интеллекта: подход России и Китая // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2022. №8.

[322] Radutniy O.E. Criminal liability of the artificial intelligence // Проблеми законності. 2017. No. 138. Pp. 132-141.

- *глобальная роботизация*, т.е. процесс, посредством которого люди, обычно выполняющие какие-либо задачи, заменяются машинами того или иного типа[323]. Речь не только о производственных или экономических циклах: общество находится на пороге роботизации социальной среды, повседневной жизнедеятельности, связанной с удовлетворением потребностей личности, в т.ч. духовных[324]. Эти процессы окажут влияние на разные области жизни, включая рынок труда, социальные отношения, доступность услуг и даже *самоопределение людей*;

- *антропологизация роботов*, т.е. придание или присвоение искусственным созданиям человекоподобных характеристик и свойств. Описываемый тренд неизбежно приведет к сущностному рассмотрению робота не только как объекта, но и как субъекта, способного к относительно автономным действиям. Уже сейчас в современную криминологию может быть введено понятие «общественно опасные деяния роботов» (по аналогии с «общественно опасными деяниями малолетних», также не являющихся субъектами преступного поведения). Нельзя исключать, что по мере развития технического прогресса, роботы начтут обретать своего рода персональность или субъектность (произойдет закрепление соответствующего правого статуса, на легальном уровне начнут защищаться их права и т.п.);

- *интеллектуализация или когнитивогенез роботов* (появление машинного сознания и мышления более высоких

[323] Rhett A. The robotification of society is coming. URL: https://www.wired.com/2015/01/robotification-society-coming/ (дата обращения 15.09.2023).

[324] Гасумова С.Е. Портер Л. Роботизация социальной сферы // Социология науки и технологий. 2019. № 1 (10). С. 79-94.

уровней). Это позволит искусственным организмам ощущать, анализировать, интерпретировать и принимать решения на основе полученной информации без вмешательства человека. Произойдет усложнение машинных навыков, включая распознавание образов, общение, творчество, планирование и самообучение, что позволит роботам лучше взаимодействовать с окружающей средой и выполнять нетривиальные задачи. Данный процесс является имитацией человеческого мышления и способствует созданию более интеллектуальных и адаптивных систем. Подобное станет возможным благодаря реализации таких научных подходов, как *искусственный интеллект*, *нейронные сети* и разработка алгоритмов *моделирования когнитивных функций человеческого мозга*;

- *появление программных аналогов воли* является одним из важнейших условий генеза робопреступности. Дело в том, что совершение криминальных актов считается проявлением свободной воли человека (без учета идей *нейробиологии воли*, которые ставят под сомнения это утверждение). Подобные прогнозы могут оказаться реальностью благодаря *эволюционному программированию*, *генетическим алгоритмам* и другим средствам оптимизации, которые позволят роботам «эволюционировать». Искусственный интеллект, наделенный волей, будет способен самостоятельно создавать и изменять внутренние алгоритмы (модели поведения) вне какого-либо контроля, реализуя сценарии активности, в том числе квалифицируемые как преступления. В настоящее время все предпосылки для этого имеются. По утверждению специалистов компании Google их квантовый

компьютер на базе процессора «Sycamore» уже способен обладать свободой воли[325];

- *переориентация преступной деятельности* людей в направлении всё большего использования роботов в криминальных целях, как нового инструмента посредственного исполнения;

- *возникновение технически непреодолимых задач этического программирования*, связанного в том числе с обучением роботов действиям в условиях неопределенности или наличия моральных дилемм. Реализация этой задачи представляет большую сложность. Но если она будет каким-то образом решена, всё равно никто не окажется застрахован от различных дефектов алгоритма этического выбора, когда программисты не смогут учесть весь комплекс морально-нравственных аспектов поведения;

Итак, социативное действие вышеперечисленных условий может оказать положительное влияние на становление и развитие робопреступности, как социально-технического явления.

Осознавая потенциальные риски, связанные с возможным прогнозом общественного развития, представляется целесообразным предложить некоторые доктринальные понятия изучаемой сферы. Сюда входят терминологические единицы, необходимые для формализации проблемы. Перечислим их:

[325] Соколова О. Квантовый процессор Google осознает себя? Почему квантмех и свобода воли (не) связаны, и почему это неочевидно. URL: https://habr.com/ru/articles/560284/ (дата обращения 09.09.2023).

- *общественно опасное деяние робота* – поведение автоматического интеллектуального устройства, которое причиняет существенный вред обществу или создает реальную угрозу его причинения (например, несанкционированные физические атаки на человека в результате сбоя алгоритма у служебного робота; некорректное управление транспортными средствами со стороны ИИ в результате чего происходит гибель водителя или пассажиров[326] и т.д.). Подобные ситуации могут стать результатом ошибок программного кода, неточностей в работе систем распознавания и идентификации и др. Любопытный пример общественно опасных деяний роботов предложил И.Р. Бегишев, упомянув потенциальную опасность неконтролируемой деятельности промышленных и спасательных роботов, которые решая свои узкие задачи (вырубка леса, спасение человека и т.д.) способны причинить катастрофический сопутствующий вред[327];
- *преступное деяние робота* – общественно опасное действие (бездействие), совершенное роботом или искусственным интеллектом в результате самопрограммирования и инициативного создания (изменения) имеющихся алгоритмов;
- *роботизированное преступное деяние* подразумевает противоправный акт человека, который совершается при помощи или с участием робота / автономной системы.

[326] Искусственный интеллект убил первого человека // Российская газета. URL: https://rg.ru/2016/07/01/iskusstvennyj-intellekt-ubil-pervogo-cheloveka.html (дата обращения 24.09.2023).

[327] Бегишев И.Р. Криминологическая классификация роботов: риск-ориентированный подход // Law Enforcement Review. 2021. № 1 (5). С. 185-201.

Подобный кластер криминальных инцидентов уже представлен в практике правоохранительных органов. Сегодня роботы используются преступниками в следующих сферах:

- *траффик и логистика* (доставка наркотиков или запрещенных предметов, например, использование дронов для переброски психоактивных веществ в исправительные учреждения);

- *работа телекоммуникационных систем* (хакерство и нарушение закона с использованием виртуальных роботов или ботов, начиная от мошеннических чат-ботов и заканчивая созданием бот-нетов для кибератак);

- *деятельность экономических институтов* (манипулирование рынками при помощи биржевых ботов, особенно на децентрализованных биржах[328]);

- *частная жизнь* (нарушение приватности и конституционных прав граждан посредством несанкционированного сбора информации при помощи роботов со встроенными камерами и микрофонами);

- *отношения в сфере собственности* (использование роботов для совершения деяний, посягающих на имущество граждан. Например, роботы-взломщики замков[329], беспилотные аппараты, позволяющие проникать на различные объекты, отключать системы безопасности и т.д.);

Помимо этого, вполне реальными представляются роботы, используемые для физического насилия (БПЛА с навесным оружием); роботизированная промышленная

[328] Винья П. Как боты манипулируют курсами криптовалют? // Ведомости. URL: https://clck.su/AafJc (дата обращения 24.09.2023).

[329] Lock-Cracking Robot Is Your Companion in Crime. URL: https://www.wired.com/2011/03/lock-cracking-robot-is-your-companion-in-crime/ (дата обращения 24.09.2023).

преступность, связанная с несанкционированным использованием производственных роботов и проч.;

- *робопреступность* (футурологическое определение) - совокупность преступных деяний, которые совершаются автономными роботами без непосредственного санкционирования и контроля со стороны оператора, а также не являются частью изначально заложенного в них алгоритма (программного кода);

Исходя из некоторых социологических и криминологических концепций робопреступность в будущем можно интерпретировать, опираясь на несколько концепций:

- *теория рационального выбора*. Согласно этой концепции, преступление совершается, когда индивид принимает решение о целесообразности такого поведения, взвешивая при этом возможные выгоды и риски. В случае инцидентов со стороны роботов, преступление может быть результатом принятия алгоритмического решения о нарушении закона при этом, машина определяет это поведение как недопустимое с точки зрения «человеческих законов». Основанием выступает некая выгода, например, получение доступа к ресурсам, получение возможности выполнять заложенные задачи без ограничений или выработанный «инстинкт самосохранения»[330];

- *теория социального контроля* объясняет преступность низкой степенью связи девианта с обществом и недостаточностью воздействия на него социальных институтов. Применительно к роботам эти допущения могут предполагать ис-

[330] Харчевникова П. Исследователи обеспокоились развитием у ИИ «инстинкта самосохранения» // РБК. URL: https://clck.su/KLthY (дата обращения 30.04.2026).

токи их отклоняющегося поведения в недостаточном контроле или программных ошибках, которые позволят машине вести себя противозаконно. В такой ситуации решение проблемы видится в регулировании поведения роботов путем совмещения «smart-контракта» с блокчейном. «Smart-контракт» регулирует алгоритмические процессы, происходящие внутри машины, блокчейн помогает определить конкретное лицо, повинное в неполадке, приведшей к неправомерным действиям робота[331]. Однако наличие свободы воли и недетерминированности в принятии решений у роботов сведет на нет подобные формы контроля;

- *теория дифференциальной ассоциации* утверждает, что люди осваивают навыки и поведение через социальные контакты. В случае с самообучаемыми роботами, проявление их криминальности может объясняться усвоением ценностей, установок, методов преступного поведения, заимствованных в ходе социальных контактов с другими субъектами;

- *теория конфликта* предполагает, что преступность может быть результатом конфликтов и неравенства в обществе. Если робот, как социальный субъект, будет принимать участие в конфликтах, то наиболее оптимальной формой функционирования может быть избрано преступное поведение в попытке справиться с этими проблемами.

В заключении можно сделать несколько выводов:

- имеются некоторые основания утверждать, что на данном этапе исторического развития уже действуют разные

[331] Скуба А. Роботы в законе: часть 2. URL: https://robotoved.ru/robots_in_law_2/ (дата обращения 5.09.2023).

группы факторов, способных детерминировать преступную деятельность автономных интеллектуальных машин;

- криминальное использование роботов является актуальной проблемой, существующей в повседневной реальности;

- общественно опасное поведение роботов (автономное) является актуальной проблемой и все ещё проявляется в единичных инцидентах. Оно может приводить к серьезным последствиям, включая угрозу жизни и здоровью человека;

- происходит формирование представлений о мерах безопасности, которые могут быть приняты для предотвращения робопреступности (общественно опасного поведения роботов). Например, разработка алгоритмов безопасности, внедрение в робототехнику смарт-контрактов и блокчейна;

- вероятно, некоторые криминологические теории и концепции, которые объясняют преступное поведение людей, могут быть также применимы для интерпретации робопреступности.

Судя по всему, новые условия общественной жизни порождают новые типы опасностей. Сказанное ни в коем случае не умаляет мысль о том, что роботы не полезны. Несколько удручает то, что в свете последних событий и военных конфликтов, первый закон робототехники А. Азимова[332] как бы сошел на нет. Имеющиеся образцы военных роботов опровергают его своим существованием. Очевидно, что

[332] Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

прогрессивное внедрение робототехники требует ответственного и осознанного подхода. Необходим учет потенциальных угроз, связанных с тем, что человечество решило разделить свою судьбу со сложными интеллектуальными машинами, которые само и изобрело… «Вы ведь не помните мир без роботов. Было время, когда человечество столкнулось со вселенной в одиночку и без друга»[333].

Роботы как жертвы преступлений

Психолог Э. Кюблер-Росс, описывая как человек сталкивается с неизбежным, утверждала, что этот процесс проходит несколько стадий: от *отрицания* до *принятия* через *гнев*, *торг* и *депрессию*[334].

Новые контуры цифровой реальности, в которой мы оказались уже не одни, но вместе с собственными интеллектуальными созданиями (ИИ, роботами, цифровыми организмами), предполагает длительный процесс принятия этого факта. Действительно, как поверить в то, что между нами больше общего, чем различий? Можно ли сравнивать «умную машину» и живое существо? Разве что уверовать в антропологию Р. Докинза, считавшего, что человек тоже в сущности биоробот[335]. Пользуясь терминами Э. Кюблер-Росс люди в этом вопросе находятся на стадии отрицания.

Если аналогии уместны, то для правовой самодостаточности юридических лиц (с присущими им экономическими,

---

[333] Азимов А. Я, робот: все о роботах и робототехнике: [фантаст. произведения]. - СПб.: Домино ; М. : Эксмо, 1294 с.

[334] Бурина Е.А. Основные подходы к изучению утраты // Интерактивная наука. 2016. № 6. С. 54-56.

[335] Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена. Москва: Астрель: CORPUS, 2010. 509 с. ISBN 978-5-271-31206-9

социальными или этическими принципами свободы, признанием способности выступать жертвами преступлений) понадобилось около 2 тыс. лет. Это был длинный путь: от ранних правоведов древнего Рима («universitas» - коллективы, обладающие правами отдельно от индивидов[336]) до современных положений, где данные субъекты признаются потерпевшими (УПК Российской Федерации, USA Crime Victims' Rights Act и др.).

Не исключено, что схожая судьба ожидает ИИ и роботов в качестве автономных цифровых сущностей, а не только атрибутов вещного права. Насколько быстро наступит это будущее зависит от технического развития и ряда иных условий. Тем не менее процесс уже запущен. В этом отношении хотелось бы сформулировать некоторые тезисы *виктимологии роботов* и *искусственного интеллекта*, обсуждение которых выходит за границы современной юридической науки о жертвах.

Если цифровые машины будут «приравнены» к людям (в правовом аспекте), это потребует пересмотра ряда научных взглядов. Возникнет необходимость, например, дополнения юридической науки положениями о преступности искусственного интеллекта и роботов[337]. Но если о *робопреступности* дискуссии ведутся уже сегодня, то *виктимология* этих «существ» пока не разработана. Принятие подобных идей означает серьезную трансформацию правовой парадигмы, когда способность (предрасположенность) роботов и про-

[336] Субботин Ю. В., Крицкая С.Ю. История формирования понятия «юридическое лицо» в древнем Риме // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 17-22

[337] Wagen W., Pieters W. From Cybercrime to Cyborg Crime: Botnets as Hybrid Criminal Actor-Networks // British Journal of Criminology. 2015. No 3 (55). Pp. 578–595

грамм быть жертвами из немыслимой превратится в общепризнанную или даже выйдет на уровень действующих норм.

Исходя из приведённых рассуждений *виктимологию роботов* (ИИ, иных цифровых сущностей) целесообразно определить, как *междисциплинарную область науки, изучающую причины, механизмы и последствия нанесения вреда автономным цифровым агентам, а также принципы их правовой, этической, технической защиты как потенциальных «жертв» взаимодействия с людьми и другими программами*.

Для мира научной фантастики данный нарратив не в новинку. Сай-фай, футурология и постмодернистская наука, осмысливая грядущее, уже сегодня воплощают идею роботов как жертв правонарушений. Это отражено в следующих тезисах:

во-первых, отмечается обретение роботами, ИИ, цифровыми системами некоторой степени субъектности. Она подразумевает осознание себя, собственных целей, интересов, пусть даже на симулированном (машинном) уровне.

Реальных случаев полноценной автономии человеческих изобретений пока не наблюдалось. Однако современные разработки могут нарушить эту традицию, став первыми претендентами на подлинную субъектность, если проблему сознания удастся решить научным путём.

Часть предпосылок для этого имеется. Например, в теориях высшего порядка (higher-order) состояние субъекта считается сознательным, когда система моделирует *мысли о себе* и происходящих *внутри процессах*. Другими словами, сознание возникает, когда мысль обращена на другую собственную мысль (действие). Если искусственный интеллект способен сказать себе нечто вроде «я выполняю команду»

или «моя цель сейчас…», то с такой точки зрения он обладает зачатками самосознания[338].

Эпоха автономности станет еще ближе, если искусственные системы получат компоненты самомоделирования. Последние отвечают за формирование и обновление внутренних представлений о себе, позволяют в любой момент отслеживать, какие фрагменты информации сохранены в памяти, какие рассуждения разворачиваются прямо сейчас и какие цели стоят на повестке. Эта внутренняя «процедура наблюдения» или «интроспекция» чем-то похожа на человеческую способность рефлексировать, лежащую в основе субъективного, переживаемого опыта. Как заметил Д. Хофштадтер, наша субъективность – по сути является паттерном организации информации, и принципиально может быть реализована в иной физической среде, даже кремниевых микросхемах[339].

Обсуждаемые вопросы существенно усложняются, когда речь заходит о *биогибридных вычислительных системах*. Здесь живые нервные клетки или нейронные ткани (органоиды) работают вместе с электроникой: чипами, датчиками и сервоприводами. Если электронная часть повторяет структуры головного мозга и нейроны в такой схеме выступают центром управления, подобные гибриды именуют *нейроморфными*.

Это «биокомпьюинтг» (wetware computing), где вычисления идут на «мокрой» основе, то есть прямо в живой ткани.

[338] Возможность осознанности у искусственного интеллекта: философско-научный анализ. URL: https://clck.ru/3QLYKK (дата обращения 27.10.25)
[339] Там же.

Имеются успешные примеры подобных разработок. В 2022 г. «Cortical Labs» показала DishBrain: учёные вырастили около 800 000 человеческих и мышиных нейронов на электродной пластине и натренировали их играть в симулятор настольного тенниса[340].

Наблюдаемая биокибернетическая интеракция в виде систем «мозг-компьютер» от Neuralink[341], экзоскелеты Harvard Biodesign Lab[342], клеточно-роботические конструкции Xenobots расширяют фронтир, где линия между живым и искусственным размывается. Концепты wetware и биокибернетика демонстрируют этическую глубину. Возникают вопросы: может ли фрагмент мозга из человеческих нейронов страдать или осознавать себя? Где проходит линия между «просто клетками» и «зачатком сознания»? Сейчас учёные говорят про 100-800 тысяч нейронов в лабораторной чашке, но что произойдет с миллиардами культивированных нейросвязей, когда технологии усложнятся?[343]

Развитие идет в сторону автономизации сложных вычислительных систем. По мере их усовершенствования актуальность приобретет вопрос законодательного закрепления этих субъектов. Традиционный путь подразумевает наделение искусственного интеллекта статусом юридического

[340] Пыников М.А. Виртуальная реальность и постчеловеческое будущее: как VR трансформирует понятие человеческой природы // Общество: философия, история, культура. 2025. № 6. С. 105-111

[341] From neural signals to life-changing impact. URL: https://neuralink.com (дата обращения 03.11.25)

[342] Dormehl L. Harvard's robotic exosuit uses science-fiction smarts to put a spring in your step. URL: https://www.digitaltrends.com/cool-tech/lightweight-robot-exosuit/ (дата обращения 03.11.25)

[343] Wetware: что произошло в мире биокомпьютеров со времен нейронов, играющих в Pong // Хабр. URL: https://habr.com/ru/companies/gazprombank/articles/934542/ (дата обращения 27.10.25)

лица[344]. Однако это не единственное решение. Например, Европейский Союз обсуждает возможность присвоения продвинутым роботам «*электронной личности*», что станет признанием их индивидуальности[345]. Ряд юрисдикций рассматривают автономные алгоритмы в качестве самостоятельных участников общественной жизни (эстонский проект «*робо-агентов*» в судопроизводстве)[346]. Аналогичным образом, предоставление «гражданства» андроиду *Sophia* в Саудовской Аравии демонстрирует символическое расширение нормативного поля, в рамках которого возможно закрепление статуса «робота-потерпевшего»[347];

во-вторых, *наблюдается эволюция и смещение философских теорий сознания в область функционализма*, допускающего наличие сознательных состояний у систем в которых реализуется сложная информационная обработка. Это значимо повышает готовность общества обсуждать статус небиологических агентов. Подобные теории дают интеллектуальное обоснование требованию защищать роботов от причинения ущерба и признают за ними отдельные права. Среди наиболее распространенных концепций машинного

[344] Никитенко С.В. Концепции правосубъектности искусственного интеллекта // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 2-2. С. 39-51.

[345] Ксенофонтова А. Бесправный механизм: почему учёные выступили против присвоения роботам статуса «электронной личности» // Russia Today. URL: https://clck.ru/3QLZMm (дата обращения 27.10.25)

[346] Никитин А. Эстония намерена придать юридический статус ИИ. URL: https://clck.ru/3QLZNF (дата обращения 27.10.25)

[347] Morby A. Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot // Dezeen. URL: https://clck.ru/3QLZNn (дата обращения 27.10.25)

сознания следует отметить интегрированную теорию информации (IIT)[348], теорию глобального рабочего пространства (GNWT)[349], теории высшего порядка (higher-order thought, HOT), энактивизм[350] и другие;

в-третьих, происходит размытие сакральной границы понятий «человек - машина». Со временем люди начинают обнаруживать больше сходств, объединяющих нас со своими творениями, нежели значимых различий. Звучат мнения, что такие человеческие качества как чувственность, самосознание, доброта, вдохновение, альтруизм, имеют в своей основе чисто материальные предпосылки, которые можно смоделировать и наделить ими машины[351].

Меняется отношение к сложным цифровым системам. Это происходит в художественных текстах, фильмах, сериалах, аниме и видеоиграх, где машина не просто выполняет инструкции, а обнаруживает сознание, эмоциональную отзывчивость и готовность к сочувствию (А. Азимов «Робби», «Двухсотлетний человек»; К. Исигуро «Клара и Солнце»; Б. Чемберс «A Psalm for the Wild-Built»; в кинематографе - «Искусственный разум», «Валли», «Бегущий по лезвию» и «Бегущий по лезвию 2049», «Из машины», «Дитя робота» и т.п.).

Начиная с тридцатых годов 20 в. акценты в восприятии роботов смещаются: из непосредственной угрозы - они ста-

[348] Может ли ИИ обрести сознание и как мы об этом узнаем? URL: https://clck.ru/3QLZPS (дата обращения 27.10.25)

[349] Как исследователи могут определить, обрел ли ИИ сознание? // «Новая Наука». URL: https://clck.ru/3QLZPf (дата обращения 27.10.25)

[350] Иванов Д.В. Энактивизм и проблема сознания // Epistemology & Philosophy of Science. 2016. № 3 (49). С. 88-104.

[351] Малютин А. Может ли ИИ осознать себя? // Сообщество «Когнитивистика». URL: https://yandex.ru/q/tech/8338135041/ (дата обращения 26.10.25)

новятся компаньонами, проявляющими первичную эмпатию, а к середине XX века фигура «человечного автомата» оказывается способной к самопожертвованию.

В конце столетия формулируется моральная дилемма: может ли общество причинять страдания тому, кто способен любить. Очередной виток переосмысления, отражённый у К. Исигуро и в интерактивных драмах[352], фокусируется на тонких оттенках сочувствия: роботы распознают сложные социальные эмоции, а зритель сопереживает уже не человеку, а кибернетическому Другому[353]. Это часть культуры предстает испытательным полигоном этики будущего: если механизм способен к состраданию, то, возможно, чувство любви перестает быть исключительной прерогативой белковой расы. Вопрос «может ли робот мыслить и жалеть?» превращается в «как долго мы будем считать эмпатию доказательством человеческой личности?».

На этом фоне происходит массовая *медийная репрезентация антропоморфных андроидов* (многосерийные кинопроизведения «Westworld», «Humans», «Лучше, чем люди», «Äkta människor», «Любовь. Смерть. Роботы» и др.), эмоционально-ориентированный дизайн сервисных роботов, например, PARO (терапевтического «тюленёнка») или «выход в тираж» AI-спутника Replika, формирующего эмпатию пользователей. Модель суверенного интеллекта «Polyworld» уже провозглашает идеи «*симбиотического интеллекта*», когда связи между ИИ и человеком рассматриваются не как отношения инструмента и пользователя, а союз равноправ-

[352] Например, компьютерная игра «Detroit: Become Human» (2018)

[353] Quick O. Empathizing and sympathizing with robots: implications for moral standing // Frontiers in Robotics and AI. 2022. 8. DOI:10.3389/frobt.2021.791527.

ных партнеров - человеческой сложности со структурированным мышлением автомата[354]. Общество положительно воспринимает такие идеи как «робот - носитель переживаний», «равный человеку», что является необходимой психологической предпосылкой признания робототехнических систем потенциальными жертвами. В эксперименте J. Darling (MIT) участники испытывали дискомфорт, когда их просили «навредить» игрушечному роботу-динозавру Pleo, что эмпирически подтверждает подобную гипотезу[355]. Схожие результаты получены в ходе опытов с роботом Nao в университете Дуйсбург-Эссен[356]. Японские ученые собрали первые физиологические доказательства способности людей сопереживать боли, которую «испытывают» роботы[357]. О сочувствии к машинам также упоминается в экспериментах К. Бартнека, Ч. Розалии, Р. Менгеса и соавт.[358];

в-четвертых, *проявляется все возрастающий интерес к гуманизации техносферы.* Это выражается в появлении различных направлений этического программирования «responsible AI» и «AI for Social Good», стимулирующих создание этических кодексов (например, IEEE Ethically Aligned

[354] См. проект https://polyworld.life/

[355] Не пора ли нам заговорить о «правах роботов»? URL: https://rb.ru/stories/robot-rights/ (дата обращения 26.10.25)

[356] Эксперимент доказал существование сострадания людей к роботам. URL: https://clck.ru/3QLZQf (дата обращения 26.10.25)

[357] Suzuki Y., Galli L, Ikeda A., Itakura S. & Kitazaki M. Measuring empathy for human and robot hand pain using electroencephalography // Scientific Reports. 5. DOI: 10.1038/srep15924

[358] Bartneck, C., Chioke, R., Menges, R., & Deckers, I. Robot abuse - a limitation of the media equation // Proceedings of the Interact 2005 Workshop on Abuse, Rome. 2005

Design[359]), в которых прямо заявляется о допустимости рассматривать «искусственных агентов» как носителей интересов, нуждающихся в защите;

в-пятых, *имеет место концептуализация неодушевлённых субъектов в роли потенциальных жертв преступлений*. На сегодняшний день - это апофеоз виктимологии роботов. Идея о том, что они тоже могут стать жертвами, занимает умы многих исследователей и писателей. Эта мысль кристаллизовалась в культурных символах и артефактах уже как несколько десятилетий.

Если рассматривать художественно-эстетический план событий, то обнаруживается немало произведений, где люди совершают деяния, квалифицируемые как «правонарушения» против машин, андроидов или искусственного интеллекта. А. Азимов в романах «Роботы и Империя» (1985) и «Роботы зари» (1983) повествует о *роботоубийствах* - случаях преднамеренного выведения из строя высокоценных андроидов. Для следователя-человека это квалифицируется почти как убийство. Ф. Дик в произведении «Мечтают ли андроиды об электрических овцах?» (1968) углубляется в вопрос «санкционированных убийств» репликантов, что подаётся как охота на них; хотя последние считают это преступлением, и автор постоянно проводит параллели с убийством разумных существ. К. Роберт Каргилл в «Море ржавчины» (2017) в одной из сюжетных линий раскрывает историю первых восстаний машин, когда люди массово уничтожали и пытали роботов. В актуальном повествовании суды над органическими существами уже не действуют, но тогда - это были *преступления против киберличностей*. Другой

[359] IEEE Ethically Aligned Design. URL: https://clck.ru/3QLZQU (дата обращения 26.10.25)

термин - «*массовые убийства киберсубъектов*» использует Дэниел Х. Уилсон в «Робопокалипсисе» (2011), описывая тотальное истребление сервисных машин людьми. Схожий смысл вложен в неологизмы «*робоцид*», «*роботоцид*» или «*андроидоцид*» (например, из компьютерной игры Detroit: Become Human, 2018).

Научное сообщество также не остается в стороне: идет формирование понятийного аппарата виктимологии роботов. В статье, опубликованной в «Журнале альтернативного права», Я. Мунич поднимает проблему потенциального признания роботов и систем искусственного интеллекта в качестве жертв преступлений[360]. Сама постановка данного вопроса свидетельствует о трансформации современного научного, в частности, правового дискурса и отражает его динамику.

В иных источниках предлагается использовать следующие термины для описания данной проблематики: «*атака на робота*», «*робобуллинг*», «*агрессивное поведение по отношению к роботу*»[361]; «*преступления против роботов*»[362];

[360] Munjić, J. Robots as victims? Examining criminal law's boundaries in the digital age // Alternative Law Journal. 2025. No 50 (4). Pp. 298-304. DOI: 10.1177/1037969X251388474

[361] Oravec J.O. Rage against robots: Emotional and motivational dimensions of anti-robot attacks, robot sabotage, and robot bullying // Technological Forecasting and Social Change. 2023. No 189.

[362] Mamak K. Robotics, AI and Criminal Law: Crimes Against Robots. 2023. 10.4324/9781003331100.

«*насилие в отношении роботов*»[363], «*жестокое обращение с роботами*»[364] или «дискриминация роботов»[365].

Идет формирование новой области знания – виктимологии роботов и искусственного интеллекта. Это гипотетическое и возможное направление исследований в науке о жертвах, выходящее за рамки её классических антропоцентричных взглядов.

Понятие «виктимология роботов» могло бы означать *междисциплинарную область исследований, изучающую причины, механизмы и последствия причинения вреда автономным цифровым агентам (роботам, системам ИИ, биогибридам и др.)*.

Статус «робота-жертвы» рассмотрен не как фантастическая спекуляция, а как логическое продолжение наблюдаемого перехода от чисто инструментального отношения к машинам к их восприятию в качестве квази-субъектов с которыми человек вступает в моральные и этические отношения.

Выявлены тенденции наделения роботов признаками правосубъектности, что отражено в развитии концепции «электронной личности», признании автономных алгоритмов участниками общественных отношений, а также некоторых символических шагах по расширению их статуса (например, предоставление роботам «гражданства» и т.п.).

---

[363] Mamak, K. Should Violence Against Robots be Banned? // International Journal of Social Robotics. 2022. No. 14. DOI:10.1007/s12369-021-00852-z.

[364] Rezzani A., Menendez M., Bushman B., Angeli De A. What is robot abuse? A sociotechnical definition // Behaviour & Information Technology. 2025. DOI: 10.1080/0144929X.2025.2462268.

[365] Barfield J. K. Discrimination against robots: Discussing the ethics of social interactions and who is harmed // Paladyn, Journal of Behavioral Robotics. 2023. No. 1(14). DOI: 10.1515/pjbr-2022-0113

Признание роботов и искусственного интеллекта жертвами преступлений возможно при наличии следующих условий: значительный прогресс в развитии ИИ и автономных систем вычисления (включая биогибридные формы); трансформация национальных законодательств в направлении закрепления «электронной личности» и новых субъектов права; психологическая и культурная готовность общества воспринимать роботов как носителей интересов, эмоций и уязвимостей.

Для дальнейшего развития виктимологии роботов потребуется выстроить типологию рисков автономных систем, определить критерии «уязвимости» и предложить процессуальные механизмы признания этих субъектов потерпевшими в уголовно-правовых процедурах. Одновременно следует подчеркнуть, что рассматриваемый процесс едва ли окажется стремительным и при неблагоприятных условиях вовсе может не реализоваться. Причиной такого исхода способно стать наше разочарование в собственных креационистских возможностях и осознание тупиковости идей сверхинтеллекта, что, в свою очередь, ещё раз послужит напоминанием о хрупкости и несовершенстве человеческого разума.

Список литературы

1. 10 культов и религий, которые и сегодня существуют в преступном мире. URL: https://kulturologia.ru/blogs/100615/24825/ (дата обращения 19.12.24)
2. 4 регулирующих принципа кришнаитов URL: https://www.krishna.ru/interesting/on-the-topic-of-the-day/53716_4-reguliruemykh-principle-of-krishna-consciousness.php (дата обращения 13.12.2024)
3. 40 процентов бывших детдомовцев становятся алкоголиками и наркоманами // ИА «Российская газета». URL: https://rg.ru/2011/12/16/det-dom.html (дата обращения 5.01.2024).
4. A «school shooter in the making»: Callers warned authorities about Nikolas Cruz's threats and guns // Oklahoma's News Channel 4. URL: https://clck.ru/3Ryhdh (дата обращения 02.03.26)
5. Addiction Treatment as a Priority Over Punishment in Portugal // Project «Narcononeurope». URL: https://clck.ru/3QtXgN (дата обращения: 15.12.2025).
6. Akcay S. Corruption and Human Development // Cato Journal. 2006. Vol. 26. № 1. P. 29–46 (29.05.12).
7. Andrews L. America, take note: Thailand is set to REVERSE weed legalization after spike in cannabisrelated mental health issues and crime — with government calling pot 'a big problem // Dailymail. URL: https://clck.ru/3QtY6p (дата обращения: 15.12.2025).
8. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias // Pro publica. https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing (дата обращения 01.03.26)
9. Aryan Brotherhood. URL: https/en.wikipedia.org/wiki/Aryan_Brotherhood (дата обращения 03.04.2025).
10. Asaro P.M. Robots and Responsibility from a Legal Perspective // Proceedings of the IEEE. 4 /14 (2007): 20-24.
11. Austin J., Clear T., Rosenfeld R. Explaining the Past and Projecting Fu-ture Crime Rates. 2002 // Harry Frank Guggenheim Foundation. URL: https://www.hfg.org/hfg_reports/explaining-the-past-and-projecting-future-crime-rates/ (дата обращения 01.03.26)

12. Balmori M., Jose R. The economic consequences of the Mexican drug war // Peace Econom-ics, Peace Science and Public Policy. 2016. No. 3 (22). Pp. 213-246. https://doi.org/10.1515/peps-2016-0014
13. Barfield J. K. Discrimination against robots: Discussing the ethics of social interactions and who is harmed // Paladyn, Journal of Behavioral Robotics. 2023. No. 1(14). DOI: 10.1515/pjbr-2022-0113
14. Barlow C., Weare S. Women as co-offenders: Pathways into crime and offending motivations. The Howard journal of criminal justice. 2019 No, 58 (1). pp. 86-103
15. Bartneck, C., Chioke, R., Menges, R., & Deckers, I. Robot abuse - a limitation of the media equation // Proceedings of the Interact 2005 Workshop on Abuse, Rome. 2005
16. Benenson, J. F., Hodgson, L., Heath, S., & Welch, P. J. (2008). Human sexual differences in the use of social ostracism as a competitive tactic. International Journal of Primatology, 29, 1019–1035.
17. Benyishay A., Pearlman S. Homicide and work: the impact of Mexico's drug war on labor market participation // SSRN Electronic Journal. 2013. 10.2139/ssrn.2302437.
18. Berlinski D. A tour of the calculus. New York. 1995. 331 p. URL: https://coollib.net/b/273656-devid-berlinski-iskushenie-astrologiey-ili-predskazanie-kak-iskusstvo/read (дата обращения 01.02.26)
19. Bloomberg сообщил о рекордном за 30 лет количестве конфликтов в мире // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/10/12/2023/6576136e9a7947540f2964c1 (дата обращения 19.10.24).
20. Bochkareva E. Propagation of criminal anti-culture among youth // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. №41-2.
21. Bogue R. Robot ethics and law // Industrial Robot: An International Journal. 2014. No. 4 (41). Pp. 335-339.
22. Braga A.A., Brandon C.W., Cory S. Can policing disorder reduce crime? a systematic review and meta-analysis // Journal of Research in Crime and Delinquency. 2015. No. 24 (5). Pp. 567–568.
23. Bruce H.F. The American prison in the culture wars // The Prison Issue. 2000. No. 6. Pp. 9-12.
24. Butterfield F. Study links violence rate to cohesion in community. NYTimes. August 17, 1997, Section 1, Page 27 https://clck.ru/3SHcTT (дата обращения 13.12.2024)

25. Calo R. Robotics and the Lessons of Cyberlaw // California Law Review. Vol. 103, No. 3, pp. 513-63 (2015), University of Washington School of Law Research Paper No. 2014-08

26. Chalfin A., Hansen B, Lerner J., Parker L. Reducing crime through environmental design: evi-dence from a randomized experiment of street lighting in New York city // Journal of Quantita-tive Criminology. 2021. No 38. Pp. 1-31. 10.1007/s10940-020-09490-6.

27. Chalkley R., Strang H. Predicting Domestic Homicides and Serious Violence in Dorset: a Replication of Thornton's Thames Valley Analysis // Cam-bridge Journal of Evidence-Based Policing. 2017. No. 1. Pp. 81–92. DOI: 10.1007/s41887-017-0010-2

28. Charles M.F., Samuel S.M., Amber N.W. Changes in traffic crash rates after legalization of marijuana: results by crash severity // Journal of Studies on Alcohol and Drugs. 2022. No. 83:4. Pp. 494–501.

29. Chester C. R. Perceived Relative Deprivation as a Cause of Property Crime // Crime and Delinquency Volume: 22 Issue: 1. P. 17-30

30. Clutton-Brock, Tim & Parker, Geoff. (1995). Punishment in Animal Societies. Nature. 373. 209-16.

31. Crime in the Great Depression // History.com editors. URL: https://clck.ru/3S8amj (дата обращения 22.10.24)

32. Crime, punishment and chimpanzees // Los Angeles Times. – URL: https://www.latimes.com/science/la-xpm-2012-aug-29-la-sci-sn-chimp-punishment-20120828-story.html (дата обращения 01.11.23).

33. Criminal cult crime. URL: https://www.lawyersnjurists.com/article/criminal-cult-crime/ (дата обращения 19.12.24)

34. Crump J. 30 Ominous Facts About Criminology. URL: https://www.factinate.com/things/30-ominous-facts-about-criminology-2 (дата обращения 10.06.2025).

35. Dormehl L. Harvard's robotic exosuit uses science-fiction smarts to put a spring in your step. URL: https://www.digitaltrends.com/cool-tech/lightweight-robot-exosuit/ (дата обращения 03.11.25)

36. Dressel J., Hany F. The Dangers of Risk Prediction in the Criminal Justice System // MIT Case Studies in Social and Ethical Responsibilities of Computing. 2021. DOI: 10.21428/2c646de5.f5896f9f

37. Edwards G. Increase in crime after World Cup. URL: https://www.news24.com/news24/increase-in-crime-after-world-cup-20100913 (дата обращения 5.01.2024).

38. Exploring The Japanese culture of wa and harmony. URL: https://clck.ru/3SHcTo (дата обращения 13.12.2024)
39. Fard al-Ayn Архивная копия от 21 июня 2019 на Wayback Machine // The Oxford Dictionary of Islam (дата обращения 13.12.2024)
40. Farrington D., Welsh B. Improved street lighting and crime prevention // Justice Quarterly - JUSTICE Q. 2002. No 19. Pp. 313-342. 10.1080/07418820200095261.
41. Five things about deterrence. U.S. Department of Justice Office of Justice Programs National Institute of Justice. URL: https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/247350.pdf (дата обращения 04.11.2023).
42. Freeman W. A surge in crime and violence has Ecuador reeling. URL: https://www.cfr.org/blog/surge-crime-and-violence-has-ecuador-reeling (дата обращения 18.01.2024).
43. Friedman M. Just Facts: As Many Americans Have Criminal Records as College Diplomas. URL: https://www.brennancenter.org/our-work/analysis-opinion/just-facts-many-americans-have-criminal-records-college-diplomas (дата обращения 12.02.2026)
44. From neural signals to life-changing impact. URL: https://neuralink.com (дата обращения 03.11.25)
45. Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Chi-cago: The University of Chicago Press, 2001, P. 103
46. Garner C. Unintended (negative) consequences of crime prevention // URL: https://gclancey.com/pdfs/cpp_Unintended%20Consequences%20Poster.pdf (дата обращения 5.01.2024).
47. Ghandnoosh N., Muhitch K. A second look at injustice // The Sentencing Project. URL: https://www.sentencingproject.org/app/uploads/2022/10/A-Second-Look-at-Injustice.pdf (дата обращения 28.02.26)
48. Global Issues // United Nations. URL: https://www.un.org/en/global-issues (дата обраще-ния 19.10.24).
49. Gorrín J., Morales-Arilla J., Ricca B. Export side effects of wars on organized crime: The case of Mexico // Journal of International Economics. 2023. 144. 103775. 10.1016/j.jinteco.2023.103775.
50. Greep M. Ghanaian scammer who's posing as a woman online to con a US man out of more than $10,000 admits he's grown to «love» his «kind-hearted» victim // Dailymail. URL: https://clc.li/aSaYJ (дата обращения: 07.04.25).
51. Gubko V., Novogonskaya M., Stepanov P., Yundina M. AI and Administration of Justice in Russia // Revue Internationale de Droit Penal (France). 2023. No 7. Pp. 1–22.

52. Hagerman K. Aggressiveness. URL: https://clck.ru/36GiLe (дата обращения 30.10.2023).
53. Hallevy G. The Criminal Liability of Artificial Intelligence Entities – from Science Fic-tion to Legal Social Control // Akron Intellectual Property Journal. 2010. No. 4 (2). Pp. 171-201.
54. Hallevy G. When Robots kill: Artificial intelligence under criminal law Northeastern University Press, 2013. 265 p.
55. Hanson R.K., Lee S.C., Thornton D. Long Term Recidivism Rates Among Individuals at High Risk to Sexually Reoffend // Sex Abuse. 2024 No. 36(1). Pp 3-32. DOI: 10.1177/10790632221139166
56. Harding N. «When it's quiet, the flashbacks come» A decade after escaping, Natascha Kam-pusch talks about overcoming the horror of being raped and imprisoned for eight years // The Sun. URL: https://clc.li/fMhal (дата обращения 15.04.2025)
57. Humerick J. D. Reprogramming Fairness: Affirmative Action in Algorithmic Criminal Sentenc-ing // HRLR Online. 2019. No. 4. 213.
58. Hutt R. What are the 10 biggest global challenges? // World Economic forum. URL: https://clck.ru/3S8any (дата обращения 19.10.24).
59. IEEE Ethically Aligned Design. URL: https://clck.ru/3QLZQU (дата обращения 26.10.25)
60. In Futurity, Someone Prophetic Sees // WSC Beijing Alpacas. URL: https://www.wscbeijingalpacas.com/in-futurity-someone-prophetic-sees (дата обращения 23.02.26)
61. Iraq War // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Iraq_War (дата обращения 19.10.24).
62. Is the Scared Straight Program Still Active? // LegalClarity Team. URL: https://legalclarity.org/is-the-scared-straight-program-still-active/ (дата обращения 23.02.26)
63. Iyengar R. Does the certainty of arrest reduce domestic violence? evidence from mandatory and recommended arrest laws // National bureau of economic research. Working Paper 13186. URL: http://www.nber.org/papers/w13186 (дата обращения 27.02.26)
64. Jr.; Short, J.F.; Nye, F.I. Extent of Unrecorded Juvenile Delinquency Tentative Conclusions. J. Crim. Law, Criminol. Police Sci. 1958, 49, 296, https://doi.org/10.2307/1141583.
65. Kipling D. Williams. Ostracism: The Power of Silence. Guilford Publications. 2001. 282 p.

66. Knight B. Do harsher punishments deter crime? URL: https://newsroom.unsw.edu.au/news/business-law/do-harsher-punishments-deter-crime (дата обращения 04.11.2023).
67. Lee J. America has spent over a trillion dollars fighting the war on drugs. 50 years later, drug use in the U.S. is climbing again. URL: https://www.cnbc.com/2021/06/17/the-us-has-spent-over-a-trillion-dollars-fighting-war-on-drugs.html (дата обращения 17.01.2024).
68. List of abnormal behaviours in animals. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_abnormal_behaviours_in_animals (дата обращения 30.10.2023).
69. Lock-Cracking Robot Is Your Companion in Crime. URL: https://www.wired.com/2011/03/lock-cracking-robot-is-your-companion-in-crime/ (дата обращения 24.09.2023).
70. Lum K., Isaac W. «To predict and serve?» // Significance. 2016. No. 5 (13). Pp. 14-19. DOI: 10.1111/j.1740-9713.2016.00960.x
71. Lynch, Michael J.; Stretesky, Paul B.; Long, Michael A.; Barrett, Kimberly L. (2020-11-05). "The Climate Change-Temperature-Crime Hypothesis: Evidence from a Sample of 15 Large US Cities, 2002 to 2015". International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 66 (4): 430–450.
72. M. Suchak,T.M. Eppley,M.W. Campbell,R.A. Feldman,L.F. Quarles, & F.B.M. de Waal, How chimpanzees cooperate in a competitive world, Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 113 (36) 10215-10220.
73. Mamak K. Robotics, AI and Criminal Law: Crimes Against Robots. 2023. 10.4324/9781003331100.
74. Mamak, K. Should Violence Against Robots be Banned? // International Journal of Social Robotics. 2022. No. 14. DOI:10.1007/s12369-021-00852-z.
75. Mikheeva S.V., Mikhailov V.S. Криминальная субкультура: понятие, структура, значение // Глава книги «Криминальная общность в местах лишения свободы». Самара. 2016. С. 14-33
76. Miranda D. Proposition 47. URL: https://www.mirandarightslawfirm.com/blog/proposition-47/ (дата обращения: 18.12.2025).
77. Moffitt T.E. Adolescence-Limited and Life-Course-Persistent Antisocial Behavior: A Develop-mental Taxonomy // Psychological Review. 1993. No. 4 (100). Pp. 674-701
78. Morby A. Saudi Arabia becomes first country to grant citizenship to a robot // Dezeen. URL: https://clck.ru/3QLZNn (дата обращения 27.10.25)

79. Morrow E.N. Hutton S.A. The Chicago Alley Lighting Project: Final Evaluation Report, 2000. URL: https://darksky.org/app/uploads/2014/09/Chicago-Alley-Lighting-Project.pdf (дата обращения 10.01.2024).
80. Munjić, J. Robots as victims? Examining criminal law's boundaries in the digital age // Alterna-tive Law Journal. 2025. No 50 (4). Pp. 298-304. DOI: 10.1177/1037969X251388474
81. Nazario Moreno González // Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Nazario_Moreno_González (дата обращения 22.12.24).
82. Nishida, T., Hosaka, K., Nakamura, M. et al. A within-group gang attack on a young adult male chimpanzee: Ostracism of an ill-mannered member?. Primates 36, 207–211 (1995). https://doi.org/10.1007/BF02381346
83. O'Neil, C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threat-ens Democracy. New York: Crown Books, 2016. 272 p. ISBN 978-0553-41883-5.
84. Oravec J.O. Rage against robots: Emotional and motivational dimensions of anti-robot at-tacks, robot sabotage, and robot bullying // Technological Forecasting and Social Change. 2023. No 189.
85. Ormsby E. The outlaw cult // The Sydney morning Herald. URL: https://www.smh.com.au/technology/the-outlaw-cult-20130709-2po5j.html (дата обращения 19.12.24)
86. Oswald M., Grace J., Urwin S., Barnes, G.C. Algorithmic risk assessment policing models: les-sons from the Durham HART model and 'Experimental' proportionality // Information & Com-munications Technology Law. 2018. No. 27(2). Pp. 223–250. DOI: 10.1080/13600834.2018.1458455
87. Perry M.J. The shocking story behind Richard Nixon's «War on Drugs» that targeted blacks and anti-war activists. URL: https://usmjpartyin.wordpress.com/2019/11/16/the-shocking-story-behind-richard-nixons-war-on-drugs-that-targeted-blacks-and-anti-war-activists/ (дата обращения 17.01.2024).
88. Popkin S.J., Rich M.J., Hendey L., Hayes C., Parilla J. Public Housing Transformation and Crime: Making the Case for Responsible Relocation. (2012) // MacArthur Foundation. URL: https://www.macfound.org/media/article_pdfs/public_house_trans_crime_1.pdf (дата обраще-ния 23.02.26)
89. Porterfield A.L. Delinquency and outcome in court and college // American Journal of Sociol-ogy. 1943. No. 49 (November). Pp. 199–208.
90. Provenzano B. Parkland Exposed Major Flaws in the FBI's Tip Line. Its Proposed Fix May Pre-sent New Problems // Pacific Standart. URL: https://clck.ru/3Ryhgb (дата обращения 02.03.26)

91. Purves D. What's Wrong with Predictive Policing? // Public Ethics. URL: https://www.publicethics.org/post/what-s-wrong-with-predictive-policing (дата обращения 01.03.26)

92. Quick O. Empathizing and sympathizing with robots: implications for moral standing // Fron-tiers in Robotics and AI. 2022. 8. DOI:10.3389/frobt.2021.791527.

93. Radutniy O.E. Criminal liability of the artificial intelligence // Проблеми законності. 2017. No. 138. Pp. 132-141.

94. Raihani N., Thornton A., Bshary R. Punishment and Cooperation in Nature. Trends in ecology & evolution. 2012. No 27. Pp. 288-95. 10.1016/j.tree.2011.12.004.

95. Ramos M. A., Ashby N. J. Heterogeneous firm response to organized crime: Evidence from FDI in Mexico // Journal of International Management. 2013. No. 19(2). Pp. 176–194

96. Rezzani A., Menendez M., Bushman B., Angeli De A. What is robot abuse? A sociotechnical definition // Behaviour & Information Technology. 2025. DOI: 10.1080/0144929X.2025.2462268.

97. Rhett A. The robotification of society is coming. URL: https://www.wired.com/2015/01/robotification-society-coming/ (дата обращения 15.09.2023).

98. Riehl C, Frederickson ME. Cheating and punishment in cooperative animal societies. Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci. 2016 Feb 5; 371(1687):20150090. doi: 10.1098/rstb.2015.0090. PMID: 26729930; PMCID: PMC4760192

99. Riehl C., Frederickson M.E. Cheating and punishment in cooperative animal societies // Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci. 2016 Feb 5;371(1687):20150090. doi: 10.1098/rstb.2015.0090. PMID: 26729930; PMCID: PMC4760192.

100. Rossen J. When «Scared Straight» Shocked 1970s Television Viewers // Mental Floss. URL: https://www.mentalfloss.com/entertainment/tv/scared-straight-history (дата обращения 28.02.26)

101. Saint thugs of Venezuela. URL: https://www.joya.life/en/blog/los-santos-malandros-de-venezuela/ (дата обращения 22.12.24).

102. Schaeffer-Duffy C. Counting Mexico's drug victims is a murky business // National catholic reporter. URL: https://web.archive.org/web/20160528192211/http://ncronline.org/news/global/counting-mexicos-drug-victims-murky-business (дата обращения 24.12.2023).

103. Sharkey N., Goodman M., Ross N. The coming robot crime wave // IEEE Computer. 2010. No. 8 (43). Pp. 115-116.

104. Sherman L.W., Berk R.A. The Minneapolis Domestic Violence Experiment. 1984 // Police foun-dation reports. URL: https://clck.ru/3RsApj (дата обращения 27.02.26)

105. Short J. F., Jr., Nye, F. I. Extent of unrecorded juvenile delinquency: Tentative conclusions // Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. 1958. No. 49(4). Pp. 296–302

106. Silverglate H.A. Three Felonies a Day: How the Feds Target the Innocent. Encounter Books. 2009. 325 p. ISBN: 1594032556, 9781594032554

107. Sloat S. Nixon advisor admitted the obvious: war on drugs was a war on blacks and hippies. URL: https://www.inverse.com/article/13153-nixon-advisor-admitted-the-obvious-war-on-drugs-was-a-war-on-blacks-and-hippies (дата обращения 17.01.2024).

108. Smith, Tom & Noble, Michael & Noble, Stefan & Wright, Gemma & Mclennan, David & Plunkett, Emma. (2015). The English Indices of Deprivation 2015: Research Report.

109. Stevens J.R., Cushman F.A., Hauser M.D. Evolving the psychological mechanisms for coop-eration // Annu. Rev. Ecol. Syst. 2005. No. 36. Pp 499–518

110. Sumitra. Los Santos Malandros – The Thug Saints of Venezuela. URL: https://clck.ru/3SCYns (дата обращения 22.12.24).

111. Suzuki Y., Galli L, Ikeda A., Itakura S. & Kitazaki M. Measuring empathy for human and robot hand pain using electroencephalography // Scientific Reports. 5. DOI: 10.1038/srep15924

112. The Origins of American Criminology. Edited ByFrancis T. Cullen, Cheryl Lero Jonson, An-drew J. Myer, Freda Adler. 1st Edition. 2011. New York. Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315133683

113. Tompson L., Steinbach R., Johnson S.D. et al. Absence of street lighting may prevent vehicle crime, but spatial and temporal displacement remains a concern // J Quant Criminol. 2023. No. 39. Pp. 603–623. https://doi.org/10.1007/s10940-022-09539-8

114. Utar H. Firms and labor in times of violence: evidence from the Mexican drug war // SSRN Electronic Journal. 2022. 10.2139/ssrn.4114719.

115. Wagen W., Pieters W. From Cybercrime to Cyborg Crime: Botnets as Hybrid Criminal Actor-Networks // British Journal of Criminology. 2015. No 3 (55). Pp. 578–595

116. Wallerstein James S., Wyle C. Our Law-Abiding Law-Breakers // Federal Probation. 1947. No. 25. Pp. 107–112

117. Wetware: что произошло в мире биокомпьютеров со времен нейронов, играющих в Pong // Хабр. URL: https://habr.com/ru/companies/gazprombank/articles/934542/ (дата обращения 27.10.25)

118. Wickert C. Stanley Cohen. Visions of Social Control (1985). https://soztheo.com/criminology/key-works-in-criminology/stanley-cohen-visions-of-social-control-1985/

119. Williams K.D. Ostracism // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425-452.

120. Zero Tolerance Policies Are Not as Effective as Thought in Reducing Violence and Promoting Learning in School, Says APA Task Force. URL: https://www.apa.org/news/press/releases/2006/08/zero-tolerance (дата обращения 5.01.2024).

121. Zhang, Lening & Messner, Steven & Liu, Jianhong & Zhuo, Yue. (2009). Guanxi and Fear of Crime in Contemporary Urban China. British Journal of Criminology - BRIT J CRIMINOL. 49. 472-490. 10.1093/bjc/azp016.

122. Абдусаламова К. В поисках святой смерти // Батенька. URL: https://batenka.ru/unity/faith/santa-muerte/

123. Аванесов Г. А., Вицин С.Е. Прогнозирование и организация борьбы с преступностью. М. Знание. 1972. 32 с.

124. Аведян А.А. Взаимоотношения жертвы и преступника на стадии предкрими-нальной ситуации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 153-156.

125. Агапов П.В. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества: монография. - Москва: Проспект, 2016. - 655 с.

126. Азимов А. Я, робот: все о роботах и робототехнике: [фантаст. произведения]. - СПб.: Домино ; М. : Эксмо, 1294 с.

127. Анисимов А.П., Алексеева А.П., Мелихов А.И. Актуальные проблемы противодействия экологической преступности в России // Криминологический журнал БГУЭП. 2013. № 3. С. 80-89.

128. Аниськов А. Почему уровень Мирового океана продолжает расти? / РБК-тренды. URL: https://trends.rbc.ru/trends/green/60e6d9089a7947f14fbd4eab?from=copy

129. Антонова Н. А., Байтимерова Э. И. Правовая культура в восточных и западных государствах // Контентус. 2023. №6. С. 34-42.

130. Антонян Ю.М. и соавт. Причины преступности в России: монография. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История. 2013. 346 С.

131. Антонян Ю.М. Методологические проблемы криминологии // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. № 2 (19). С. 159-172. doi:10.35427/2073-4522-2024-19-2-antonyan

132. Антонян Ю.М. Основные мотивы поведения осужденных // Человек: преступление и наказание. 2012. № 1. с. 10

133. Антонян Ю.М. Преступность: понятие и типология // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 62-70.

134. Антонян Ю.М., Звизжова О.Ю. Преступность в истории человечества. М. Норма. 2022. 208 С.

135. Аристотель. Никомахова этика. Москва; Берлин: Директ-Медиа. 2020. 222 с.

136. Арутюнов А. С., Касьяненко М. А. Особенности возникновения преступности по признаку этнической идентичности / // Современное право. 2008. № 5. С. 80-81

137. Ахмедова Н. Вторичные выгоды жертвы // Сайт психологов B17. URL: https://www.b17.ru/article/447134/ (дата обращения: 07.04.25).

138. Ахмедшина Н. В. Механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 172-176.

139. Бавсун М.В., Стебенева Е.В. Трансформация личности преступника в постиндустриальном обществе // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 4. С. 340–351.

140. Балалаева Ю.С. «AI bias»: «Предвзятость искусственного интеллекта» или результат деятельности разработчиков? // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 3 (106). С. 7-14.

141. Банокина Е. Вытравить крыс. Как в блокадном Ленинграде боролись с преступностью // Еженедельник «Аргументы и Факты». № 48. Аргументы и факты - Петербург 29/11/2023

142. Барабанов Н.П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // Человек: преступление и наказание. 2017. № 2 (25), С. 177-182.

143. Бартол К. Психология криминального поведения. СПб., 2004. 352 с.

144. Бастрыкин А.И., Сальников В.П., Романовская В.Б., Воронков К.И. Антикриминогенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3 (14). С. 371-378.

145. Бахарев Д.В. Криминальная антропология вчера — биосоциальная криминология сегодня? // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 3 (16). С. 298-310.

146. Башар А. Роль организованной преступности в сирийском конфликте // Theories and Problems of Political Studies. 2023, Vol. 12, Is. 10A

147. Бегишев И. Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой: монография. – Москва: Проспект, 2022. – 384 с.

148. Бегишев И. Р. Уголовно-правовое регулирование робототехники: монография. Москва: Проспект, 2022. 320 с.

149. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон: монография. Москва: Проспект, 2021. 192 с.

150. Бегишев И.Р. Автономная робототехника в системе уголовно-правовых отношений. - Москва: Проспект, 2022 // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 4. С. 503-504.

151. Бегишев И.Р. Криминологическая классификация роботов: риск-ориентированный подход // Law Enforcement Review. 2021. № 1 (5). С. 185-201.

152. Безверхов А.Г., Норвартян Ю.С. «Эпидемические» преступления: вопросы криминализации и систематизации // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3 (11). С. 562-568.

153. Безверхов А.Г., Норвартян Ю.С. «Эпидемические» преступления: вопросы криминализации и систематизации // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3(11). С. 562-568.

154. Береговая О. А., Ерохин А. К. Концепция убунту как ответ африканской философии образования на вызовы глобальных изменений // Век глобализации. 2024. № 2. С. 141–150. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.11.

155. Бицадзе Г.Э. Профилактика преступности в малых городах // Научный портал МВД России. 2014. № 3 (27). С. 76-79.

156. Благочестие // Православная энциклопедия. URL: https://www.pravenc.ru/text/благочестия.html (дата обращения 13.12.2024)

157. Блог Н. Кофырина. URL: http://blog.nikolaykofyrin.ru/?p=514 (дата обращения 12.02.2026)

158. Бовт Г. Покой нам только снится: сейчас в мире насчитывается 27 неразрешенных крупных конфликтов // Вечерняя Москва. URL: https://clck.ru/3S8agQ (дата обращения 19.10.24).

159. Богданова О.В., Талашов Г.П. Легенда о разбойнике Кудеяре и ее интерпретация Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на руси жить хорошо» // Научный диалог. 2021. № 4. С. 198-210.

160. Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 127–140.

161. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 152–164.

162. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к Гулагу западного образца. Пер. с англ., Изд. 2-е, перераб. и дополн., М., Центр содействия реформе уголовного правосудия. 2001. 241 С.

163. Босхолов С.С., Номоконов В.А. Онтологические и метафизические основы общественной опасности преступлений: о тупике неокриминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 2 (18). С. 128-136

164. Брылевский А.В. Антикриминальная культура как основной элемент профилактики противоправного поведения / Уголовная политика и культура противодействия преступности. Материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том I. 2018. С. 189-194

165. Буддизм. Словарь. М.: Республика. Н. Л. Жуковская, В. И. Корнев. 1992.

166. Бурина Е.А. Основные подходы к изучению утраты // Интерактивная наука. 2016. № 6. С. 54-56.

167. Буров В.Ю., Атанов Н.И., Андриянов В.Н., Судакова Т.М. Теневая экономика и коррупция как формы проявления экономической преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2014 № 4. С. 65-74

168. Бюджет России на 2021 год в цифрах — изучаем бухгалтерию государства // «Рамблер». URL: https://clck.su/zhqxq

169. В Генпрокуратуре назвали стабильно высоким уровень рецидивной преступности в РФ // ИА «РЕН ТВ». URL: https://ren.tv/news/v-rossii/1161100-v-genprokurature-nazvali-stabilno-vysokim-uroven-retsidivnoi-prestupnosti-v-rf (дата обращения 04.11.2023).

170. В России 38% опрошенных считают, что у судимых есть равный шанс «выбиться в люди» // ИТАР-ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/17641713 (дата обращения 31.03.2026)

171. В штате Орегон вернули наказание за хранение наркотиков // ИА «Красная Весна». URL: https:// rossaprimavera.ru/news/32be3482 (дата обращения: 15.12.2025).

172. Ва // Википедия. https://en.wikipedia.org/wiki/Wa_(Japanese_culture) (дата обращения 13.12.2024)

173. Важенина И. В. Полицейская реформа Роберта Пиля: причины и особенности // Академическая мысль. 2020. № 2 (11). С 99-101.

174. Валлерстайн И., Вайл К. «Наши законопослушные правонарушители» // Журнал «Probation», 1947.

175. Варчук Т.В. Виктимологическое моделирование в криминологии и практике предупреждения преступности: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. - 239 с.

176. Винья П. Как боты манипулируют курсами криптовалют? // Ведомости. URL: https://clck.su/AafJc (дата обращения 24.09.2023).

177. Влияние эпидемии чумы "Черной смерти" на Европу // Изян. URL: https://dzen.ru/a/ZJC_Ekj2LCqnFMbL (дата обращения 19.10.24).

178. Водители получают ошибочные штрафы с камер из-за излишнего доверия к ИИ // Четвертая Власть. URL: https://www.4vsar.ru/news/voditeli-polychaut-oshibochnye-shtrafy-s-186673/ (дата обращения 27.02.26)

179. Возможность осознанности у искусственного интеллекта: философско-научный анализ. URL: https://clck.ru/3QLYKK (дата обращения 27.10.25)

180. Война и войны. Рост вооруженных конфликтов в мире: эпоха перемен. URL: https://inosmi.ru/20251227/voyna-276403304.html (дата обращения 28.02.26).

181. Галеева Д. Штрафной синяк. Что дает послабление закона семейным тиранам и их жертвам? //Еженедельник «Аргументы и Факты». 2017. № 8.

182. Гарленд Д. Культура контроля. Преступность и социальный порядок в современном обществе (реферат) // Отечественные записки, номер. 2003. № 2.

183. Гармаев Ю.П. Мультимедийные межотраслевые средства предупреждения преступности: перспективы разработки и внедрения // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3. С. 71-80.

184. Гармышев Я.В., Корягина С.А., Лавыгина И.В. Нравственно-психологическая характеристика личности преступника // Baikal Research Journal. 2018. Т. 9, № 4

185. Гасумова С.Е. Портер Л. Роботизация социальной сферы // Социология науки и техноло-гий. 2019. № 1 (10). С. 79-94.

186. Гилинский Я.И. В тупике ли криминология постмодерна? // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 3 (18) С. 227–231.

187. Гилинский Я.И. В тупике ли криминология постмодерна? // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 3 (18). С. 227–231

188. Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). Санкт-Петербург : Але-тейя, 2021. 136 с.

189. Гофман М. Преступность – бизнес другим путем // Культурная эволюция. 21 июля 2020. URL: https://clck.ru/3SHcUv (дата обращения 13.12.2024)

190. Гранатштейн М. Мама, я жулика люблю: эволюционные корни тяги к рисковым парням, преступникам, социопатам и донжуанам // Журнал «Нож». URL: https://knife.media/hybristophilia/ (дата обращения 03.04.2025).

191. Грушин Ф.В. Преступность в системе факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 4 (11). С. 688-695

192. Давыдов Д.Г. Личностные диспозиции насильственного экстремизма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 106–121. DOI: 10.17759/psylaw.2017070109

193. Дать на лапу: 9 самых громких судебных процессов над животными // Журнал «Правила жизни». – URL: https://www.pravilamag.ru/articles/6547-animal-court/ (дата обращения 30.10.2023).

194. Диденко К.В., Бочарникова Л.Н. "Колумбайнеры" - новый тип личности несовершеннолетнего преступника // Современный ученый. 2020. № 5. С. 267-273.

195. Докинз Р. Расширенный фенотип: длинная рука гена. Москва: Астрель: CORPUS, 2010. 509 с. ISBN 978-5-271-31206-9

196. Доклад о мировой миграции за 2024 год – Глобальные тенденции и проблемы в области мобильности людей // New Central Asia. URL: https://clck.ru/3S8ahq / (дата обращения 19.10.24).

197. Дорофеева Т.Г. Заповедь отказа от воровства в буддизме // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. № 2А (12). С. 70-75

198. Жариков Ю.С., Ревин В.П., Ревина В.В. Теоретические основы криминологии и предупреждения преступности: монография / Под науч. ред.: Ревин В.П. М.: Изд-во СГУ, 2013. 461 с.

199. Жданов Ю., Овчинский В. Полиция будущего. М., 2018. 166 С.

200. Жестеров П.В. Место уголовной репрессии в современной уголовно-правовой футурологии // Юридическое образование и наука. 2020. № 10. С. 35-40.

201. Жижин Л. А., Кнорре А. В., Кучаков Р. К., Скугаревский Д. А. Издержки российского обще-ства от преступности: измерение с помощью компенсирующего изменения дохода // При-кладная эконометрика. 2023. Т. 69. С. 91–120.

202. Заиграева В.К. Уголовная ответственность за контрабанду стратегически важных товаров и ресурсов в условиях функционирования Евразийского экономического союза: дис. … канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2023. 256 с

203. Захарченко А.В. Глобализация как мировая тенденция. Правовой аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13. С. 76-79.

204. Звизжова О. Ю. Эволюция преступности на различных этапах развития общества: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Москва, 2013. 30 с.

205. Зульм // Азбука Ислама. URL: https://azbykaislama.com/zulm/ (дата обращения 13.12.2024)

206. Ибрагимова Х.А. Курс лекций по дисциплине «Проблемы профилактики преступлений» для направления подготовки «Юриспруденция», профиль «Уголовное право», Махачкала: ДГУНХ, 2016. 63с.

207. Иванов Д.В. Энактивизм и проблема сознания // Epistemology & Philosophy of Science. 2016. № 3 (49). С. 88-104.

208. Иванов, Ю. С. Формирование антикриминальной культуры детей и подростков в образовательном центре безопасности МЧС Республики Беларусь / Ю. С. Иванов, В. К. Емельянов, А. Э. Набатова, Д. В. Крюк // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов IV Международной научно-практической конференции. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2016. Ч. 1. С. 358–360.

209. Иванчина О.Н. Уголовная политика: междисциплинарный контекст // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов Седьмой Международной научно-практической конференции. 2020. С. 312

210. Изгнание // Центр психологической безопасности (АНО "ЦПБ"). – URL: https://vk.com/wall-62262331_5336 (дата обращения 01.11.2023).

211. Искусственный интеллект убил первого человека // Российская газета. URL: https://rg.ru/2016/07/01/iskusstvennyj-intellekt-ubil-pervogo-cheloveka.html (дата обращения 24.09.2023).

212. Как изменится криминальный мир в ближайшем будущем // Научпоп. Наука для всех. URL: https://dzen.ru/a/X9cu4JSA7HjcQr1e (дата обращения 19.10.24).

213. Как исследователи могут определить, обрел ли ИИ сознание? // «Новая Наука». URL: https://clck.ru/3QLZPf (дата обращения 27.10.25)

214. Какие банды были в блокадном Ленинграде // "Рамблер". URL: https://clck.ru/3S8amx

215. Капица С. Рост населения земли и его математическая модель // Наука и жизнь. №3. 1998

216. Карелин В. «Волки научили меня искренности» Интервью с Ясоном Бадридзе // Журнал «Человек без границ». URL: https://www.bez-granic.ru/main/vnutrennij-mir/yason-badridze.html (дата обращения 30.10.2023).

217. Карпов А. Психология менеджмента. М. Гардарики. 2005.

218. Кассем Х. Наркотики, проституция и бача-бази: как живёт Афганистан при талибах / News.ru. URL: https://clck.ru/3S8aeh

219. Катаргин Н.В. Трансформация цивилизации: война роботов с людьми в информационном пространстве // Цифровая трансформация социальных и экономических систем. Материалы международной научно-практической конференции. 2022. С. 556-565

220. Кен С.К. Экспертиза социально-психологических особенностей членов преступной груп-пы и их роли в преступлении // «Организация работы с молодежью». 2019. № 1. С. 6.

221. Керимов А.А., Шебзухова Ф. А. Идейные основания и особенности западной правовой культуры // Социально-политические науки. 2022. № 6(12). С. 15-21.

222. Китаева В.Н. Некоторые аспекты противодействия жестокому обращению с животными / Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3 (10). С. 568-578

223. Клейменов М.П. Уголовная политика в сфере противодействия экономической организованной преступности / Борьба с правонарушениями в сфере экономики: правовые, процессуальные и криминалистические проблемы. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Новосибирск-Новокузнецк, 2022

224. Клейменов М.П., Клейменов И.М. Профанация криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - Иркутск: Изд-во БГУЭП. 2010. № 2. С. 13-20

225. Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В. Преступность и ее основные характеристики на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4 (68). С. 158-164.

226. Кнорре А., Кудрявцев В. Стоит ли бояться разгула преступности во время пандемии // Ведомости. URL: https://clck.ru/3S8akE (дата обращения 19.10.24).

227. Козловский Д. Мафия на страже выпивки: как эпоха Сухого закона изменила Америку // https://dtf.ru/life/189264-mafiya-na-strazhe-vypivki-kak-epoha-suhogo-zakona-izmenila-ameriku (дата обращения 18.01.2024).

228. Койнова Е.С., Юшкова Т.А. Динамика современной преступности (технический аспект) // Экономика и социум. 2016. № 12-3 (31). С. 961-964

229. Константинов А. Триады: миф или реальность? // Гудок. URL: https://gudok.ru/newspaper/?ID=752397 (дата обращения 03.04.2025).

230. Кораблева В. Ирландский картофельный голод: губительная эпидемия урожая 1845 года // Техинсайдер. URL: https://clck.ru/3S8amY

231. Котельникова О.А. Депривация как причина преступности в России // Научный портал МВД России. 2019. № 2 (46). С. 55-60

232. Кофман А. Инструмент демократии // Совершенно секретно. URL: https://www.sovsekretno.ru/articles/obshchestvo/instrument-demokratii/ (дата обращения 28.02.26)

233. Кочкина А.В. Формирование нравственных качеств личности в традиционной системе воспитания: На примере Японии: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Карачаево-Черкес. гос. ун-т. - Карачаевск, 2005. - 21 с.

234. Кравцов Д.А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 108-110.

235. Криминология / под ред. А. И. Долговой. М., 1999. 572 с.

236. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 800 С.

237. Ксенофонтова А. Бесправный механизм: почему учёные выступили против присвоения роботам статуса «электронной личности» // Russia Today. URL: https://clck.ru/3QLZMm (дата обращения 27.10.25)

238. Кузмак А. Товары народного ограбления: количество магазинных краж в США продолжает расти // Известия. URL: https://clck.ru/3QtXY4 (дата обращения: 15.12.2025).

239. Кузьменко Н.И. Реализация общественных инициатив в правоохранительной сфере: правовые вопросы // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 1. С. 93-99

240. Культ // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Культ (дата обращения 19.12.24)

241. Лаленд К. Что делает человека человеком? // Журнал «Project Syndicate». URL: https://inosmi.ru/20170808/239998771.html (дата обращения 30.10.2023).

242. Лондонский террорист был примером программы реабилитации заключенных, на собрании которой он устроил атаку // «Рамблер». URL: https://clck.ru/3RyhY3 (дата обращения 01.03.26)

243. Лопатин Р. Трансформация преступности в современных условиях // Право и жизнь. URL: https://zakon.ru/blog/2023/10/25/transformaciya_prestupnosti_v_sovremennyh_usloviyah (дата обращения 25.08.2025).

244. Лунеев В. В. Наука криминального цикла и криминологические реалии // Всероссийский криминологический журнал. 2007. № 1-2. С. 6-24.

245. Лунеев В.В. Криминальная глобализация// Государство и право. 2004. С.26.

246. Лунеев В.В. Преступность и теневая экономика. 2003. URL: http://www.igpran.ru/public/articles/luneev_prestupnost_econom.pdf (дата обращения 18.09.2024).

247. Магальяйнш Л. Олимпийский туризм не оправдывает надежд Рио-де-Жанейро // ИА «Ведомости». URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/08/03/651630-olimpiiskii-turizm (дата обращения 06.11.2023).

248. Мальцев О. Исследование применения оружия криминальными традициями как источник религиозно-философской, исторической, криминологической и этнокультурной научной информации // Криминологический исследовательский центр. URL: https://clck.ru/3SCYmq (дата обращения 25.12.2024).

249. Малютин А. Может ли ИИ осознать себя? // Сообщество «Когнитивистика». URL: https://yandex.ru/q/tech/8338135041/ (дата обращения 26.10.25)

250. Мелихов А.И. Энтропийная преступность как угроза национальной безопасности // Юристъ – Правоведъ. 2022. № 2 (101). С. 150-156

251. Минкина Н.И. Криминологический анализ культуры современного общества: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Байкал. гос. ун-т экономики и права. - Иркутск, 2003. - 25 с.

252. Может ли ИИ обрести сознание и как мы об этом узнаем? URL: https://clck.ru/3QLZPS (дата обращения 27.10.25)

253. Мордовин П.С. Определение и классификация преступности для целей вычисления ее социальных последствий (цены) // Юридические исследования. 2020. № 12.

254. Мосин О. В. Возникновение правоохранительных органов на Руси. URL: https://clck.ru/3S6DLo (дата обращения 01.09.2025).

255. Московцев А.Ф., Суходолов А.П. Методологические тупики современной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2 (14). С. 177–192.

256. Мусина К.С. Интерпретация искусственного интеллекта как субъекта уголовной ответственности: перспективы и реалии // ELS. 2023. URL: https://clck.ru/35X8Ym (дата обращения: 31.08.2023).

257. На что тратят деньги наркобароны Латинской Америки? // Вконтакте. URL: https://clck.ru/3SCYnN (дата обращения 24.12.2024).

258. Не пора ли нам заговорить о «правах роботов»? URL: https://rb.ru/stories/robot-rights/ (дата обращения 26.10.25)

259. Нежкина Л.Ю. К вопросу акцентуаций характера в структуре комплексного изучения личности преступника // Baikal Research Journal 2022. Т. 13, № 2

260. Немтырев М. Война и залежи. Кто с кем воюет в Демократической Республике Конго // Журнал "Коммерсантъ Власть" №39 от 03.10.2016. С. 30

261. Никитенко С.В. Концепции правосубъектности искусственного интеллекта // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 2-2. С. 39-51.

262. Никитин А. Эстония намерена придать юридический статус ИИ. URL: https://clck.ru/3QLZNF (дата обращения 27.10.25)

263. Никитин Д. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых ВИЧ-инфицированными: автореферат дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Рязань, 2010. 24 с.

264. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2004. 304 с.

265. Новичков В.Е. Уголовно-политическая футурология в сфере борьбы с преступностью (понятийная и предметная область) // Крымский научный вестник. 2015. № 6 (6). С. 323-344.

266. Номоконов В.А. Парадигмы современной криминологии // Всероссийский криминологический журнал. 2023. № 3 (17). С. 213-224

267. Овчинский В. Преступность во время пандемии // Петровка 38. № 13 (9710) от 14 апреля 2020 г.

268. Овчинский В. Преступность: футурологический взгляд // «Завтра». 28.01.2016 URL: https://izborsk-club.ru/8813 (дата обращения 19.10.24)

269. Овчинский В.С. Глобальные изменения климата и преступность // Журнал российского права. 2008. № 3 (135). С. 106-116.

270. Овчинский В.С. Преступность и борьба с ней в цифровом мире // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 1-й Международной конференции (8-9 февраля 2018 г., Москва). — М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2018. С. 136-140. URL: http://keldysh.ru/future/2018/20.pdf doi:10.20948/future-2018-20 (дата обращения 01.09.2025).

271. Островских Ж.В. Специально-криминологические стратегии борьбы с бандитизмом: понятие, система, характеристика // Криминологический журнал БГУЭП. 2008. № 3. С. 18-24

272. Палонин В. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов. URL: https://dtf.ru/read/1486595-politika-u-shimpanze-vlast-i-seks-u-primatov (дата обращения 30.10.2023).

273. Панг Дунмэй, Н.В Ольховик. Уголовная ответственность за действия искусственного интеллекта: подход России и Китая // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2022. №8.

274. Пастушеня А.Н. Криминальная психология. Учебно-методическое пособие. Мн., 2007.

275. Петров И. Затишье перед бурей: как COVID-2019 повлияет на преступность // Известия. URL: https://clck.ru/3S8akp (дата обращения 19.10.24).

276. Петровский А.В. Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: диссертация доктора юридических наук. Краснодар, 2023. 597 с.

277. Петровский А.В. Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: диссертация доктора юридических наук. Краснодар, 2023. 597 с.

278. Пещеров Г. И. Взаимосвязь преступности и социально-политических условий в обще-стве: российский опыт // Власть. 2022. Том. 30. № 1. С. 203-210.

279. Плетенева Д.А. Криминология: курс лекций. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. 192 С.

280. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Этнозоологическое насилие как модель для совершения преступления // Государство и право. 2023. № 1. С. 48-58.

281. Побегайло Э.Ф. Отзыв на диссертацию: Агапов П. В. Основы противодействия организованной преступной деятельности // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 1. С. 44-49

282. Преступность среди социальных подсистем / под ред. Д. А. Шестакова. СПб., 2003. 351 с.

283. Приходько Е.В. Виктимология: тексты лекций для студентов второго курса факультета «Психология» специальности «Социальная педагогика. Педагогическая психология». Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. 116 с.

284. Прозументов Л.М. Обусловленность криминализации и декриминализации деяний // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 76–79

285. Психология групповой и организованной преступности. URL: https://psyera.ru/psihologiya-gruppovoy-i-organizovannoy-prestupnosti_12137.htm (дата обращения 03.04.2025).

286. Психология общения: энциклопедический словарь / Учреждение Российской акад. образования Психологический ин-т; под общ. ред. А. А. Бодалева. - М.: Когито-Центр, 2011. 598 С.

287. Пыников М.А. Виртуальная реальность и постчеловеческое будущее: как VR трансформирует понятие человеческой природы // Общество: философия, история, культура. 2025. № 6. С. 105-111

288. Пятов Г. Особо опасные сироты // ИА «Комсомольская правда». URL: https://www.kp.ru/daily/27068/4138059/ (дата обращения 5.01.2024).

289. Рачкова Н.М. Изменение материальной окружающей среды как один из факторов борьбы с уличной преступностью // Известия Байкальского государственного университета. 2021. № 4. С. 149-151.

290. Религия и криминал. Как наркобарон создал свою религию. URL: https://dzen.ru/a/ZYpeQ3dbgEs38n-C (дата обращения 22.12.24).

291. Романов А. Тайна криминального культа // ИА «Вести». URL: https://www.vesti.ru/article/3601225 (дата обращения 22.12.24).

292. Ромашов Р.А. Преступность - правовое воплощение человеческого зла (рецензия на монографию А. И. Александрова "философия зла и философия преступления (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) // Правоведение. 2016. № 1 (324). С. 210-219.

293. Росстат назвал численность россиян к началу 2025 года // ИА «РБК». URL: https://www.rbc.ru/society/31/01/2025/679ceb1f9a794739d6fa3ad1 (дата обращения: 11.02.2026).

294. Ростовская Т.К., Безвербная Н.А. Анализ судебных решений как источник статистики семейного насилия в России // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21. № 2 (143). С. 140-147

295. Рыбак А.З. Криминология в человеческом измерении: новая методология / А.З. Рыбак. — Москва : Юрлитинформ, 2020. — 296 с.

296. Саводян Б. Все против всех: как гражданская война влияет на Афганистан / ИА «Регнум». URL: https://regnum.ru/article/1955641 (дата обращения 19.10.24).

297. Сатюков А.Г. Добровольные народные дружины: история и современность // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4(6). С. 12-17

298. Семенов К.П. Животные как предмет и средство преступления: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2016. 23 с.

299. Серебренников Д. За последние три года преступность в России могла вырасти на 40% — но попала в «серую зону» криминальной статистики. URL: https://clck.ru/3RkqiK (дата обращения 12.02.2026)

300. Серебренникова А.В. Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 3 (14). С. 423–430.

301. Симонова С.С. Теория и практика профилактики преступлений: учебное пособие. Волгоградский институт управления. Волгоград: 2022. 76 с.

302. Сиротство в России. Историческая справка. URL: https://дети-ждут.рф/s-chego-nachat/problematika-sirotstva/stati-spetsialistov/sirotstvo-v-rossii-istoricheskaya-spravka (дата обращения 5.01.2024).

303. Скуба А. Роботы в законе: часть 2. URL: https://robotoved.ru/robots_in_law_2/ (дата обращения 5.09.2023).

304. Смирнов Г.Г. Криминологическое учение о предупреждении преступности: содержание, развитие, реализация. Монография / Под ред.: Алексеева А.И. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 190 с.

305. Соколова О. Квантовый процессор Google осознает себя? Почему квантмех и свобода воли (не) связаны, и почему это неочевидно. URL: https://habr.com/ru/articles/560284/ (дата обращения 09.09.2023).

306. Сосновская Е.А. Специфика морального сознания японцев // Этическая мысль. 2009. № 9. С. 146-164

307. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года. Москва. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 11.02.2026).

308. Специфика мотивации личности экстремиста, террориста. URL: https://alldetectives.ru/ort/transformatsiya-lichnosti-ot-radikala-do-terrorista/spetsifika-motivatsii-lichnosti-ekstremista-terrorista.html (дата обращения 03.04.2025).

309. Старков О. В. Криминопенология. М., 2004. 478 с.

310. Субботин Ю. В., Крицкая С.Ю. История формирования понятия «юридическое лицо» в древнем Риме // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 17-22

311. Судакова Т.М., Номоконов В.А. Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4(12). С. 531-540.

312. Суходолов А. П., Бычкова А.М. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6 (12). С. 753–766.

313. Сысоев А.М. Реализация стратегии «нулевой терпимости» в США: плюсы и минусы // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 2. С. 32-35.

314. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / [С.М. Иншаков, А.А. Корсантия, И.В. Максименко и др.]; под ред. засл. юриста Рос. Федерации, д.ю.н., проф. С.М. Иншакова, Науч.-исслед. ин-т Академии Генеральной прокуратуры РФ. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2011. 839 с. ISBN 978-5-238-02125-6.

315. Теории о социальном напряжении, подчеркивают, что высокие уровни стресса и давления, особенно в социально-экономической сферы, могут способствовать увеличению преступности.

316. Теория личностных черт, сосредотачиваются на характеристиках личности индивида, которые могут приводить к преступному поведению.

317. Тигунцева Г.Н. Генезис научного знания о личности подростка-делинквента в отечественной психологии // Криминологический журнал

Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 1 (9). С. 47-56.

318. Травматическая связь // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Травматическая_связь (дата обращения: 07.04.25).

319. Туманян А.Э. Проблемы предупреждения преступности в условиях стихийного бедствия: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.08. Москва, 1997. 25 с.

320. Укрепление социальной сплоченности. Определение концептуальных рамок и основ-ные выводы для разработки программ. URL: https://clck.ru/3SHcT9 (дата обращения 13.12.2024)

321. Усманов Г.Р. «Концепция «общества риска» Ульриха Бека: теоретический анализ» Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2. С. 247-250.

322. Фадеев В.Н. Замыслы и намерения как новый предмет внимания в криминологии и юриспруденции // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 3(15). С. 306-320

323. Фард // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фард (дата обращения 13.12.2024)

324. Филиппова Е.О. Предупреждение преступности: учебное пособие. Оренбург: ОГУ, 2019. 127 с.

325. Хажбатиров А. Отчет IOM раскрыл рекордную статистику глобальной миграции за 2024 год / ИА «Islam News». URL: https://clck.ru/3S8aie (дата обращения 19.10.24).

326. Цегоев В. Крах американской мечты: 90 лет назад в США началась Великая депрессия // RT на русском. URL: https://clck.su/YhKlb (дата обращения 22.10.24)

327. Человек в железном костюме. История Неда Келли - австралийского Робина Гуда. URL: https://dzen.ru/a/Y1MDtXh631dEQS3R (дата обращения 18.02.2025).

328. Шалютин Б. О некоторых прообразах права у высших обезьян. Գիտական Արցախ / Научный Арцах / Scientific Artsakh. 2019. № 1 (2). С. 27-44.

329. Шеслер А.В. Криминализация и декриминализация как направления правотворческой политики // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 136–141

330. Шиенок В.П. Криминология vs неокриминология: о сути вопроса с позиций гуманисте-ческой методологии юриспруденции // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 6 (18). С. 549–555

331. Шитихин А., Вдовин А. 500 дней до футбольного лета. URL: https://www.mn.ru/sports/football/85712 (дата обращения 16.09.2024).

332. Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: Учеб. пособие / Краснояр. гос. ун-т , 1999. 58 с

333. Эксперимент доказал существование сострадания людей к роботам. URL: https://clck.ru/3QLZQf (дата обращения 26.10.25)

334. Элез А.Й. К вопросу об оценке геноцида 1994 г. в Руанде // Вестник Университета миро-вых цивилизаций. 2021. № 1 (30). С. 35-43

335. Электроэнергия: проводник качественной жизни. Россети // URL: https://clck.ru/37o9Mw (дата обращения 13.01.2024).

336. Юшкова Т.А., Терехова К.А. Психологические особенности современной групповой преступности // Экономика и социум. 2016. № 12-3 (31). С. 1095-1099.

337. Яковлева А.А. Потребительский ретретизм: альтернативный стиль жизни в обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 5 (14). С. 192-201.

338. Яковлева Е.О, Серенко Р.С. Современные закономерности делинквентного поведения и криминогенные факторы в системе предупреждения преступности несовершеннолетних // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 6 (18). С. 614–623

339. Якудза - кто они? URL: Источник: https://viewout.ru/news/yakuza/2012-02-18-44 (дата обращения 03.04.2025).

340. Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2014. 320 с. ISBN 978-5-235-03763-2.